ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СГЮА

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (147) • 2022

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Адрес редакции и издателя — 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490. Подписка на печатные издания на сайте «Объединенного каталога „Пресса России"» www.pressa-rf.ru и интернет-магазина «Пресса по подписке» https://www.akc.ru

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу: http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор ***В.В. Ныркov***
Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 17.08.2022 г. Дата выхода в свет 19.08.2022 г. Формат 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 21,7. Уч.-изд. л. 18,1. Тираж 950 экз. Заказ 308.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Ныркова — кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)

С.Б. Аникин — доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)

А.П. Анисимов — доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)

С.Ф. Афанасьев — доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

М.Т. Аширбекова — доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)

В.М. Баранов — доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)

С.А. Белоусов — доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

И.В. Бит-Шабо — доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)

А.Л. Благодир — доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

А.Г. Блинов — доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

Д.С. Боклан — доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

Н.Л. Бондаренко — доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))

Д.Х. Валеев — доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

А.Н. Варыгин — доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

Н.М. Великая — доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)

Н.Д. Вершило — доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)

А.А. Вилков — доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)

А.Ю. Винокуров — доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

Н.И. Грачев — доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)

Р.Ш. Давлетгильдеев — доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Т.В. Заметина — доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)

А.В. Иванчин — доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

О.В. Исаенкова — доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)

А.М. Каминский — доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России)
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
В.С. Слобожникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV STATE LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL

ESTABLISHED IN JANUARY, 1995

PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

СГЮА

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 4 (147) • 2022

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya str., 1.

The address of the editorial office and publisher is 410056, Saratov, Volskaya str., 1. Federal State Budgetary Educational Institutionof Higher Education "Saratov State Law Academy".
Phone: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.
The subscription index is 46490. Subscription to printed publications on the website of the "United Catalog "Press of Russia"" www.pressa-rf.ru
and the online store "Subscription Press" https://www.akc.ru
The price is free.

The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:
http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv

The journal is registered by the Permitting Department in the Field of Mass Communications of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor ***V.V. Nyrkov***

Editor, proofreader ***M.V. Sedova***

Layout by ***E.S. Sidorova***

Signed in print 17.08.2022. Date of publication 19.08.2022. Format 70×1081/16.

Pr. sheet. 21,7. Ed. print. 18,1. The circulation is 950 copies. Order 308.

Printed in the printing house of the publishing house

Saratov State Law Academy. 410056, Saratov, ul. Volskaya, 1.

© FSBEE HE Saratov State Law Academy, 2022

EDITORIAL BOARD

V.V. Nyrkov	candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow)
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T.V. Zametina	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

15 **С.Ю. Суменков, Н.А. Плахтий**
Правовая действительность как совокупность юридических казусов

22 **П.С. Баринов, В.А. Катомина**
Коммуникативная функция права

30 **Р.С. Маркунин**
Этический компонент в системе ответственности государственных служащих РФ

37 **А.А. Никитин, А.А. Титова, Т.М. Авдонина**
Реализация правового усмотрения в конституционных поправках 2020 года

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

47 **Е.А. Отставнова**
Нетрадиционная и народная медицина в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект

55 **И.Н. Плотникова**
Конституционный принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в Российской Федерации

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

64 **К.А. Тихонов**
Административно-правовое регулирование института государственно-частного партнерства в Российской Федерации

70 **Н.А. Синельникова**
Проблемные вопросы применения дисквалификации за нарушение трудового законодательства

79 **С.П. Степкин**
Проблемы правовой регламентации рассмотрения обращений граждан сенаторами и депутатами, рассмотрения обращений и запросов парламентариев

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

87 **Г.В. Колодуб, Д.А. Мальбин**
Отказ в возврате доли участия в корпорации в реалиях финансово-правового прессинга иностранных государств. Часть вторая: оценка категория «справедливость» в тексте нормы п. 3 ст. 65.2 ГК РФ

94 **О.Ф. Фаст**
Отдельные аспекты защиты интересов супругов при разделе имущества

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

100 Т.Б. Липатова
Реализация принципов гражданского процессуального права в рамках электронного правосудия

108 В.С. Ланина
Эволюция статуса свидетеля в гражданском судопроизводстве

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

116 Е.В. Демидова-Петрова
Социальные сети и их влияние на преступность несовершеннолетних в современной России

126 Д.С. Устинов
Особенности обеспечения права обвиняемого на защиту при реализации мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

134 А.А. Киселев
Криминогенные детерминанты сезонных видов преступности в среднестатистическом городе

147 Г.Р. Фарахиева
Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств в интернет пространстве

КРИМИНАЛИСТИКА

155 А.С. Волков, С.В. Митрошин, Н.А. Финогенов
Актуальные вопросы противодействия мошенническим схемам при использовании «дачной амнистии»

162 И.Б. Воробьёва
Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта при расследовании преступлений

173 В.И. Галушкин
Реконструкция на месте происшествия как средство установления обстоятельств преступления

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

182 Е.Н. Пастушенко, Л.Н. Земцова, К.В. Мацюпа
Формирование доверительной среды как вектор развития публичного права финансового рынка

188 К.В. Маслов
Правовые формы стратегического обеспечения налоговой безопасности государства

200 А.Ю. Сафонов
Оценка налоговых расходов региональных и местных бюджетов: правовое регулирование и практика ее реализации

208 О.В. Содель
Полномочия Банка России в области обращения цифровых финансовых активов и криптовалюты

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

214 **М.В. Васильева, А.Ю. Рожкова, А.С. Валевко**
Антимонопольный комплаенс как инструмент преодоления недобросовестной конкуренции

229 **С.А. Корнеев**
Легитимность освобождения от уголовной ответственности за экологические преступления с назначением судебного штрафа

237 **Ю.С. Сергеенко, А.И. Пермяков, Е.В. Комбарова, В.С. Украинцева**
Обеспечение безопасности на предприятиях и объектах особого значения в условиях экстремальных ситуаций

ПЕРСОНАЛИИ

243 Юбилей Ученого!

245 Разгильдиеву Бяширу Тагировичу — 80!

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

15 **S.Yu. Sumenkov, N.A. Plakhtiy**
Legal Validity as a Set of Legal Mishaps

22 **P.S. Barinov, V.A. Katomina**
Communicative Function of Law

30 **R.S. Markunin**
Ethical Component in the System of Responsibility of Civil Servants of the Russian Federation

38 **A.A. Nikitin, A.A. Titova, T.M. Avdonina**
The Exercise of Legal Discretion in the 2020 Constitutional Amendments

CONSTITUTIONAL LAW

48 **E.A. Otstavnova**
Alternative and Traditional Medicine in the Russian Federation: Constitutional and Legal Aspect

55 **I.N. Plotnikova**
Constitutional Principle of Recognition and Equal Protection of Private and Other Forms of Property in the Russian Federation

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

64 **K.A. Tikhonov**
Administrative and legal Regulation of the Institute of Public-private Partnership in the Russian Federation

71 **N.A. Sinelnikova**
Problematic Issues of Application of Disqualification For Violation of Labor Laws

79 **S.P. Stepkin**
Problems of Legal Regulation of Citizens' Appeals Consideration by Senators and Deputies, Consideration of Appeals and Requests of Parliamentarians

CIVIL LAW

88 **G.V. Kolodub, D.A. Malbin**
Denial of Return a Share in a Corporation in the Realities of Financial and Legal Pressure from Foreign States. Part two: Evaluation Category «Fairness» in the Text of the Norm, Paragraph 3 of Art. 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation

94 **O.F. Fast**
Certain Aspects of Protecting the Interests of Spouses in the Division of Property

CIVIL PROCEDURE

101 T.B. Lipatova
Implementation of the Pinciples of Civil Procedural Law in the Framework of Electronic Justice

108 V.S. Lanina
Evolution of the Witness Status in Civil Proceedings

CRIMINAL PROCEEDINGS

117 E.V. Demidova-Petrova

Social Networks and Their Impact on Juvenile Delinquency in Modern Russia

127 D.S. Ustinov
Features of Ensuring the Right of the Accused to Protection in the Implementation of Security Measures Against Participants in Criminal Proceedings

PROSECUTOR'S SUPERVISION AND CRIMINOLOGY

134 A.A. Kiselev
Criminogenic Determinants of Seasonal Types of Crime in an Average City

148 G.R. Farakhieva
Prevention of Juvenile Involvement in Drug Trafficking on the Internet

CRIMINALISTICS

156 A.S. Volkov, S.V. Mitroshin, N.A. Finogenov
Topical Issues of Counteraction to Fraudulent Schemes in the Use of „Dacha Amnesty"

162 I.B. Vorobyova
Ethical Aspects of the Use of Artificial Intelligence Systems in Crime Investigation

174 V.I. Galushkin
Reconstruction at the Scene of the Incident as a Means of Establishing the Circumstances of the Crime

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

183 E.N. Pastushenko, L.N. Zemtsova, K.V. Matsyupa
Formation of a Trust Environment as a Vector of Development of Public Law of the Financial Market

188 K.V. Maslov
Legal Forms of Strategic Provision of Tax Security of the State

200 A.Yu. Safonov
Assessment of Tax Expenditures of Regional and Local Budgets: Legal Regulation and Practice of Its Implementation

208 O.V. Sodel
Powers of the Bank of Russia in the Circulation of Digital Financial Assets and Cryptocurrency

OTHER BRANCHES OF LAW

215 **M.V. Vasilyeva, A.Yu. Rozhkova, A.S. Valevko**
Antitrust Compliance as a Tool to Overcome Unfair Competition

229 **S.A. Korneev**
Legitimacy of Exemption from Criminal Liability for Environmental Crimes with the Imposition of a Court Fine

238 **Yu.S. Sergeenko, A.I. Permyakov, E.V. Kombarova, V.S. Ukraintseva**
Ensuring Safety at Enterprises and Facilities of Special Importance in Extreme Situations

PERSONALITIES

243 The Scientist's Jubilee!

245 Razgildiev Byashir Tagirovich — 80!

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-15-21
УДК 340.11

С.Ю. Суменков, Н.А. Плахтий

ПРАВОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ КАК СОВОКУПНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КАЗУСОВ

Введение: *в современном отечественном праве казус является элементом правовой действительности. Однако сложность в правопонимании этого феномена, расплывчатость самой дефиниции «правовая действительность» обуславливает необходимость в проведении дополнительных исследовательских изысканий в этой области.* ***Цель:*** *рассмотреть правовую действительность через призму юридических казусов. Для этого определяется соотносимость категорий «правовая действительность» и «правовая система». Устанавливается внутренняя организация правовой действительности, наличие в ней обособленных правовых явлений, свойств.* ***Методологическая основа:*** *в качестве философского базиса для анализа феномена юридический казус взяты парные категории «закономерное» и «случайное». Используется в равной мере системные, диалектические и сравнительные подходы.* ***Результаты:*** *логически обосновывается наличие в праве казуса как неотъемлемого элемента права. Приводится ряд доводов в пользу позиции о первичности существования казусов относительно нормы права. Сопоставляются дефиниции правовая ситуация и юридических казус. Анализируется механизм влияния юридических казусов на правовую действительность и на правосознание отдельного человека.* ***Выводы:*** *автор приходит к заключению, что правовую действительность можно представить в качестве совокупности юридических казусов.*

Ключевые слова: *правовая действительность, правовая реальность, правовая система, юридический казус, правовая ситуация.*

S.Yu. Sumenkov, N.A. Plakhtiy

LEGAL VALIDITY AS A SET OF LEGAL MISHAPS

Background: *in modern domestic law, an incident is an element of legal validity. However, the complexity in the legal understanding of this phenomenon, the vagueness*

© Суменков Сергей Юрьевич, 2022
Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sumenkov@bk.ru
© Плахтий Николай Алексеевич, 2022
Аспирант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikolas-plahtii@yandex.ru

© Sumenkov Sergey Yurievich, 2022
Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law department (Saratov State Law Academy)
© Plakhtiy Nikolay Alekseevich, 2022
Postgraduate student of the Theory of State and Law Department (Saratov State Law Academy)

of the very definition of «legal validity» necessitates additional research in this area. ***Objective:*** *to consider the legal reality through the prism of legal mishaps. For this purpose the correlation of categories "legal reality" and "legal system" is defined. The internal organization of legal reality, the presence in it of separate legal phenomena and properties is established.* ***Methodology:*** *as a philosophical basis for the analysis of the phenomenon of a legal mishap, the paired categories «regular» and «random» are taken. Systematic, dialectical and comparative approaches are used equally.* ***Results:*** *the presence of a casus in law as an integral element of law is logically substantiated. A number of arguments are given in favor of the position on the primacy of the existence of incidents in relation to the rule of law. The definitions of the legal situation and legal cases are compared. The mechanism of the influence of legal incidents on the legal reality and on the legal consciousness of an individual is analyzed.* ***Conclusions:*** *the author comes to the conclusion that legal validity can be represented as a set of legal mishaps.*

Key-words: *legal validity, legal reality, legal system, legal mishap, legal situation.*

Правовая действительность представляет собой достаточно сложную и неоднозначную терминологию, выражающую весь комплекс правовых явлений. Сама возможность отражения всех юридических правоотношений и совокупности правовых феноменов с помощью одной лексемы является трудновыполнимой задачей. Помимо данного фразеологизма в большинстве научных трудов по праву используются другие синонимичные понятия при изучении общей совокупности явлений в сфере юриспруденции. Например, встречаются такие термины, как правовая сфера общественной жизни, правовая реальность, правовая материя, юридический мир, юридическая среда. Эти дефиниции, не имея под собой четко установленного в теории права содержания представляют собой скорее образные конструкции [1, с. 19].

Кроме этих языковых единиц, в праве имеет важное значение и сходное по смыслу со словосочетанием «правовая действительность» такая юридическая категория как «правовая система». Однако данные определения не следует отождествлять.

Во-первых, правовая система прежде всего тесно переплетена с системными элементами, которые возникают благодаря развитию познавательной деятельности человека. Правовая действительность лишена такой привязки и существует независимо от того изучает ее субъект или нет [2].

В-вторых, синтагма «правовая система» появилась для объяснения разноплановых правовых явлений, выражая таким образом один из многоаспектных подходов к уяснению сущности права. В результате синтез огромного количества знаний привел к возникновению такого понятия. В противоположность этой дефиниции «правовая действительность» представляет собой лишь один из срезов правовой жизни [3, с. 14].

В-третьих, сравнивая два этих фразеологизма следует заметить, что правовая система не включает в свое содержание такие явления юридической реальности как случайные факторы, различные элементы хаотичного и беспорядочного движения права. Это связано с тем обстоятельством, что данные феномены, как правило, не имеют закономерных связей с другими правовыми компонентами и не могут быть результатом целенаправленного воздействия. Из-за этого правовая система не охватывает и такие явления как юридические казусы [2].

Что касается смыслового содержания дефиниции «правовая действительность», то оно является достаточно расплывчатым.

Словосочетание «правовая действительность» используют в своих трудах такие ученые, как Л.Б. Тиунова, Г.Д. Гриценко, А.В. Петров, Н.А. Бутакова, Ю.Н. Назаров, С.С. Алексеев, Б.А. Кистяковский, М.Н. Марченко. Однако между исследователями права нет единого согласованного взгляда на интерпретацию данной лексемы.

Согласно нашей точки зрения наиболее верным и логически выверенным является следующее определение: правовая действительность — это целостный комплекс правовых явлений и процессов, включающий право, правовую деятельность, правосознание, правовую культуру, складывающийся в результате их взаимосвязи и взаимодействия, характеризующий правовое воздействие на общественную жизнь [4].

Конечно правовая действительность это прежде всего реальность норм положительного права и юридических институтов [5]. Антагонизм правовых предписаний относительно естественного мира приводит к тому, что они наиболее уязвимы и зависимы от проявлений человеческой воли.

Как верно указал Б.И. Кистяковский, правовая действительность объемлет все стороны права — совокупность и юридических норм, и правоотношений, в том числе и субъективное право, которое может выражаться в появлении юридических казусов [6, с. 184].

Согласно С.И. Максимову, следует различать правовую действительность: 1) как объективно существующий мир права, данный субъекту на практике (опыте); 2) картину правовой реальности как модель правовой реальности, служащую средством познания и конструирования мира права [7, с. 147].

В соответствии с его взглядами правовая действительность предстает не в качестве внешней реальности, а как такая, которая тесно переплетена с личностью; в процесс которой человек вовлечен.

Если рассматривать правовую действительность с таких позиций, то на первый план выступают правоотношения между субъектами права, их взаимодействие в юридическом ключе. Прежде всего такая коммуникация осуществляется путем наступления юридических ситуаций.

В результате правовая действительность, существует не только как особый мир нормативизма, но и в качестве одной из сторон социального бытия, поскольку ее целостное функционирование направлено на структурирование, изменение, преобразование осязаемых, предметных общественных отношений [8, с. 275].

В свое время эту двойственность ощущал Г. Кельзен, когда писал, что «право — или по крайней мере то, что принято называть этим словом, — одной из сторон своего существа принадлежит к царству природы, т.е. в существовании права есть чисто «природная» сторона» [9, с. 4].

Можно даже говорить о том, что правовая действительность имманентно идеологична. Смысл такого свойства заключается в том, что с одной стороны она несет в себе противоположность, совокупность антиномий, а с другой стороны обеспечивает их взаимообусловленность и взаимопереход друг в друга. Например, с одной стороны существует норма права, а с другой юридическая практика. Их противоречивость и взаимозависимость несомненным образом отражается на юридической реальности.

В результате правовую действительность можно представить в виде взаимодействия таких основополагающих базисов как необходимое и произвольное, закономерное и случайное. При этом одной из главных форм выражения случайности является казус. Фактически это свойство заложено в его природе.

Любой юридический казус может вызвать определенные юридические последствия (если он выступает в качестве юридического факта) либо исключить их возникновение [10, с. 123–124]. Именно поэтому нельзя говорить о том, что казус (случайность) не соответствует сущности права и не обладает собственной правовой природой. Закономерность это общее, абстрактное, а случайность это особая, конкретизированная ее форма. Вместе они представляют собой принципиальное единство [11, с. 207].

Однако эта случайность не находится в вакууме. Ее происхождение основано на выражении правовой воли людей.

Как указывал И.Л. Честнов образование правовой реальности обусловлено существованием людей (социальных групп), которые формируют юридическую практику и представления о должном праве, воспроизводя их в своих образцах поведения [12, с. 30].

А.Э. Жалинский отмечал, что право по своей природе создается человеком, и реализуется в интересах той или иной группы людей. Для него оно предстает в качестве внешнего фактора, с которым нужно считаться. Но все же право это прежде всего творческая деятельность индивида [13, с. 144].

Именно на основе волеизъявления отдельных лиц и столкновения их мнений формируется первичная правовая действительность.

В определенном смысле можно говорить о том, что основа её формирования заключается в исходе борьбы социальных сил за право юридической номинации. Все это оформляется путем утверждения совокупности юридических казусов.

Понятно, что правовая действительность не ограничивается существованием только казусов. Сюда можно отнести и другие элементы, например, правовая культура, правосознание, правовая наука, юридический язык, текст, дискурс.

Однако несомненно, что одно из исходных путей зарождения права заключается в формировании комплекса конфликтных правовых ситуаций (казусов) [5].

Даже если говорить о норме права, то следует признать тот факт, что одним из этапов формирования правового предписания, является совокупность юридических казусов.

Нормативные случаи, это прежде всего, объективация существующих жизненных обстоятельств, которым предшествовал тот или иной казус. Их только отделили от субъективных факторов и, оформив, привели в определённую систему. При таком раскладе юридический казус трансформируется в иной правовой компонент.

Явления жизни невозможно рассматривать только в качестве феномена фактического плана, закрепленного в законодательстве. Любое новое для правовых отношений обстоятельство сначала обнаруживается правом в юридических ситуациях.

В этом плане каждый казус — это своеобразная нота, которая лежит в основе правила, установленного законом. Чем чаще в жизни повторяются схожие ноты, тем отчетливей становится их юридическое положение и, тем больше вероятность закрепления порядка его разрешения в законодательстве. В свою очередь сами

юридические ситуации представляют собой инструмент, на котором играют посредством человеческого взаимодействия в сфере права.

Поэтому от такого юридического явления как казус в правовой действительности невозможно отказаться. Так как юридическая современность всегда незавершена, она напоминает лабиринт, который беспрестанно строится и перестраивается, который постоянно усложняется [14, с. 43, 68].

Вообще стоит отметить, что сам термин «казус» представляет собой достаточно сложную для понимания дефиницию и имеет множество смыслов. Так, Ю.Л. Бессмертный следующим образом объяснял смысл этой лексемы: «В классической латыни, к которой восходит слово «казус», оно могло обозначать и крах, и конец, и падение, и несчастье… Мы имеем в виду совсем иной смысл этого слова: случай, происшествие, событие. Именно такое словоупотребление казуса чаще всего можно встретить в современных европейских языках, включая и русский» [15].

Что касается юридической науки, то здесь термин «казус» предстает также в трех значениях. В качестве особого непредусмотренного события, наступление которого не зависит от воли лица. Как случайность, которая не имеет элемента вины и несет в себе только внешние признаки правонарушения. Или как отдельное судебное дело, юридическая ситуация [16, с. 244].

В целом явлению права присуще его неотъемлемое свойство — казуальность, зависимость от существования определенной общественной ситуации. Это его главное отличие от других социальных феноменов.

Казус представляет собой конкретное отражение того или иного жизненного обстоятельства в противовес правовой норме, которая является в чистом виде абстракцией таких ситуаций.

Вследствие этого можно говорить о том, что в определенном смысле правовая действительность — это совокупность юридических казусов, только представленных с помощью различных способов классификаций.

Отметим при этом, что в связи с бесконечным количеством разнообразия жизненных случаев казуистические положения также не могут учесть все юридически значимые обстоятельства. Казуальное правоприменение позволяет только облегчить процесс правовой координации, но не может заменить нормативные предписания.

В этом аспекте отражение правовой действительности через совокупность юридических казусов тесно связано с механизмом работы правового регулирования.

Сам механизм формирования права, выявляет наличие связующей нити между казуальными и нормативными началами в праве. Причем каждая из этих основ имеет одинаково важное значение в процессе правового регулирования [17].

Фактически казус — это предтеча права; одна из разновидностей юридических ситуаций. Только наиболее нетипичная, нестандартная и хаотичная.

К. Ясперс, один из основоположников ситуационного подхода, писал, что «…ситуация означает не только природно-закономерную, но скорее смысловую действительность, которая выступает не как физическая, не как психическая, а как конкретная действительность, включающая в себя оба эти момента» [18, с. 5–26].

Об этом, но немного в ином ключе говорит С.С. Алексеев: «…исходный пункт при рассмотрении права с точки зрения правовых средств — это правовые ситуации». Именно с них в области права все начинается, именно отсюда разворa-

чивается вся сложная, многоуровневая и многослойная цепь правовых средств и механизмов [19, с. 255–260].

На сегодняшний день, казус, с помощью особого механизма разрешения конфликтных ситуаций, оказывается частью правовой системы, становясь результатом юридического воздействия. Законодатель, регламентируя его в нормативном предписании, дает ему внешнюю форму, преобразовывая в привычное нам определенное и организованное юридическое обстоятельство.

Таким образом, юридические казусы путем среза правовой действительности влияют на правоотношения в целом и на правосознание отдельных субъектов в частности. Помимо этого, они отражают эффективность существующего права и имплицитным образом дают им оценку.

В результате мы можем говорить о том, что юридический казус до сих пор играет огромную роль в развитии и функционировании современного отечественного права. С определенной долей вероятности правовую действительность можно представить в качестве совокупности юридически казусов, вследствие того, что в самой природе права заключена казуальность.

Библиографический список

1. *Петров А.В.* О понятии правовой действительности // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 5. С. 19–21.

2. *Шипунов И.В.* Юридическая ситуация как общетеоретическая категория: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2009. 202 с.

3. *Бекжанова А.К.* Место юридической ситуации в правовой действительности // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. 2012. № 4. С. 13–20.

4. *Бутакова Н.А.* Правоотношения в структуре правовой действительности: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2006. 233 с.

5. *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма, 2013. 319 с.

6. *Кистяковский Б.А.* Социальныя науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. 704 с.

7. *Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков: Право, 2002. 327 с.

8. *Петров А.В.* Структура содержания права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2 (1). С. 274–281.

9. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 540 с.

10. *Плахтий Н.А.* Юридический факт и случай: соотносимость в правовых отношениях // Юридический вестник Самарского ун-та. 2021. № 3. С. 121–125.

11. *Суменков С.Ю.* Исключения в праве: закономерное и случайное // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 203–207.

12. *Честнов И.Л.* Правовая реальность как предмет постклассической философии прав // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 2 (19). С. 28–34.

13. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. 400 с.

14. *Мелкевик Б.* Юридическая практика в зеркале философии права. СПб., 2015. 284 с.

15. *Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. № 1. С. 7–24.

16. *Сухарев А.Л., Крутских В.Е.* Большой юридический словарь. М., 2001. 703 с.

17. *Вележев С.С.* Правовая норма и юридический казус: соотношение и взаимообусловленность: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. 184 с.

18. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. 527 с.
19. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. 601 с.

References

1. *Petrov A.V.* On the Concept of Legal Reality // Society: Politics, Economics, Law. 2015. No. 5. P. 19–21.
2. *Shipunov I.V.* Legal Situation as a General Theoretical Category: diss. ... cand. of law. Omsk, 2009. 202 p.
3. *Bekzhanova A.K.* The Place of a Legal Situation in the Legal Reality // Bulletin of the Kazakhstan-American Free University. 2012. No. 4. P. 13–20.
4. *Butakova N.A.* Legal Relations in the Structure of Legal Reality: diss. ... cand. of law. Saint-Petersburg, 2006. 233 p.
5. *Gadzhiev G.A.* Ontology of Law (critical study of the legal concept of reality). Moscow: Norma, 2013. 319 p.
6. *Kistyakovsky B.A.* Social Sciences and Law: Essays on the Methodology of the Social Sciences and the General Theory of Law. M.: M. and S. Sabashnikov, 1916. 704 p.
7. *Maksimov S.I.* Legal Reality: Experience of Philosophical Comprehension. Kharkov: Pravo, 2002. 327 p.
8. *Petrov A.V.* Structure of the Content of Law // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2012. No. 2 (1). P. 274–281.
9. *Kelsen G.* The Pure Doctrine of Law. SPb.: Aleph-Press, 2015. 540 p.
10. *Plakhtiy N.A.* Legal Fact and Case: Correlation in Legal Relations // Legal Bulletin of Samara University. 2021. No. 3. P. 121–125.
11. *Sumenkov S.Y.* Exceptions in law: Natural and Casual // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2009. No. 2 (70). P. 203–207.
12. *Chestnov I.L.* Legal Reality as a Subject of Postclassical Philosophy of Rights // Russian Journal of Legal Studies. 2019. No. 2 (19). P. 28–34.
13. *Zhalinsky A.E.* Criminal Law in Expectation of Changes: Theoretical and Instrumental Analysis. M., 2009. 400 p.
14. *Melkevik B.* Legal Practice in the mirror of Philosophy of Law. St. Petersburg, 2015. 284 p.
15. *Bessmertny Y.L.* What is the Casus? // Casus. Individual and Unique in History. 1996. No. 1. P. 7–24.
16. *Sukharev A.L., Krutskikh V.E.* The Big Dictionary of Law. M., 2001. 703 p.
17. *Velezhev S.S.* Legal norm and Legal mishap: Correlation and Interdependence: diss. ... cand. of law. Saint Petersburg, 2007. 184 p.
18. *Jaspers K.* The Meaning and Purpose of History. Moscow: Politizdat, 1994. 527 p.
19. *Alekseev S.S.* Ascent to Law. Searches and Solutions. M., 2001. 601 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-22-29
УДК 340.1

П.С. Баринов, В.А. Катомина

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА

Введение: *в статье проведен теоретический анализ коммуникативной функции права как самостоятельного направления правового воздействия. Автор отмечает, что в основе коммуникативной функции права лежит понятие правовой коммуникации, сущность которой до сих пор не определена однозначно. Правовая коммуникация обеспечивает общение людей в правовой действительности, влияет на качество и содержание такого диалога.* ***Цель:*** *исследовать специфику проявления коммуникативной функции права в обществе и государстве; выявить особенности данного правового направления.* ***Методологическая основа:*** *диалектический метод, системный подход, формально-юридический метод.* ***Результаты:*** *доказано, что структуру правовой коммуникации образуют субъекты, объекты, предмет, язык и т.д. Коммуникативное общение может проходить по различным каналам с использованием разнообразных методов и способов получения, передачи информации, корректирования правового общения. Целью коммуникативной функции права является уяснение и разъяснение смысла правового предписания, обеспечение безопасного и упорядоченного взаимодействия участников социальных связей.* ***Выводы:*** *коммуникативная функция права обеспечивает не только передачу информации от одного субъекта другому. Любая коммуникация предполагает ответную активность, обратную связь с участниками правового общения. Поэтому в процессе реализации коммуникативной функции права важно взаимодействие между коммуникаторами, которое направлено в т.ч. и на обеспечение эффективной результативной совместной деятельности.*

Ключевые слова: *функция права, правовая коммуникация, взаимодействие субъектов, коммуникативное общение, язык, правовой текст, правовая информация.*

P.S. Barinov, V.A. Katomina

COMMUNICATIVE FUNCTION OF LAW

Background: *the article provides a theoretical analysis of the communicative function of law as an independent direction of legal influence. The author notes that the basis of the communicative function of law is the concept of legal communication, the essence of which is still not clearly defined. Legal communication ensures the communication of people in legal reality, affects the quality and content of such a dialogue.* ***Objective:*** *to investigate the specifics of the manifestation of the communicative function of law*

© Баринов Павел Сергеевич, 2022
Кандидат юридических наук, директор (Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии)
© Катомина Виктория Александровна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин (Пензенский государственный университет); e-mail: kvatv@mail.ru

© Barinov Pavel Sergeevich, 2022
Candidate of Law, Director of the Institute of Second Higher and Distance Learning (Saratov State Law Academy)
© Katomina Viktoria Aleksandrovna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines (Penza State University)

in society and the state; to identify the features of this legal direction. ***Methodology:*** *dialectical method, systematic approach, formal legal method.* ***Results:*** *proved that the structure of legal communication is formed by subjects, objects, subject, language, etc. Communicative communication can take place through various channels, using a variety of methods and ways of obtaining, transmitting information, correcting legal communication. The purpose of the communicative function of law is the clarification and explanation of the meaning of a legal prescription, ensuring safe and orderly interaction of participants of social relations.* ***Conclusions:*** *the communicative function of law provides not only the transfer of information from one subject to another. Any communication involves reciprocal activity, feedback from participants in legal communication. Therefore, in the process of implementing the communicative function of law, interaction between communicators is important, which is aimed, among other things, at ensuring effective joint activities.*

Key-words: *function of law, legal communication, interaction of subjects, communicative communication, language, legal text, legal information.*

Одной из сложных проблем современной юридической науки, не теряющей своей актуальности несколько десятилетий, являются вопросы изучения функций права. Несмотря на то, что данная тематика не нова для юриспруденции, до сих пор по указанной проблеме ведутся многочисленные дискуссии. Причем высказываются разнообразные мнения как по определению понятия функции права, его сущности, содержанию, так и выделяются разнообразные взгляды на классификацию функций права.

Вообще под функцией принято понимать феномен, зависящий от иного явления или процесса, который ввиду изменения других явлений и процессов, сам изменяется. Зачастую понятие функции права определяется как основное направление правового воздействия на общественные отношения, отражающие сущность права [1, с. 71]. Однако такой подход к пониманию функции права в научной литературе подвергся обоснованной критике, поскольку он не подчеркивает сущностный элемент функции права — направленность на изменение других явлений и процессов, а также отражает исключительно регулятивный компонент права и только.

Вместе с тем право воздействует на различные компоненты социальной реальности, различных субъектов, их сознание и поведение. В этой связи под функцией права следует понимать основные направления воздействия права на различные компоненты и сферы объективной реальности.

Не стоит сводить понятие функции права к его роли в жизни общества. Роль права — более широкая дефиниция, поскольку охватывает как функции права, так и его дисфункции [2, с. 20] в зависимости от конкретного исторического периода времени.

Функции права весьма разнообразны, среди них немаловажное значение имеет коммуникативная функция. В литературе отмечается, что «коммуникативный аспект права проявляется как на этапе его возникновения, так и всего последующего развития» [2, с. 20]. В последние годы стало придаваться особое значение данной функции. Это связано с тем, что основу права и правовой реальности составляет правовая коммуникация. Кроме того, постоянно развивается информационное правовое пространство, в рамках которого видоизменяется правотворческая, правоприменительная, интерпретационная деятельность,

трансформируются иные правовые явления. Не стоит забывать и о том, что человек — существо коммуникативное, постоянно взаимодействующее с разными субъектами. Коммуникативность человека является необходимым фактором существования человека как такового. Только коммуникация формирует человека как интеллектуального, эмоционального субъекта и только через коммуникацию человек может познать самого себя [3, с. 293].

Любая коммуникация ставит перед собой цель не только довести определенную информацию до сведения адресата, но и произвести некое действие, достичь того или иного эффекта. Правовая коммуникация обеспечивает общение людей в правовой действительности и влияет на качество и содержание такого диалога.

В этой связи целью данного исследования является рассмотрение особенностей и специфики проявления коммуникативной функции права в обществе и государстве. Однако сложность в понимании коммуникативной функции права заключается в том, что она тесно переплетена с иными направлениями правового воздействия: регулятивной, охранительной, воспитательной и т.д. Отмеченное обстоятельство ставит вопрос о необходимости выделения коммуникативной функции права в качестве самостоятельного направления правового воздействия. В то же время, происходящие в обществе коммуникативные процессы, существующее многообразие форм правовой информации позволяет прийти к выводу о том, что функции права в той или иной мере обладают коммуникативным характером. Однако рассмотрение коммуникативной функции в качестве самостоятельного направления правового воздействия позволяет выделить ее специальные качества и показать особую роль в становлении и развитии общества, государства и права.

Коммуникативная функция оказывает огромное влияние на трансформацию общества, а потому носит конкретно-исторический характер. Первоначально субъекты общественных отношений стали определять те или иные модели поведения в обществе в качестве благоприятных либо, наоборот, запретных, что в свою очередь позволило сформировать первобытные табу. Причем правила поведения преимущественно имели устный характер и только позднее определение того или иного объема прав и обязанностей в конкретных ситуациях нашло свое закрепление в письменных источниках.

При этом коммуникативная функция права играла не только социально-преобразующую роль. Так, существование цензуры в советский период времени придало рассматриваемой функции консервативный характер. Это объясняется тем, что за эволюцией и функционированием государственно-правовых явлений и процессов всегда стоят люди, которые могут не только активизировать, но и тормозить развитие общества, государства и права.

В основе коммуникативной функции права лежит понятие правовой коммуникации, сущность которой до сих пор не определена однозначно.

Коммуникация выступает основой становления права. Ярким представителем данного подхода выступает А.В. Поляков, по мнению которого, правовая коммуникация возникает тогда, когда субъект права реализует свои права, свободы и законные интересы. Правовая коммуникация, по его мнению, опосредуется правовым текстом. При этом правовой текст необходимо отличать от правовой нормы: «Правовая норма находится не в тексте, а в психосоциокультурной действительности» [4, с. 9]. При этом правовой текст выступает предпосылкой

правовой коммуникации, а не ее результатом. Именно благодаря правовому тексту и происходит правовое взаимодействие, правовой диалог, правовое общение.

Правовую коммуникацию в литературе рассматривают с различных подходов. Так, правовая коммуникация в узком смысле представляет собой «юридически регламентированный процесс обмена правовой информацией между субъектами правового общения, протекающий в особом порядке с соблюдением осуществляемых в определенной последовательности процедур» [5, с. 249].

Напротив, в рамках широкого понимания, которого придерживаются А.В. Поляков, Е.А. Романова [6], Е.Ф. Усманова [7], правовая коммуникация представляет собой процесс общения между субъектами по поводу правовой информации, направленной на создание, содержание и преобразование правовой действительности. В ходе правовой коммуникации осуществляется сбор, учет, обработка и передача правовой информации, ее систематизация и опубликование.

Ключевым моментом правовой коммуникации является правовое взаимодействие субъектов, которое возникает на основе толкования правовой информации, представляющей участникам правоотношений определенные права или возлагающей на них некоторые обязанности. Такое понимание правовой коммуникации позволяет включить в ее содержание абсолютно любые правовые процессы и явления, поскольку предполагает любое взаимодействие субъектов в правовой сфере жизни общества.

В структуре правовой коммуникации важное значение придается языку как особому средству выражения воли законодателя, правоприменителя и интерпретатора и доведение ее до сознания различных участников общественных отношений. Право воздействует на сознание и волю субъектов посредством языка. Именно язык является средством передачи правовой информации о содержании юридических предписаний. На данное обстоятельство в свое время обращал внимание С.С. Алексеев. Так, он отмечал: «Язык в праве — это не только вопросы юридической техники и стилистики, это конструктивные моменты самого существования права как своеобразного феномена социальной действительности, его бытия в виде конституционного явления» [8, с. 7].

Таким образом, язык можно рассматривать не просто как элемент юридической техники, но и лингвистическую субстанцию, которая взаимодействует с юридической техникой и обеспечивает прохождение акта правовой коммуникации. Исходя из этого, можно определить право как особую форму взаимодействия государства и общества, некий диалог государственной власти и народа, где язык образует коммуникативный код для ведения такого диалога [9, с. 21]. При этом правовой язык не стоит подводить исключительно под элементарные требования юридической техники с точки зрения простоты, ясности, четкости, понятности. Конечно, не забывая об этих правилах, не стоит полностью на них концентрироваться, поскольку это может привести к нивелированию позитивистской стороны права. Ведь упрощение правового текста далеко не всегда свидетельствует о понятности содержания юридического предписания субъектам правовой коммуникации.

Субъектами правовой коммуникации могут выступать различные участники общественных отношений: законодатель, органы исполнительной власти, суд, органы местного самоуправления, юридические лица, отдельный человек или группа людей и т.д.

Право зачастую характеризуется односторонностью направления и ассиметричностью сторон. Так, законодатель или иной орган государственной власти, наделенный государственно-властными полномочиями, передает гражданину (группе граждан) правовую информацию. Однако для эффективного правового регулирования этого недостаточно. Для получения какого-либо результата праву важны как субъект, передающий информацию, так и субъект, ее получающий. Иными словами праву важно правовое взаимодействие, которое обеспечивается правовой коммуникацией. Сведение на нет коммуникативного аспекта может отразиться не лучшим образом на регулятивно-охранительных функциональных качествах права.

Коммуникативный аспект права позволяет развивать обратную связь, благодаря которой гражданин (группа граждан) может проявлять активность и подавать юридически значимый информационный сигнал о своих предпочтениях. В современных условиях для этого используются социальные сети, электронная почта, интернет-порталы, новостные каналы и т.д. Именно посредством новых информационных технологий, ресурсов информационной среды происходит правовая коммуникация между государственной властью и населением. Для этого органы власти могут прибегать к социологическим опросам, в ходе которых получают оценку отношения населения к определенным государственно-правовым явлениям, процессам, нормативным правовым актам и т.д.

В ходе правовой коммуникации в последние годы широко стали применяться открытые данные. Благодаря последним адресаты правовой коммуникации получают относительно полную и достоверную правовую информацию о деятельности органов публичной власти. На таких порталах как «Судебные и нормативные акты РФ», официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru и др. можно ознакомиться с соответствующими актами.

Благодаря коммуникативному аспекту права в юридической деятельности стали появляться «новые» субъекты правовой коммуникации. В качестве примера можно привести робота, который обеспечивает в автоматическом режиме списывание денежных средств у должников, процесс получения в органы государственной власти заявлений, предложений или жалоб граждан и т.д. [10, с. 146]

На развитие коммуникативного аспекта права оказывают влияние и отдельные ученые-правоведы, формирующие юридическую доктрину. Так, с учетом особенностей правосознания общества, правовой культуры и господствующей юридической доктрины в процессе правотворчества принимаются нормативные правовые акты, разрешаются юридические споры и конфликты в правоприменительной деятельности, уясняется и трактуется смысл и значение юридических терминов и определений.

Объектом правовой коммуникации выступает объективное содержание правового текста, который закреплен в законе, подзаконном акте, правоприменительном акте и т.д. Однако ограничиваться только таким пониманием объекта правовой коммуникации не стоит. В условиях цифровизации общества появились такие объекты правового взаимодействия, которые существуют только в виртуальном мире, в частности, речь идет о компьютерных программах, интернет-сайтах и т.д. Информация, содержащаяся в объекте правовой коммуникации, выступает предметом правовой коммуникации, обеспечивающей активное взаимодействие субъектов правовой коммуникации. Такая информация зачастую содержит сведения о правах и обязанностях субъектов

общественных отношений. Правовая информация может содержатся в текстах нормативных, правоприменительных, интерпретационных актов, в научной и учебной литературе и т.д. Только через уяснение и интерпретацию правовые тексты в последующем трансформируются в юридические предписания, способные воздействовать на волю, сознание и поведение участников общественных отношений, определяя его как правовое. Облеченная в текстуальную форму правовая информация сохраняется и передается последующим поколениям. Следовательно, коммуникативная функция права обеспечивает преемственность в развитии государственно-правовых явлений и процессов. К примеру, многие юридические термины и понятия, известные со времен Древнего Рима, унаследованы действующим современным законодательством.

Отмеченное обстоятельство позволяет определить цель коммуникативной функции права. Убеждены, что коммуникативный аспект права направлен на уяснение и разъяснение смысла правового предписания, обеспечение безопасного и упорядоченного взаимодействия участников социальных связей. Кроме того, коммуникативная функция права опосредована целями и задачами государства, стоящими в определенный период времени. Например, необходимость борьбы с преступностью порождает ведение профилактической работы с населением по этому поводу, принятие соответствующих нормативных правовых актов и доведение их содержания до общества. Однако, как отмечалось, коммуникативное воздействие, оказываемое на участников общественных отношений, может быть и негативным, в частности, в случае его осуществления на основе пропаганды и агитации правонарушений. Но как бы то ни было, коммуникативная функция права носит положительный характер, т.к. направлена на укрепление взаимодействия государства и общества, обеспечение законности и правопорядка.

В основе коммуникативного взаимодействия лежит коммуникативная потребность в получении полной и достоверной информации. Для этого могут использоваться различные методы и способы получения, передачи информации, корректирования правового общения. Так, в условиях цифровизации общества все большую популярность получают электронные способы заключения гражданско-правовых сделок. Коммуникативное общение может проходить по различным каналам. Так, можно выделить научный канал, в рамках которого ученые взаимодействуют посредством научных статей и монографий; учебный канал, обеспечивающий правовое общение между преподавателями и студентами (слушателями) в стенах высшего учебного заведения; и государственно-правовой канал, с помощью которого правоохранительные органы информируют население и других субъектов об общественно-значимых событиях и мероприятиях.

Изменение объективной реальности, обусловленное появлением новых информационных технологий, уже привело и приводит к изменению самого права, его внешней формы. Так, некоторые нормативные правовые акты публикуются на официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru. Изменение формы права неминуемо приводит к изменению содержания юридических предписаний, касающихся правил получения, обработки, передачи и опубликования правовой информации.

Вместе с тем коммуникативная функция права не всегда реализуется эффективно. Причинами такого проявления могут быть кризис в обществе, активизация элементов юридической антикультуры, неполнота и недостоверность правовой информации и т.д. Кроме того, развитие информационных технологий,

предполагающее использование различных интернет-платформ может привести не только к усилению коммуникативного сотрудничества, но и породить конфронтацию. Так, посредством сети Интернет можно не только управлять людьми, но и манипулировать их сознанием. Поэтому задачей коммуникативной функции права будет являться обеспечение нормативных правил правовой коммуникации, в том числе и в цифровой среде, не допускающих нарушения прав, свобод и законных интересов пользователей Интернет. Право должно четко определять вид и пределы юридической ответственности владельцев и пользователей социальных сетей, мессенджеров, интернет-платформ и т.д.

В заключении подчеркнем, что коммуникативная функция права, являясь самостоятельным направлением правового воздействия, отражает уровень коммуникативного взаимодействия субъектов общественных отношений посредством получения обобщения, передачи и использования правовой информации. Именно данная функция права обеспечивает воплощение правовой информации в тексты правовых актов, и как следствие, реализацию прав и обязанностей участников социальных связей. Право предстает в роли информации, которую субъекты правоотношений используют в конкретных жизненных ситуациях для удовлетворения собственных интересов. Между тем коммуникативная функция права обеспечивает не только передачу информации от одного субъекта другому. Любая коммуникация предполагает ответную активность, обратную связь с участниками правового общения. В процессе реализации коммуникативной функции права важно взаимодействие между коммуникаторами, которое направлено не только на обмен правовой информации о правах и обязанностях субъектов, но и на обеспечение эффективной результативной совместной деятельности. Поэтому законодателя должно волновать как его волеизъявление будут воспринимать участники общественных отношений и как закон будет работать на практике.

Библиографический список

1. *Абрамов А.И.* Понятие функции права // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 71–83.

2. *Попов В.И.* Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 19–22.

3. *Усманова Е.Ф.* Понятие и особенности коммуникативной функции правовой культуры // Наука и современность. 2014. № 27. С. 292–295.

4. *Поляков А.В.* Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. … д-ра юрид. наук в виде науч. докл. СПб., 2002. 94 с.

5. *Потемкина О.С.* Значение правовой коммуникации в механизме действия права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 247–251.

6. *Романова Е.А.* Правовая коммуникация: общетеоретический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 22 с.

7. *Усманова Е.Ф.* Понятие и элементы правовой коммуникации // Мир науки и образования. 2018. № 1. С. 13.

8. *Алексеев С.С.* Право — институционное социальное образование // Вопросы теории государства и права. Актуальные проблемы теории социалистического государства и права: межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. С. 3–10.

9. *Голев Н.Д.* Правовая коммуникация в зеркале естественного языка // Юрислингвистика. 2006. № 7. С. 8–39.

10. *Потемкина О.С.* Коммуникация функция права в условиях цифровизации юридического пространства // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 2. С. 144–153.

References

1. *Abramov A.I.* The Concept of the Function of Law // Journal of Russian Law. 2006. No. 2. P. 71–83.

2. *Popov V.I.* The Communicative Function of Law // Bulletin of Economic Security. 2020. No. 2. P. 19–22.

3. *Usmanova E.F.* The Concept and Features of the Communicative Function of Legal Culture // Science and Modernity. 2014. No. 27. P. 292–295.

4. *Polyakov A.V.* The Communicative Concept of Law (genesis and theoretical and legal justification): dis. ... Doc. of Law in the form of a scientific report. St. Petersburg, 2002. 94 p.

5. *Potemkina O.S.* The Significance of Legal Communication in the Mechanism of Law Action // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2020. No. 5. P. 247–251.

6. *Romanova E.A.* Legal Communication: General Theoretical Aspect: extendd abstract. dis. ... cand. of law. Saratov, 2011. 22 p.

7. *Usmanova E.F.* The Concept and Elements of Legal Communication // The world of science and education. 2018. No. 1. P. 13.

8. *Alekseev S.S.* Law — Institutional Social Education // Questions of the theory of state and law. Actual problems of the theory of the socialist state and law: interuniversity scientific collection. Saratov: Sarat. Publishing House. un-ta, 1983. P. 3–10.

9. *Golev N.D.* Legal Communication in the Mirror of Natural Language // Jurislinguistics. 2006. No. 7. P. 8–39.

10. *Potemkina O.S.* Communication is the Function of Law in the Conditions of Digitalization of the Legal Space // Legal Policy and Legal Life. 2021. No. 2. P. 144–153.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-30-36
УДК 340.11

Р.С. Маркунин

ЭТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СИСТЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РФ

Введение: *в статье рассматривается вопрос места и роли норм этики и морали в действующей системе ответственности государственных служащих РФ. Предлагаются различные направления по совершенствованию правового регулирования этических основ поведения субъектов власти с учетом зарубежного опыта.* ***Цель:*** *на основе анализа научной литературы и действующего законодательства установить значение моральных норм в деятельности работников органов публичной власти, показать имеющиеся проблемы, связанные с излишне оценочными категориями моральных предписаний.* ***Методологическая основа:*** *используется совокупность методов научного познания, среди которых можно выделить: формально-юридический, метод сравнительно-правового анализа, диалектический и иные.* ***Результаты:*** *определены направления дальнейшего совершенствования этических кодексов государственных служащих. По итогам проведенного исследования освещены имеющиеся проблемы в процессе регулирования моральных оснований ответственности властных субъектов.* ***Выводы:*** *наличие норм морали в этических кодексах различных государственных служащих позволяет придать их деятельности более высокий уровень ответственности и выстроить полноценные и качественные доверительные отношения вышеназванных субъектов с иными гражданами и различными институтами гражданского общества.*

Ключевые слова: *этический кодекс, мораль, органы публичной власти, государственный служащий, нормативно-правовой акт, государственный аппарат, доверие.*

R.S. Markunin

ETHICAL COMPONENT IN THE SYSTEM OF RESPONSIBILITY OF CIVIL SERVANTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: *the article considers the question of the place and role of ethics and morality in the current system of responsibility of civil servants of the Russian Federation. Various directions for improving the legal regulation of the ethical foundations of the behavior of the subjects of power with regard to foreign experience are proposed.* ***Objective:*** *on the basis of the analysis of scientific literature and current legislation to establish the importance of moral norms in the activities of employees of public authorities, to show the existing problems associated with overly evaluative categories of moral precepts.* ***Methodology:*** *the set of methods of scientific knowledge is used, among which it is possible to distinguish: formal-legal, the method of comparative legal analysis, dialectical and others.* ***Results:*** *directions for further improvement of ethical codes of*

© Маркунин Роман Сергеевич, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства (Саратовская государственная академия права); e-mail: markunin88@gmail.com
© Markunin Roman Sergeevich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

public servants are identified. According to the results of the study the existing problems in the process of regulation of moral grounds of responsibility of power entities are highlighted. ***Conclusions:*** *the presence of moral standards in the ethical codes of various civil servants makes it possible to give their activities a higher level of responsibility and build full-fledged and high-quality trusting relationships of the above entities with other citizens and various institutions of civil society.*

Key-words: *code of ethics, morality, public authorities, civil servant, legal act, state apparatus, trust.*

Нормативно-правовое регулирование в действующем законодательстве получают права, обязанности и запреты должностного лица, связанные с осуществлением им государственной службы. Благодаря этим категориям формируется его правовой статус. Однако поддерживать необходимый уровень профессионализма и эффективности работы государственных служащих исключительно за счет правового регулирования их деятельности часто становится недостаточным. Законам психологии известна взаимосвязь между процессом увеличения правил, ограничивающих свободу выбора своей деятельности и тягой субъекта их нарушить и различном образом сопротивляться. В обществе складываются далеко не прогрессивные отношения с соблюдением формальных требований. Можно сделать вывод, что правовые нормы не носят статуса гаранта желаемого поведения субъектов правоотношений, в том числе государственных служащих. Они служат последним средством для сдерживания поведения субъекта в рамках правового поля в случае когда иные методы и средства уже были использованы. Одним из эффективных средств, корректирующих человеческую деятельность, является общественная мораль, которая способна направить поведение лица без наличия комплекса существенных карательных мер.

Наличие лишь правовых предписаний в процессе регулирования деятельности государственных служащих ведет к снижению их мотивации поскольку субъект перестает рассчитывать на одобрение его действий со стороны коллег и общества. Действия, предписанные нормативно-правовыми актами, воспринимают как должные, что приводит к апатичности самого лица, отсутствию заинтересованности, конформизму и иным психологическим деструктивным явлениям.

В случае же наличия морального регулятора, субъект способен самостоятельно брать на себя ответственность за свои поступки, тем самым находя дополнительный мотив в своей деятельности, приобретая некий авторитет в глазах своих коллег и общества в целом. Подобные моральные требования, перетекая в правовые предписания лишаются духовной мотивации, государственный служащий становится не способным удовлетворять свою внутреннюю потребность в самосовершенствовании и уровень его мотивации неукоснительно снижается. По этой причине требуется баланс между правовыми предписаниями и моральными нормами, которыми мог бы руководствоваться государственный служащий в своей повседневной жизни.

Этический элемент играет одну из главных ролей в процессе функционирования системы ответственности публичных органов власти и придает ей уникальность в сравнении с ответственностью иных субъектов права. Этические кодексы также способствуют борьбе с такими пагубными для государственного механизма явлениями как коррупция, нарушение прав и свобод граждан и т.д. [1, с. 108]

В последнее время вопросы, связанные с профессиональной этикой, часто становятся предметом научных исследований, посвященных проблемам эффективности государственного управления. На сегодняшний день можно с уверенностью сделать вывод, что результативность функционирования государственного механизма напрямую зависит от качества соблюдения государственными служащими норм морально-этического содержания [2, с. 585].

Для государственных служащих оценка их деятельности с учетом морально ценностных правил и контроль за поддержанием этических стандартов в рамках своей работы выступает важным направлением на пути по повышению качества всего государственного управления и поддержания доверия со стороны институтов гражданского общества. В связи с этим вопросы места и роли этических норм в системе ответственности должностных лиц выступает актуальным направлением в современных правовых исследованиях. С одной стороны, эти запреты не могут носить юридически значимого императива, однако отнести их к диспозитивным запретам также не представляется возможным. Часть этических кодексов указывают на обязательный характер своих предписаний и подчеркивают их важную роль при решении вопросов о награждении государственных служащих, формировании кадрового состава и наложении мер ответственности [2, с. 588].

Большинство правоведов относят Кодексы этики к документам, содержащим рекомендательные нормы, в связи с чем на практике возникают известные проблемы с применением санкций за их несоблюдение. Нарушение данных правил поведения может повлечь лишь моральное осуждение, в числе которого может присутствовать устное замечание, требование о публичном извинение и т.д. Однако значимость их на практике становится существенной поскольку подобные меры этического воздействия дают представление об идеале государственного служащего, который должен обладать перечнем необходимых качеств характера при взаимодействии с гражданами. Также содержание этого идеала во многом зависит от особенностей демократического режима в государстве, авторитета общественных организаций и специфики выстроенного диалога между институтами гражданского общества и государственным механизмом [3, с. 68].

Кроме того, важным аспектом выступает наличие доверительных отношений между государством и обществом, которые отчасти формируются за счет повышения внимания к моральному облику государственной службы. Доверие можно определить в качестве фундаментальной основы демократического строя и не только его. Так, многие считают, что советский строй рухнул отчасти в связи с отсутствием доверия к нему со стороны граждан в конце своей эпохи. При этом следует учитывать, что полное недоверие к деятельности органов власти связано с целым комплексом причин, в числе которых можно назвать возросшие требования со стороны граждан, их неоправданные политические ожидания или общий кризис доверия в обществе [4, с. 10]. Однако игнорирование морально-этического облика представителей публичных органов власти провоцирует дальнейшее развитие негативных последствий.

Интересен опыт зарубежных государств регулирующих поведение представителей публичных органов морально этическими нормами. К примеру, на Филиппинах в этическом кодексе поведения чиновника содержится запрет на его жилище, которое качественно бы отличалась от жилья большинства граждан, проживающих на территории, находящейся в юрисдикции данного должност-

ного лица. В данной норме можно обнаружить не цель финансового сдерживания должностного лица, а залог выстраивания его доверительных отношений с населением [4, с. 19]. В США Кодекс этики правительственной службы был принят в 1958 году, после чего соблюдение этических норм стало подвергаться пристальному контролю со стороны общества и государственного механизма, что имело свои последствия, в том числе и на законодательном уровне. После этого была выявлена тенденция, заключающаяся в том, что эффективность и легитимность политической системы во многом зависят от степени соответствия деятельности государственных институтов и должностных лиц социальным ценностям и идеалам, которые господствуют в данный момент в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод, что мировое сообщество придерживается закономерности, согласно которой отсутствие текстуально закрепленного этического аспекта в отношении государственных служащих ведет к необходимости для них вырабатывать свои нормы и правила поведения в повседневной жизни методом проб и ошибок. Такие индивидуальные этические правила не могут сравниться по эффективности с базовой системой нравственных рекомендаций, закрепленных в текстуальном виде. Мало кто будет спорить с тем, что гораздо удобнее придерживаться правил, которые нашли свое логическое закрепление в письменном виде, в сравнении с правилами, выработанными исключительно в субъективной плоскости. Более того, часто в юридической литературе можно встретить мнение о том, что отсутствие норм морально-этического содержания свидетельствует о проблемах в развитии общества. Корректировка поведения представителя власти происходит эффективнее всего не в результате его ознакомления с абстрактными письменными нормами, а при наблюдении модели поведения своих коллег и стремлению им соответствовать. И в случае отсутствия устоявшихся моделей, правовые нормы будут отличаться своей неэффективностью. По этой причине модели должны быть укоренены в культуре поведения должностных лиц. Этические кодексы выступают своеобразным моральным контрактом между служащим и администрацией. При этом нарушение этических актов может приводить не только к моральным, но и юридически значимым последствиям, проявляющимся в дисциплинарных санкциях.

Действующее отечественное законодательство также содержит большое количество актов, определяющих правило поведения должностных лиц как с профессиональной стороны их деятельности, так и со стороны морально-этического отношения к гражданам и иным государственным служащим. Этика служебного поведения подвергается регулированию в первую очередь Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», где статьей 18 закрепляется перечень требований к гражданскому служащему, часть из которых можно отнести к общечеловеческим этическим нормам. На заседании президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции 23 декабря 2010 года был одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих[1], который взят за основу при разработки собственных кодексов федеральными органами государственной власти и орга-

[1] См.: Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21)) // Бюллетень. Официальные документы в образовании. 2011. Декабрь.

нами местного самоуправления. Эти Кодексы, как правило, определяют стандарты и моральные требования, предъявляемые к поведению государственных служащих исходя из специфики их работы. Следует уточнить, что этическим кодексам необходимо адаптировать свои нормы под специфику государственной деятельности, а не дублировать уже имеющие нормы иных актов.

Таким образом, приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» был принят Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации. В данном акте в качестве оснований привлечения прокурорского работника к дисциплинарной ответственности закрепляется нарушение норм Кодекса, выразившееся в совершении проступка, порочащего честь прокурорского работника. Также из норм Кодекса следует, что наложенные дисциплинарные взыскания могут повлиять на процесс аттестации прокурорских работников [5, с. 53].

Другим примером морально-этических норм, оказывающих влияние на деятельность властных субъектов, является Кодекс судебной этики утвержденный 19 декабря 2012 г. VIII Всероссийским съездом судей. В самом акте отсутствуют меры ответственности за нарушения установленных предписаний, однако ст. 12.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 5 апреля 2021 г. № 63-ФЗ), содержит прямую отсылку на нормы этического кодекса, устанавливая последствия за их нарушения в виде замечания, предупреждения или досрочного прекращения полномочий[1]. Помимо вышеназванных Кодексов на сегодняшний день действуют также: Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета и т.д.

Однако, фиксация моральных категорий в государственной деятельности связана с возникновением большого количества дискуссионных вопросов, требуемых верного решения. Проблемой использования норм морали заключается в большом количестве оценочных категорий в виде безупречности, человечности, правильности, честности, которые могут наполнятся различным смыслом в зависимости от представлений общества на конкретном историческом этапе и влиянии культурных, национальных и даже религиозных требований [6, с. 33].

Считаем необходимым, в процессе совершенствования этических кодексов в дальнейшем, отражать специфику должностей различного уровня и особенности их деятельности. Групповые нормы при наличии нескольких уровней и областей деятельности государственного механизма могут не совпадать, в связи с чем, требуется индивидуальный подход по определенным сферам влияния публичных органов власти. Региональные и национальные особенности также вносят свой вклад в специфику морально-этического поведения должностных лиц. По этой причине недопустима ситуация простого копирования текста одного этического кодекса в другой.

Подводя итог, необходимо отметить, что, несмотря на увеличивающее количество этических кодексов, их нормы носят в большей степени превентивный характер. При этом их роль сложно переоценить, поскольку морально-этические

[1] См.: ВСД РФ и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

требования обеспечивают высокий уровень эффективности органов публичной власти и способствуют выстраиванию доверительных отношений с населением. Результат действия этических норм также связан с повышением общего уровня правовой культуры должностных лиц и развитием верных идеологических ценностей, которые необходимы при осуществлении ряда государственных функций. Кодексы этики усиливают позитивную ответственность властных субъектов, которая не носит временный характер и не может быть реализована благодаря принудительным методам. Это психическое состояние действует на постоянной основе и подразумевает осознанную субъектом необходимость совершения правомерных действий как в настоящий момент, так и в будущем [7, с. 47]. Нормы этики и морали создают для субъекта подобную необходимость и вырабатывают модель идеального поведения в процессе и юридически значимых действий и простого общения.

Существующая закрытость государственного аппарата не позволяет сформировать в обществе положительный образ государственной службы, что приводит к отрицательной оценке их работы и повсеместному недоверию. На сегодняшний день перспективным направлением в сфере модернизации органов публичной власти становится повышение их прозрачности и открытости для контроля со стороны институтов гражданского общества. Подобная интеграция государственной службы и общества требуется для выстраивания полноценных и качественных доверительных отношений между вышеназванными субъектами. Установление высоких морально-этических требований для работников органов власти, которые необходимо соблюдать в процессе общения с гражданами и своими коллегами будет дополнительно способствовать созданию положительного образа работника государственного аппарата и повышать престиж его профессии в глазах граждан.

Библиографический список

1. *Маркунин Р.С.* Роль правовой культуры в системе юридической ответственности должностных лиц // Правовая культура. 2021. № 3. С. 107–09.

2. *Раджабова Е.А.* Нормативный правовой характер этических требований к служебному поведению публичного должностного лица // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 584–596.

3. *Филимонов О.В.* Профессиональная этика в механизме государственного управления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 67–71.

4. *Оболонский А.В.* Этика и ответственность в публичной службе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 1. С. 7–32.

5. *Шматова Е.С., Золотарева Л.И.* Значение кодексов этики для представителей юридических профессий // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5. С. 45–54.

6. *Богатырев Е.Д.* Нужен ли для государственной гражданской службы моральный кодекс? // Государственная служба. 2014. № 3. С. 31–34.

7. *Малько А. В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С.* Роль юридической ответственности в реализации принципа единства публичной власти в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 43–54.

References

1. *Markunin R.S.* The Role of Legal Culture in the System of Legal Responsibility of Officials // Legal Culture. 2021. No. 3. P. 107–109.

2. *Radjabova E.A.* Normative Legal Nature of Ethical Requirements for Official Behavior of a Public Official // Issues of Russian Justice. 2020. No. 7. P. 584–596.

3. *Filimonov O.V.* Professional Ethics in the Mechanism of Public Administration // Works of the Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs. 2018. No. 2 (46). P. 67–71.

4. *Obolonsky A.V.* Ethics and Responsibility in Public Service // Issues of State and Municipal Management. 2015. No. 1. P. 7–32.

5. *Shmatova E.S., Zolotareva L.I.* The Value of Codes of Ethics for Representatives of Legal Professions // Russian Law: Education, Practice, Science. 2018. No. 5. P. 45–54.

6. *Bogatyrev E.D.* Is a moral code necessary for the civil service? // Public Service. 2014. No. 3. P. 31–34.

7. *Malko A.V., Lipinskii D.A., and Markunin R.S.* The Role of Legal Responsibility in the Implementation of the Principle of Unity of Public Authority in the Russian Federation // Law Enforcement. 2021. V. 5 No. 4. P. 43–54.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-37-46
УДК 340.13

А.А. Никитин, А.А. Титова, Т.М. Авдонина

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО УСМОТРЕНИЯ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВКАХ 2020 ГОДА

Введение: *законотворческое усмотрение, как особая разновидность правового, находит свое выражение в принимаемых законах, анализ которых позволяет установить субъектов, осуществляющих соответствующую дискрецию и ответственных за результат. Особый научный интерес представляет возможность проанализировать не «рядовые» текущие законы, а акты, вносящие изменения в Конституцию страны. Авторами рассматриваются не только общие вопросы, связанные с функционированием механизма формирования законотворческого усмотрения, но и отдельные поправки, внесенные в Основной Закон государства и их влияние на соответствующие сферы.* ***Цель:*** *определить специфику законотворческого правового усмотрения, выраженного в конституционных поправках 2020 г.* ***Методологическая основа:*** *совокупность всеобщих, общенаучных, частнонаучных и частноправовых методов. В первую очередь, в работе используются системный и функциональный подходы.* ***Результаты:*** *аргументирована авторская позиция о том, что изменения, внесенные в Конституцию РФ, являются внешней формой выражения законотворческого усмотрения коллективного «законодателя», включающего, в данном случае, широкий круг субъектов.* ***Выводы:*** *ценность принятых конституционных поправок обусловлена не только тем, что они обеспечивают соответствие норм Основного закона изменившимся условиям жизни, но и тем, что в них учтены интересы широкого круга субъектов, участвовавших в их разработке, принятии и одобрении.*

Ключевые слова: *правовое усмотрение, законотворческое усмотрение, поправки в Конституцию, организация судебной власти, социальная сфера.*

© Никитин Александр Александрович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexnik-82@mail.ru
© Титова Анжела Александровна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: anz66@yandex.ru
© Авдонина Татьяна Михайловна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: avdonina-t@bk.ru

© Nikitin Aleksandr Aleksandrovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)
© Titova Anzhela Aleksandrovna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)
© Avdonina Tatiana Mikhailovna, 2022
Candidate of Law, Associate professor Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

A.A. Nikitin, A.A. Titova, T.M. Avdonina

THE EXERCISE OF LEGAL DISCRETION IN THE 2020 CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

Background: *legislative discretion, as a special kind of legal, finds its expression in the laws adopted, the analysis of which makes it possible to identify the subjects exercising the appropriate discretion and responsible for the result. Of particular scientific interest is the opportunity to analyze not "ordinary" current laws, but acts amending the Constitution of the country. The authors consider not only general issues related to the functioning of the mechanism for the formation of legislative discretion, but also individual amendments made to the Basic Law of the state and their impact on the relevant areas.* ***Objective:*** *to determine the specifics of the legislative legal discretion expressed in the constitutional amendments of 2020.* ***Methodology:*** *a set of universal, general scientific, private scientific and private legal methods. First of all, the system and functional approaches are used in the work.* ***Results:*** *the author's position is argued that the amendments made to the Constitution of the Russian Federation are an external form of expression of the legislative discretion of the collective "legislator", including, in this case, a wide range of subjects.* ***Conclusions:*** *the value of the adopted constitutional amendments is due not only to the fact that they ensure compliance with the norms of the Basic Law with the changed living conditions, but also to the fact that they take into account the interests of a wide range of subjects involved in their development, adoption and approval.*

Key-words: *legal discretion, legislative discretion, amendments to the Constitution, organization of the judiciary, social sphere.*

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 4 (147) • 2022

Одной из важнейших сфер, в которых реализуется юридическое усмотрение, является правотворческая сфера. В зависимости от юридической силы разрабатываемых и принимаемых правовых норм следует выделять две основных разновидности соответствующего усмотрения: законотворческое и иное правотворческое (разработка и принятие подзаконных нормативных правовых актов).

Под законотворческим усмотрением, по нашему мнению, следует понимать основанные на общих принципах права и положениях Конституции решения законодателя по вопросам о потребности правового регулирования определенных общественных отношений, его типе, способах, последовательности, степени детализации, а также выбор оптимальных технико-юридических приемов, методов и средств, которые находят свое выражение в принятом законе. Высшей разновидностью законотворческого усмотрения являются решения, связанные с разработкой и принятием конституционных норм.

В рамках данной работы обратимся к исследованию вопросов реализации именно этой разновидности дискреции.

Принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации за прошедшее после названной даты время она несколько раз подвергалась изменениям. Так, в декабре 2008 г. изменения коснулись срока полномочий Президента РФ, который был увеличен с четырех до шести лет (ч. 1 ст. 81 Конституции РФ), а также с четырех до пяти лет увеличен срок полномочий

Государственной Думы РФ (ч. 1 ст. 96 Конституции РФ)[1]. Одновременно с этим, но в другом законе были расширены контрольные полномочия Государственной Думы РФ в отношении Правительства РФ (ч. 1 ст. 103 и ч. 1 ст. 114 Конституции РФ)[2]. В 2014 г. Основной закон страны подвергался изменениям дважды. Во-первых, в февральских поправках были внесены изменения, касающиеся высших судебных органов государства и прокуратуры России. В частности, изменено ранее существовавшее наименование гл. 7 Конституции РФ «Судебная власть» на «Судебная власть и прокуратура»; упразднен Высший Арбитражный Суд РФ; скорректирована процедура назначения заместителей Генерального прокурора РФ и прокуроров субъектов РФ и др.[3]. Во-вторых, в июле 2014 г. приняты поправки, которые были посвящены составу Совета Федерации Федерального Собрания России[4].

Но полагаем, что наиболее кардинальными изменениями Основного закона страны следует считать поправки 2020 года. Принятый 14 марта 2020 г. Закон РФ о поправке к Конституции РФ[5] было предложено вынести для одобрения в рамках общероссийского голосования, которое состоялось лишь 1 июля 2020 г. из-за ограничительных мер, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции.

Соответствующий Закон РФ о поправке к Конституции РФ представляет собой внешнее выражение усмотрения законодателя. Следует подчеркнуть, что «законодатель» — это коллективный субъект, включающий всех лиц, участвовавших в «широкой» законотворческой деятельности. Широкое понимание законотворческого процесса включает в него элементы, которые могут находиться за пределами строго регламентированной законодательной процедуры: инициирование принятие законодательного акта и разработка его первоначального проекта [1, с. 67–85].

Инициатива внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 г. принадлежит Президенту РФ. Она была озвучена 15 января 2020 г. в Послании Федеральному Собранию РФ[6]. Безусловно, задолго до этого ученые и практикующие юристы неоднократно обращали внимание на определенные проблемные моменты Основного Закона России, однако, как справедливо отмечается в литературе, «сама процедура реформирования конституции должна быть сбалансированной: чрезмерная гибкость может стать предпосылкой крайней подвижности правовой

[1] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1, ст. 1.

[2] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1, ст. 2.

[3] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 6, ст. 548.

[4] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. I, ст. 4202.

[5] См.: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

[6] См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 15 января 2020 г. // Сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 30.03.2021).

системы и нарушения ее стабильности, а излишняя жесткость может предопределить ригидность правовой системы и выступить тормозом ее развития» [2, с. 75]. В связи с этим, Президенту РФ важно было выбрать оптимальное время для начала разработки соответствующих изменений, носящих не только правовой, но и политический характер. Можно констатировать, что к началу 2020 г. текст действовавшей Конституции перестал в полной мере соответствовать «выросшему из него» обществу современной России и потребность в совершенствовании и обновлении Основного закона начала преобладать над необходимостью обеспечения его стабильности.

В процессе разработки проекта Закона РФ о поправке к Конституции РФ реализованы усмотрения целой группы субъектов, выдвигавших соответствующие предложения или выражавших свое мнение относительно содержания поправок, предложенных другими лицами. Предложенные Президентом РФ изменения в Конституцию России, которые были озвучены в рамках указанного Послания, были взяты за основу соответствующего законопроекта. Вместе с тем возможность направить в специальную рабочую группу свои предложения, касающиеся изменения Основного Закона государства, имелась у значительного числа лиц. В результате был разработан целый комплекс изменений, из которых одни были объединены в Закон РФ о поправке к Конституции РФ, одобренный в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., а другие — оставлены для закрепления в текущем законодательстве.

Внесенными в Конституцию РФ изменениями установлены: запрет на отчуждение части территории России; положение, предусматривающее государственную поддержку осуществления прав соотечественников, проживающих за рубежом; правило о недопустимости исполнения решений, вынесенных межгосударственными органами на основании международных договоров, в истолковании, которое противоречит Конституции России; и другие существенные положения, являющиеся отправными точками правового регулирования ключевых сфер общественных отношений.

Отдельного внимания заслуживают изменения, затрагивающие деятельность судов. Судебная система Российской Федерации как механизм государственной защиты основных прав и свобод человека имеет большое значение в нашем правовом государстве. Она обеспечивает незыблемость конституционного строя, правопорядок в обществе, эффективно защищает интересы всего государства, права граждан, юридических лиц и устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом.

Осуществление мер по повышению качества правосудия, усиление его роли в укреплении российской государственности, формирование и совершенствование правовых основ организации и деятельности судебной власти, являются для государства приоритетными направлениями и их эффективная реализация напрямую связана с законотворческим усмотрением.

Законотворческое усмотрение в сфере организации и деятельности судебной власти ориентировано на решение различного рода задач, например, связанных с совершенствованием судебной защиты, реализацией прав и законных интересов граждан и организаций в различных видах судопроизводства. Оно выражается не только в Конституции РФ, но и целой в системе нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность судебных органов, включая федеральные

конституционные законы и кодексы. Однако базовые положения, регламентирующие судебную систему страны, закреплены в Основном законе.

Анализируя российское законодательство, регулирующее деятельность судебной системы, можно сделать вывод, что государство предпринимает следующие важные шаги для решения существующих проблем: осуществляет реформирование отечественной судебной системы, в том числе путем внесения изменений непосредственно в Конституцию РФ; совершенствует действующее законодательство, а также разрабатывает и принимает новые законодательные акты; формирует и реализует федеральные целевые программы (например, действует программа «Развитие судебной системы России» на 2013–2024 годы», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г.[1]), концепции и др.

В рамках конституционной реформы 2020 года был изменён ряд норм Конституции РФ, касающихся организации и деятельности судебной власти.

Реализация законотворческого усмотрения привела к тому, что на конституционном уровне были изменены требования к судьям, уточнен порядок назначения руководителей высших судебных органов и иных судов судебной системы РФ, скорректированы полномочия Конституционного Суда РФ, его численный состав, а также требования к судьям. Остановимся на отдельных изменениях подробнее.

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[2] изменились содержание судопроизводства и судебной системы. Так, ранее действующая норма ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, перечисляя формы судопроизводства, не упоминала о такой самостоятельной форме как арбитражное. О ее существовании можно было сделать вывод, анализируя нормы федерального законодательства, устанавливающие порядок деятельности арбитражных судов, в которых законодатель отдельно регулировал арбитражное судопроизводство, не называя его в Конституции РФ в качестве самостоятельного вида. Это обстоятельство, несомненно, служило поводом для многочисленных дискуссий среди юристов-практиков и ученых.

Важно отметить, что преобладающей в российской юридической литературе являлась позиция, исходящая из безусловного признания арбитражного судопроизводства конституционной формой судебной власти. При этом в обосновании правильности такого подхода, большинство ученых выделяли признаки, присущие арбитражному судопроизводству (характер дел; структурированная система арбитражных судов; территориальный признак определения юрисдикции; круг субъектов обращения в арбитражный суд; наличие специальной арбитражно-процессуальной формы (п. «о» ст. 71 Конституции)), а также другие обстоятельства (значимость общественных отношений, складывающихся в сфере компетенции арбитражных судов, их конституционная легитимность создания и деятельности; закрепление в Конституции РФ механизма судебной защиты в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности).

В настоящее время, законодатель устранил неточность и ввел в Основной закон самостоятельный вид судопроизводства — арбитражное, которое представляется

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе „Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы”» (в ред. от 23 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 1, ст. 13.

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

уже как официальная конституционная форма судебной власти. Механизм введения арбитражной формы судопроизводства в архитектуру российского правосудия в целом подтверждается и ст. 126 Конституции РФ, которая определяет полномочие Верховного Суда РФ по осуществление судебного надзора, в том числе и за деятельностью арбитражных судов. Такие нововведения, бесспорно, актуализируют статус и компетенцию арбитражных судов.

На конституционном уровне получила конкретизацию судебная система РФ. В частности ч. 3 ст. 118 Конституции определяет высшие судебные инстанции, а также федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды и мировых судей субъектов Российской Федерации.

Импонирует необходимая поправка, закрепляющая повышенные требования, предъявляемые к кандидатам в судьи (ст. 119 Конституции РФ) в части отсутствия у лица гражданства иностранного государства, вида на жительство, запрета на постоянное проживание на территории иностранного государства. Ранее ни закон РФ «О статусе судей в РФ»[1], ни федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»[2], допускающий наличие двойного гражданства у граждан, не содержал точного ответа на вопрос, может ли лицо с двойным гражданством претендовать на должность судьи и быть судьей. Прямое указание в Конституции РФ и других нормативно-правовых актах отсутствовало и лишь ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе РФ»[3] отчасти давала ответ на этот вопрос.

Основной закон конкретизировал требования и сделал их основополагающим при отборе кандидатуры на должность судьи. Это во многом обуславливается тем, что подчинение судьей Конституции РФ и обеспечение им федерального законодательства (ст. 120 Конституции РФ) прямо обязывает его иметь принадлежность к одному государству. Наличие двойного гражданства является недопустимым и может ограничивать независимость судьи при осуществлении им своих полномочий, а также повлечет ряд других отрицательных последствий, в частности может оказывать негативное влияние на отношение граждан, как к осуществлению правосудия, так и к самим судьям как носителям судебной власти.

Наряду с этим установлением, законодатель официально запретил высшим должностным лицам (судьям) иметь счета, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ. Данное изменение, на наш взгляд, следует рассматривать, во-первых, как возможность повышения уровня доверия населения и к самому суду и к государству в целом. Во-вторых, закрепление таких требований непосредственно связано с обеспечением безопасности страны и суверенитета государства. Следует отметить, что в самой статье предусматривается и возможность установления федеральным законом дополнительных требований.

---

[1] См.: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 16 апреля 2022 г.) // Российская газета. 1992. 29 июля; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 16, ст. 2609.

[2] См.: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2031; 2021. № 1, ч. 1, ст. 56.

[3] См.: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; 2022. № 1, ч. 1, ст. 6.

Законотворческая работа в сфере судебной власти затронула широкий спектр вопросов: от компетенции Конституционного Суда РФ и его состава до полномочий Верховного Суда РФ и проблем формирования судейского корпуса, включая назначение руководителей судебных органов. Исходя из этого, представляется справедливой точка зрения о том, что «кардинальное повышение статуса суда и расширение его полномочий» [3, с. 242] являются основными динамичными направлениями развития судебной власти. Внесение соответствующих изменений в Конституцию РФ позволит повысить авторитет судебных органов и окажет позитивное влияние на принятие новых законов, обеспечивающих эффективное правосудие.

Полагаем, что главная задача законодателя заключается в том, чтобы сделать Конституцию страны реально действующей, особенно — в части обеспечения дополнительных гарантий реализации прав и свобод граждан. Положения Основного закона должны служить базисом устойчивого развития государства и общества, возможность которого обусловлена внедрением новых конституционных норм в законодательство, а в последующем — в правоприменение и правосознание [4, с. 90].

Оценивая внесенные в Конституцию РФ изменения, связанные с судебной системой, следует отметить, что все они позитивные, своевременные, важные и нужные. В целом они четко и ясно определяют роль судебных органов, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Президента РФ, конкретизируют построение судебной системы РФ, способствуют повышению эффективности судебной деятельности, обеспечению большей прозрачности осуществления судопроизводства, а также росту авторитета судебной власти.

Наряду с решениями соответствующих субъектов относительно содержания внесенных изменений, принятый закон выражает усмотрение законодателя и по технико-юридическим вопросам: используемым формулировкам, распределение по главам и др. Обратимся, в частности, к положению, закрепляющему недопустимость исполнения решений межгосударственных органов, которые приняты ими на основании международных договоров, в истолковании, противоречащем Конституции России. В результате внесенных в Конституцию изменений, данное правило нашло отражение в ст. 79 Основного Закона, но, полагаем, что оно логичнее выглядело бы в ч. 4 ст. 15. В данном случае, участникам специальной рабочей группы пришлось пойти на определенный компромисс, поскольку в соответствии со ст. 135 Конституции изменение гл. 1, 2 и 9 Основного Закона предполагает значительно более сложную процедуру.

К технико-юридическому аспекту законотворческого усмотрения можно отнести решение провести общероссийское голосование по вопросу одобрения поправок к Конституции РФ, принятых в рамках законодательной процедуры. При внесении изменений в гл. 3–8 Конституции РФ должны быть выполнены требования ст. 136, а проведение общероссийского голосования не является обязательным. Однако использование процедуры общероссийского голосования позволило оценить уровень одобрения принятых поправок населением страны. И тот факт, что большинство российских граждан высказалось в поддержку предложенных властью изменений, безусловно, придает им большую легитимность, нежели просто принятие и одобрение лишь органами законодательной власти.

Особого внимания заслуживают поправки, связанные с социальной поддержкой населения нашего государства. Дело в том, что данное направление было

зафиксировано основным Законом и ранее, но, сейчас эта норма наполнилась конкретным содержанием. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Новая редакция Конституции РФ закрепила на высшем уровне, что минимальный размер оплаты труда не может быть ниже прожиточного минимума. Необходимо кратко остановиться на понятиях и сущности этих явлений. МРОТ является инструментом защиты работника, посредством выплаты за равный труд равной оплаты.

Прожиточный минимум, это та минимальная сумма, при которой гражданин может существовать, всё, что ниже прожиточного уровня есть бедность. Данная категория позволяет с одной стороны, устанавливать минимальные пенсии, МРОТ, с другой, позволяет анализировать финансовое благосостояние граждан. Из чего следует, что эти понятия всегда были тесно связаны между собой. Однако до недавнего времени, МРОТ, зачастую был ниже прожиточного уровня, несмотря на то, что Трудовой кодекс напрямую говорил о невозможности установления МРОТ ниже прожиточного минимума. Дело в том, что в Трудовом кодексе РФ, в ст. 421 говорится, что порядок и сроки поэтапного повышения минимального размера оплаты труда до размера, предусмотренного частью первой ст. 133 ТК РФ, устанавливаются федеральным законом[1], что, по мнению С.В. Кобылинской и А.Х. Шишева и является «лазейкой, поскольку прожиточный минимум может быть ниже и будет поэтапно повышаться, когда Министерство Финансов, согласится это сделать» [5, с. 157].

Напомним, что ст. 7 Конституции РФ устанавливает, что в России охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Однако именно поправки в Основной закон государства закрепили соотносимость и зависимость МРОТ от величины прожиточного минимума (новая редакция ч. 5 ст. 75 Конституции РФ).

Поправки к Конституции РФ установили необходимость регулярной индексации пенсий. Безусловно, индексации проводились и ранее, но, закреплялось это положение на уровне федерального законодательства. Вопрос индексации пенсии, вообще очень сложный и многогранный. Демографическая ситуация как в мире, так и в отдельно взятой стране, весьма плачевна. Дело в том, что количество пожилого населения превышает количество работающего. Между тем, соотносимость здесь очень важна. Некоторые государства применяют радикальные меры, повышая пенсионный возраст и запрещая индексацию пенсий работающим пенсионерам. Россия опробовала все варианты, однако, возложенных надежд, эти меры не оправдали.

Ведущие экономисты пытаются вывести идеальную формулу индексационных коэффициентов, однако сбалансировать расходы и доходы пенсионной системы, а также морально-этических принципов при определении параметров индексации пенсий, весьма непросто.

Отдельное внимание так же уделяется семье. Основной Закон указывает, что именно дети являются высшей ценностью. Государство, в свою очередь,

[1] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2022. № 9, ч. 1, ст. 1259.

должно создавать все условия для достойного воспитания детей в семье, а при невозможности этого, обеспечить заботу за детьми, оставшимися без попечения родителей и сиротами.

В продолжение этого положения, на законодательном уровне появились разные предложения о том, каким образом обеспечивать достойное воспитание в семье. Речь идет о духовно-нравственных началах, о возрождении патриотизма, что так необходимо в непростой период. Например, в октябре 2021 г. Президент РФ Владимир Путин поручил правительству и администрации президента рассмотреть вопрос об использовании в школах флага, герба и гимна России, что получило быстрое претворение в жизнь.

Министр просвещения, С. Кравцов в одном из интервью отметил: «Такие элементы школьной жизни, как поднятие флага, во многих регионах уже являются устоявшейся практикой. Это можно внедрить в каждой школе в качестве важного элемента воспитания. Такая практика способствует формированию чувства патриотизма и гражданственности у подрастающего поколения»[1]. И с этим нельзя не согласиться. Кроме того, впервые на самом высоком уровне закрепили положение о необходимости (обязанности), совершеннолетних детей, заботиться о пожилых родителях.

Текст Конституции РФ, помимо сухого свода правил, наполнился более глубоким содержанием по вопросам социальной политики. Назвать эти изменения новшеством сложно, поскольку они, по большей части, дублируют положения текущего законодательства. Однако приобретение соответствующими положениями высшей юридической силы, присущей Основному закону, дает надежду на их безусловную реализацию и минимизацию количества нарушений социальных прав граждан России.

Подводя итог данному исследованию, отметим, что все внесенные в 2020 году в Конституцию Российской Федерации поправки можно считать внешней формой выражения законотворческого усмотрения коллективного «законодателя», в данном случае включающего в себя: Президента РФ (инициатора внесения изменений в Конституцию России), большое число субъектов, направлявших свои предложения в рабочую группу по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию, участников данной рабочей группы, всех субъектов участвовавших в законодательном процессе (федеральные и региональные законодательные органы, Президент РФ). При этом, общественное мнение, способное выступать в качестве ограничителя законотворческого усмотрения, в данной ситуации стало фактором, повышающим легитимность принятого решения, поскольку поправки в Основной закон страны были одобрены в ходе общероссийского голосования.

Библиографический список

1. *Biernat T.* On the Lawmaking Policy, Discretion and Importance of the Rule of Law Standards // Studia Iuridica Lublinensia. 2020. Vol. 29. № 3. P. 67–85.

2. *Аничкин Е.С.* Основные черты развития конституционного законодательства Российской Федерации на рубеже XX–XXI вв.: учебное пособие. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. 136 с.

3. Судебная практика в современной правовой системе России / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: Институт

[1] См.: «Важный элемент воспитания»: в школах России решили еженедельно исполнять гимн. URL: https://www.gazeta.ru/social/2022/04/19/14752916.shtml (дата обращения: 17.05.2022).

законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2017. 432 с.

4. *Хабриева Т.Я.* Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016. 320 с.

5. *Кобылинская С.В., Шишев А.Х.* К вопросу о минимальном размере оплаты труда // Science Time. 2015. № 10 (22). С. 156–160.

References

1. *Biernat T.* On the Lawmaking Policy, Discretion and Importance of the Rule of Law Standards // Studia Iuridica Lublinensia. 2020. Vol. 29. No. 3. P. 67–85.

2. *Anichkin E.S.* The Main Features of the Development of the Constitutional Legislation of the Russian Federation at the Turn of the XX-XXI Centuries: textbook. Barnaul: Publishing house Altaysk. State University, 2007. 136 p.

3. Judicial Practice in the Modern Legal System of Russia / T.Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev, A.V. Gabov et al.; edited by T.Ya. Khabrieva, V.V. Lazarev. M.: Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation; Norm; INFRA-M, 2017. 432 p.

4. *Khabrieva T.Ya.* Constitutional Reform in the Modern World: monograph. M.: Nauka RAS, 2016. 320 p.

5. *Kobylinskaya S.V., Shishev A.H.* On the Issue of the Minimum Wage // Science Time. 2015. No. 10 (22). P. 156–160.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-47-54
УДК 342.723

Е.А. Отставнова

НЕТРАДИЦИОННАЯ И НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Введение: *на основе российского законодательства, научной литературы и социологических и статистических данных, проанализированы понятия «народная медицина», «традиционная медицина», «нетрадиционная медицина». Особое внимание уделено конституционно-правовым вопросам регулирования оказания медицинской помощи лицами, применяющими методы народной и нетрадиционной медицины.* ***Цель:*** *выявить проблемы в правовом регулировании применения методов народной и нетрадиционной медицины и предложить пути их решения.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные и частные методы исследования; совокупность диалектического и системного подходов; метод интерпретации; формально-юридический, статистический и социологический подходы.* ***Результаты:*** *установлено, что «традиционная» и «народная» медицина — идентичные понятия. Это соответствует логике их непосредственного толкования. «Нетрадиционная» медицина основана на единичных, новаторских методах, экстраординарных способностях человека. Она включает услуги экстрасенсов, ясновидящих и т.д. Методы народной медицины законодателем признаются и отнесены к медицинским услугам. Нетрадиционная медицинская помощь Законом не запрещена и ее методы содержатся в «Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности». Однако правовое регулирование такой деятельности в российском законодательстве отсутствует, что приводит к построению мошеннических схем и нанесению вреда здоровью, а нередко, и жизни российских граждан.* ***Выводы:*** *в настоящее время необходимо принятие закона, а также пакета подзаконных правительственных актов о порядке получения разрешений и правил занятия народной и нетрадиционной медициной, что будет способствовать созданию условий для легальной деятельности настоящих целителей и отсеиванию мошенников, а также эффективному контролю за их деятельностью со стороны государственных органов. Но, в первую очередь, необходимо установить законодательный запрет на рекламирование услуг экстрасенсов и колдунов в средствах массовой информации, прежде всего, на телевидении. Предложенные меры будут направлены на защиту права на охрану здоровья российских граждан, гарантированного Основным Законом страны.*

Ключевые слова: *народная медицина, нетрадиционная медицина, традиционная медицина, права человека, право на охрану здоровья, право на медицинскую помощь, целительство, правовое регулирование.*

© Отставнова Елена Александровна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elenaotstavnova@yandex.ru
© Otstavnova Elena Aleksandrovna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law named after Professor Isaac Efimovich Farber (Saratov State Law Academy)

E.A. Otstavnova

ALTERNATIVE AND TRADITIONAL MEDICINE IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECT

Background: *on the basis of Russian legislation, scientific literature and sociological and statistical data, the concepts of "folk medicine", "traditional medicine" and "non-traditional medicine" are analyzed. Particular attention is paid to the constitutional and legal issues of regulating the provision of medical care by persons who use the methods of folk and non-traditional medicine.* ***Objective:*** *to identify problems in the legal regulation of the use of traditional and alternative medicine methods and to propose ways to solve them.* ***Methodology:*** *general scientific and private research methods; a set of dialectical and systemic approaches; method of interpretation; formal-legal, statistical and sociological approaches.* ***Results:*** *it has been established that "traditional" and "folk" medicine are identical concepts. This corresponds to the logic of their direct interpretation. "Non-conventional" medicine is based on singular, innovative methods, extraordinary abilities of a person. It includes the services of psychics, clairvoyants, etc. Methods of traditional medicine are recognized by the legislator and referred to medical services. Non-conventional medical assistance is not prohibited by the law and its methods are contained in the "All-Russian Classifier of Types of Economic Activity". However, there is no legal regulation of such activities in the Russian legislation, which leads to the construction of fraudulent schemes and harm to the health and often the lives of Russian citizens.* ***Conclusions:*** *currently it is necessary to adopt a law, as well as a package of governmental bylaws on the procedure for obtaining permits and rules for practicing folk and non-traditional medicine, which will help create conditions for the legal activities of real healers and weeding out fraudsters, as well as effective control over their activities by state bodies. But first of all it is necessary to establish a legal ban on advertising the services of psychics and sorcerers in the media, especially on television. The proposed measures will be aimed to protect the right to health of Russian citizens, guaranteed by the Basic Law of the country.*

Key-words: *traditional medicine, alternative medicine, non-conventional medicine, human rights, the right to health protection, the right to medical assistance, healing, legal regulation.*

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленное ст. 41 Конституции РФ, является одним из основных конституционных прав и свобод человека, которое включает в себя комплекс правовых возможностей по сохранению и восстановлению здоровья, предотвращению и лечению заболеваний. Указанная статья не содержит запрета на обращение за помощью к представителям народной и нетрадиционной медицины, к целителям. Следовательно, право на обращение к ним является одним из правомочий права на медицинскую помощь. Однако законодательство Российской Федерации довольно ограничено регулирует порядок деятельности специалистов, применяющих методы нетрадиционной и народной медицины. Многие вопросы остаются за пределами правового регулирования, что приводит к многочисленным нарушениям прав граждан, выражающимся в нанесении вреда их здоровью некачественными методиками лечения, поздними обращениями в официальные лечебные учреждения, а также применением мошеннических схем с целью обогащения «лжецелителей».

Прежде всего следует установить значение понятий «народная медицина», «традиционная медицина», «нетрадиционная медицина».

В «Большой медицинской энциклопедии» термин «народная медицина» толкуется как «накопленная народом в процессе исторического развития совокупность эмпирических знаний о проявлениях болезней, лечебных свойствах растений, веществ животного, минерального происхождения, а также ряд практических приемов, направленных на предупреждение и лечение болезней» [1, с. 512]. Статья 50 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» к народной медицине относит «методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья»[1], исключая при этом услуги оккультно-магического характера, религиозные обряды. К этим методам можно отнести иглоукалывание, занятия йогой, использование лечебных трав, акупунктуру, мануальную терапию и т.д.

«Народная медицина» и «традиционная медицина», на наш взгляд, синонимичные понятия, поскольку последняя также складывается на основе опыта народа в процессе исторического развития. Этот вывод подтверждается тем, что в Приказах Минздравсоцразвития РФ от 9 марта 2007 г. № 156 «О Порядке организации медицинской помощи по восстановительной медицине»[2], от 8 сентября 2003 г. № 432 «Об утверждении Устава ГУ «Национальный медико-хирургический Центр имени Н.И. Пирогова Минздрава России»[3] данные понятия употребляются в одном значении.

Сложнее обстоит дело с понятием «нетрадиционная» медицина, поскольку в нормативно-правовых актах оно не раскрывается. Клинические рекомендации «Бронхиальная астма»[4], утвержденные Министерством здравоохранения РФ, содержат рекомендации по применению нетрадиционных и альтернативных методов лечения. Однако данные понятия в Рекомендациях не разграничены. К ним отнесены следующие: иглоукалывание, китайская медицина, гомеопатия, гипноз, техники релаксации, применение ионизаторов воздуха, дыхательная техника. Аналогично данные понятия содержатся в Клинических рекомендации «Аллергический ринит»[5]. Употребление в данных актах термина «альтернативная медицина» еще более усложняет вопрос.

Не вносит ясности и Общероссийский классификатор занятий[6], который устанавливает профессии высококвалифицированных целителей и практиков альтернативной и народной медицины. Согласно Классификатору, их деятельность состоит в осмотре пациентов; профилактике и лечении заболеваний, болезней, травм и других физических и умственных нарушений; поддержании общего состояния здоровья у людей посредством применения знаний, навыков и опыта, полученных в результате глубокого изучения теорий, убеждений и опыта, накопленных в определенных культурах. Примерами такой деятельности

[1] См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724; 2021. № 27, ч. I, ст. 5143.

[2] См.: Российская газета. 2007.4 апр.

[3] См.: Российская газета. 2003. 2 окт.

[4] URL: http://cr.rosminzdrav.ru/ (дата обращения: 26.01.2022).

[5] См.: Там же.

[6] См.: ОК 010-2014 (МСКЗ-08). Общероссийский классификатор занятий (принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 г. № 2020-ст) (в ред. от 18 февраля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

указаны следующие направления: врач аюрведической медицины, гомеопат, иглотерапевт, натуропат, врач мануальной терапии, фитотерапевт, бальнеолог.

На наш взгляд, указанные занятия относятся к «традиционной медицине», что совпадает с ее значением, приведенным ранее. Следовательно альтернативная медицина — это профилактика и лечение заболеваний человека на основе методов, не относящихся к официальным, используемым медицинской наукой. Она основывается также на традициях и культуре народа [2, с. 70].

К лицам же, оказывающим услуги в сфере нетрадиционной медицины следует отнести людей, обладающих экстрасенсорными способностями [3, с. 1518], лечащих молитвами, заговорами. Большой толковый словарь русского языка трактует «нетрадиционный» как связанный с отступлением, отказом от традиций, свежий, новаторский. Нетрадиционность состоит в уникальности дара и невозможности общепринятого объяснения его природы, механизма [4, с. 116]. Таким образом, «нетрадиционная медицина» — это новые методы оздоровления, профилактики, диагностики и лечения, не относящиеся к методам официальной и народной медицины, недостаточно научно изученные, но имеющие положительные результаты своего применения. Впоследствии некоторые из них могут признаваться и активно использоваться официальной медициной. В качестве такового можно назвать метод иридодиагностики.

Всех, кто исцеляет методами народной и нетрадиционной медицины принято называть целителями.

Анализ нормативно-правовых актов, касающихся народной медицины, показал, что у законодателя отсутствует четкое разграничение данных понятий, налицо их смешение. Это создает трудности в понимании проблемы и в практической реализации норм права, поскольку их деятельность предполагает разные подходы, методы лечения и пути развития.

Методы народной медицины проверены временем и подтвердили свою эффективность. Неслучайно Всемирная организация здравоохранения придает ей особое значение в развитии первичной медико-санитарной помощи. Народная медицина названа ею комплементарной или альтернативной, играющей важную роль в лечении хронических болезней, а также в улучшении качества жизни людей[1]. Пекинская декларация, принятая участниками конгресса ВОЗ по народной медицине 8 ноября 2008 г., призывает государства-участников уважать и пропагандировать знания народной медицины, а правительства — «формулировать национальную политику, правила и стандарты в рамках всеобъемлющей национальной системы здравоохранения с целью обеспечения надлежащего, безопасного и эффективного использования народной медицины». По сведениям ВОЗ до 80% населения азиатских и африканских стран получают первичную медицинскую помощь у народных целителей. В развитых странах от 70 до 80% граждан пользуются какой-либо ее формой[2].

Следует согласиться, что мотивами, заставляющими людей обращаться к методам народной медицины, являются: отсутствие в данной местности организаций официальной медицины, отсутствие необходимого количества средств на оплату медицинских услуг, недоверие методам официальной медицины. В по-

[1] См.: Резолюция 56 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения. WHA56. 31. 28 мая 2003 г. URL: www.euro/who/int (дата обращения: 01.02.2022)

[2] См.: Официальный сайт ВОЗ. URL: //www.euro/who/int (дата обращения: 01.02.2022)

следнем случае народная медицина выступает своего рода «оружием последнего шанса» [5, с. 130–131].

Если объем правового регулирования в области народной медицины минимален, то в сфере нетрадиционной медицины практически отсутствует. Согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» правом на занятие народной медициной обладают граждане, получившие разрешение, выданное органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения. То есть, контроль за деятельностью целителей в сфере народной медицины отнесен к ведению российских субъектов. Законом оговорено, что разрешение выдается на основании заявления гражданина и представления медицинской профессиональной некоммерческой организации, либо заявления гражданина и совместного представления медицинской профессиональной некоммерческой организации и медицинской организации. При этом заниматься народной медициной целитель может только на территории того субъекта, в котором выдано разрешение.

Первое, на что стоит обратить внимание, это отсутствие регионального законодательства в данной сфере. Ранее принятые в 16 субъектах Российской Федерации законы о народной медицине утратили силу. Новые приняты не были. В Хабаровском крае такая деятельность осуществляется на основании Приказа Министерства здравоохранения «Порядок осуществления деятельности народных целителей на территории Хабаровского края»[1]. Речь в нем идет именно о традиционной медицине. Во-вторых, выдача разрешений осуществляется, как правило Министерством здравоохранения субъекта при участии медицинской ассоциации. Следовательно, разрешение на занятие целительством полностью зависит от работников официальной медицины. Это вполне оправдано, поскольку в настоящее время лекари традиционной медицины не обязаны иметь медицинского образования. Однако вполне логичным представляется, что они должны иметь базовые знания о строении человеческого организма, основных его систем и функций. В-третьих, количество целителей, зарегистрированных Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт), на сегодняшний день составляет 272 человека. Причем в этот список включены и те целители, которые используют методы нетрадиционной медицины: парапсихологи, биоэнерготерапевты и др.[2] Еще дальше пошли составители Общероссийского классификатора видов экономической деятельности в который включили услуги астрологов и медиумов (96.09)[3], а четырехзначный код, определяющий вид деятельности продавца при операциях с банковской картой с MCC 7996, разрешает предлагать услуги гадалок, астрологов, читателей карт таро и мистики[4].

Следует констатировать, что нетрадиционная медицина в России законом не запрещена, но процесс занятия ею остается полностью за рамками правового

[1] См.: Приказ министра здравоохранения Хабаровского края от 5 июня 2008 г. № 237 «Порядок осуществления деятельности народных целителей на территории Хабаровского края». URL: https://www.audar-info.ru/na_reg/regEditArticle/index/type_id/4/doc_id/27855/release_id/29177/sec_id/54380/#art214560 (дата обращения: 01.02.2022).

[2] URL: http://erusds.ru/reestr-specialistov-2/ (дата обращения: 01.02.2022).

[3] См.: ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). «Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утвержден Приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст) (в ред. от 7 октября 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Справочник MCC кодов. URL: https://mcc-codes.ru/code/7996 (дата обращения: 01.02.2022).

регулирования. В связи с этим не совсем ясно — должны ли целители, применяющие нетрадиционные методики, подлежать регистрации; кто должен оценивать их способности; какой вид ответственности распространяется на таких лиц?

На сегодняшний день пробелы правового регулирования в данной сфере и бурное развитие цифровых технологий способствуют распространению такого вида мошенничества как социальная инженерия, которая основывается на злоупотреблении доверием граждан и введении их в заблуждение путём сообщения заведомо ложной информации. В средствах массовой информации, Интернете все чаще можно встретить рекламу услуг таких «целителей», не имеющих подтверждения своим способностям, а также разрешений на занятия экстрасенсорикой, оккультными обрядами. Организуются колл-центры по оказанию данных услуг. Доход одного оккультного мошеннического колл-центра в день может составлять в среднем от 1 до 2 млн руб., а средняя сумма ущерба пострадавшего клиента от рук оккультных мошенников равна 2 млн руб. Чаще всего жертвами становятся женщины 1939–1965 годов рождения [6]. Нетрудно представить, что это женщины предпенсионного и пенсионного возраста, имеющие проблемы со здоровьем. Кроме потери денежных средств, они подвержены риску потери здоровья, а порой и жизни, поскольку, доверяя «магам» и «колдунам», несвоевременно обращаются в лечебные учреждения. Опрос ВЦИОМ показал, что к магам обращаются в крайне затруднительной, безвыходной ситуации (27%), за помощью в различных вопросах (14%), по болезни (8%). А также, некоторые могут пользоваться услугами таких лиц по неопытности или в силу слабохарактерности[1].

Статья 24 Федерального закона «О рекламе»[2] включает требования, предъявляемые к рекламе не только лекарственных средств, медицинских изделий и медицинских услуг, но и к методам народной медицины. Однако реклама методов нетрадиционной медицины в Законе не затронута. По данным компании «Медиалогия», тема «колдовство» на федеральном телевидении и прессе за 5 лет (2011–2016 гг.) упоминалась более чем в 1 тысячи сообщений. Вполне логичным будет предположить, что за последние годы в условиях развития цифровых технологий, такая реклама выросла в разы.

Аналогично обстоит дело с определением ответственности целителей. За незаконное занятие народной медициной она установлена ст. 6.2. Кодекса об административных правонарушениях[3], что создает гарантии соответствующим пациентам. Ответственность магов, колдунов и экстрасенсов в Законе не упоминается.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что законодатель признает исключительно народную (традиционную) медицину, методы нетрадиционной медицины к медицинским услугам им не отнесены. Но прибегая к их помощи в случаях проблем со здоровьем, такие услуги могут оказываться под видом «снятия порчи», восстановления биополя человека и др. Некоторые

---

[1] См.: Колдовство, сглаз, порча: навстречу Хеллоуину — 2016. Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koldovstvo-sglaz-porcha-navstrechu-khellouinu-2016 (дата обращения: 02.02.2022).

[2] См.: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232; 2022. № 1, ч. I, ст. 56.

[3] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2022. № 1, ч. I, ст. 50.

из таких целителей действительно обладают уникальными способностями. Статья 37 Конституции РФ предоставляет право каждому человеку свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Это положение включает в себя и право на распоряжение своими способностями как в сфере народной медицины, так и нетрадиционной. Но перевести эти явления в рамки правового поля сложно, поскольку необходимо определиться с понятиями и с тем — кто и как будет определять степень пригодности ясновидящих, экстрасенсов и т.д. В настоящее время отсутствует система стандартов применяемых методик, а также подготовка специалистов в сфере нетрадиционной медицины. Методы народной медицины оцениваются в соответствии с Приказом Росздравнадзора от 25 января 2006 г. № 154-Пр/06 «О введении в работу Системы добровольной сертификации услуг в области народной медицины „Реестр целителей”»[1].

Возвращаясь к нетрадиционной медицине, следует отметить, что зачастую невозможно оценить насколько применяемые методы эффективны и безопасны для здоровья, а иногда и жизни человека. Поскольку ст. 2 Конституции РФ вменяет государству не только признание, но защиту прав и свобод человека, то она должна включать в себя и защиту от опасности возможного причинения вреда здоровью граждан услугами целителей сомнительного качества. Прежде всего такая защита должна иметь под собой законодательную базу.

Уже давно назрела необходимость принятия на федеральном уровне, закона, регламентирующего деятельность в области народной и нетрадиционной медицины. Такая попытка уже была предпринята. Проект федерального закона «О традиционной и народной медицине (целительстве)» был отклонен в 2001 г. Государственной Думой. Однако «традиционная» и «народная» медицина в нем употреблялись в различных значениях, что противоречит логике их непосредственного толкования.

На наш взгляд, при разработке очередного законопроекта в данной сфере общественных отношений целесообразно разграничить методы «традиционной» и «нетрадиционной» медицины, учитывая при этом мнение соответствующих общественных ассоциаций. Принятие закона, а также пакета подзаконных правительственных актов о порядке получения разрешений и правил занятия народной и нетрадиционной медициной помогло бы созданию условий для легальной деятельности настоящих целителей и отсеиванию мошенников и шарлатанов, а также для эффективного контроля за их деятельностью со стороны государственных органов. Но, в первую очередь, необходимо установить законодательный запрет на рекламирование услуг экстрасенсов и колдунов в средствах массовой информации, прежде всего, на телевидении. Предложенные меры будут направлены на защиту права на охрану здоровья российских граждан, гарантированного Основным Законом страны.

Библиографический список

1. Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. /гл. ред. Б.В. Петровский, АМН СССР. 3-е изд., М., 1981. Т. 16. 632 с.

2. *Головской Б.В.* К вопросу об альтернативной медицине // Клиническая медицина. 2012. № 7. С. 70–72.

[1] См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Экстрасенс — человек, обладающий сверхчувствительными способностями для распознавания, лечения заболеваний, психических расстройств и т.д. (см.: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998. 1534 с.).

4. *Малеина М.Н.* Человек и медицина в современном праве: учебное и практическое пособие. М., 1995. 260 с.

5. *Лупарев Е.Б.* о некоторых проблемах систематизации законодательства о неконвенциональной (народной) медицине // Медицинское право: теория и практика. 2019. № 1. С. 130–133.

6. *Савенкова Д.* Охота на ведьм в условиях цифровизации // Независимая газета. 2020. 6 окт.

References

1. The Great Medical Encyclopedia: in 30 t. / ch. ed. B.V. Petrovsky, AMN of the USSR. 3rd ed., M., 1981. Vol. 16. 632 p.

2. *Golovskoy B.V.* On the Question of Alternative Medicine // Clinical Medicine. 2012. No. 7. P. 70–72.

3. A psychic is a person with hypersensitive abilities for recognizing, treating diseases, mental disorders, etc. (see: The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language / edited by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, 1998. 1534 p.).

4. *Maleina M.N.* Man and Medicine in Modern Law: a textbook and practical guide. M., 1995. 260 p.

5. *Luparev E.B.* On Some Problems of Systematization of Legislation on Non-Conventional (Folk) Medicine // Medical law: theory and practice. 2019. No. 1. P. 130–133.

6. *Savenkova D.* Witch Hunt in the Conditions of Digitalization // Nezavisimaya gazeta. 2020. October, 6.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-55-63
УДК 342

И.Н. Плотникова

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ПРИЗНАНИЯ И РАВНОЙ ЗАЩИТЫ ЧАСТНОЙ И ИНЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: *исследование нормативного содержания принципа признания и равной защиты частной и иных форм собственности, представляет несомненный теоретический и практический интерес, ввиду определяющего его значения в конкретизации экономических прав граждан, развитии экономических отношений и обеспечении экономического роста в России.* ***Цель:*** *изучение роли частной собственности как одной из движущих сил общественного прогресса, нормативного содержания принципа признания и равной защиты частной и иных форм собственности на основе теоретического анализа трудов ученых-юристов, отечественных и зарубежных нормативных актов, правоприменительной практики.* ***Методологическая основа:*** *догматические методы, методы системно-структурного анализа, сравнительного правоведения.* ***Результаты:*** *предлагается внесение изменений и дополнений в Конституцию РФ в части дальнейшей конституционализации принципа признания и равной защиты частной собственности наряду с иными формами собственности.* ***Выводы:*** *Конституция РФ закрепила принцип признания и равной защиты частной и иных форм собственности в относительном соответствии с международными стандартами и опытом конституционного развития демократических зарубежных стран, без установления приоритета каких-либо ее форм. Вместе с тем наблюдается определенное несовершенство конституционализации института частной собственности в России, что предполагает необходимость внесения определенных поправок в Конституцию РФ.*

Ключевые слова: *Конституция, собственность, признание, защита, неприкосновенность собственности, конституционализация.*

I.N. Plotnikova

CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF RECOGNITION AND EQUAL PROTECTION OF PRIVATE AND OTHER FORMS OF PROPERTY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Background: *the study of the normative content of the principle of recognition and equal protection of private and other forms of property is of undoubted theoretical and practical interest, due to its decisive importance in the specification of economic rights of citizens, the development of economic relations and economic growth in Russia.* ***Objective:*** *study of the role of private property as one of the driving forces of social progress, the normative content of the principle of recognition and equal protection of private and other forms of property based on theoretical analysis of the works of legal*

© Плотникова Инна Николаевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: innap17@mail.ru
© Plotnikova Inna Nikolaevna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law named after Professor Isaak Efimovich Farber (Saratov State Law Academy)

scholars, domestic and foreign normative acts, law enforcement practice. ***Methodology:*** *dogmatic methods, methods of system-structural analysis, comparative law.* ***Results:*** *it is proposed to introduce amendments and additions to the Constitution of the Russian Federation to further constitutionalize the principle of recognition and equal protection of private property along with other forms of ownership.* ***Conclusions:*** *the Constitution of the Russian Federation has enshrined the principle of recognition and equal protection of private and other forms of property in relative accordance with international standards and experience of constitutional development of democratic foreign countries, without establishing the priority of any of its forms. At the same time, there is a certain imperfection in constitutionalization of the institute of private property in Russia, which suggests the need for certain amendments to the Russian Constitution.*

Key-words: *Constitution, property, recognition, protection, inviolability of property, constitutionalization.*

Принцип признания и равной защиты частной собственности наряду с иными формами собственности, закрепленный в ст. 8 и 9 Конституции РФ 1993 г. является одним из краеугольных принципов нормативного опосредования экономической свободы личности в современной России, фактором обеспечения экономического роста и повышения благосостояния граждан. Российскими правоведами отмечается, что при кажущейся простоте и доступности его текстуального выражения, он является одним из наиболее сложных с позиций его толкования и практического применения [1, с. 154–182].

Термин «признание» выражен в ст. 8 Конституции в глагольной форме. Лексема «признать», трактуется в толковых словарях, как «согласиться считать законным, существующим, действительным» [2, с. 581], глагол «защитить» — как «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий...» [2, с. 221]. То есть, в Российской Федерации все формы собственности юридически провозглашаются, легализуются, легитимируются, защищаются в соответствии с общепризнанными принципами международного права, при отсутствии приоритета одной из форм собственности — частной или публичной. Равная защита форм собственности означает отсутствие приоритета в видах, способах защиты каких-либо форм собственности, дифференциации ответственности за посягательство на них. Безусловно, принцип признания и равной защиты частной собственности имеет ключевое значение для формирования нового типа экономической системы в России с рыночными отношениями.

Роль частной собственности, как основы существования человека, одной из движущих сил общественного прогресса, признавалась мыслителями древности с момента образования государства (формы политической организации общества). Еще Аристотель подчеркивал значение собственности как основы бытия человека. По его мнению, собственность для домохозяина является средством существования; «без предметов первой необходимости нельзя не только хорошо жить, но и вообще жить» [3, с. 15]. Философ утверждал, что собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной, «к тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим...» [3, с. 34].

Вопросы владения, пользования, распоряжения собственностью лежат в основе жизнедеятельности любого государства, независимо от формы его прав-

ления, государственного устройства и политического режима. Как справедливо замечается видными российскими учеными, конституционно-экономическое регулирование вопросов собственности является одним из наиболее ключевых моментов регулирования общества вообще [4, с. 72]. Без решения вопросов о признании существования частной собственности невозможно говорить об обеспечении подлинной экономической свободы человека и гражданина, реальности осуществления основных прав и свобод, признанных мировым сообществом.

Трансформация отношений и структуры собственности явилась стержнем реформ в России и первостепенной задачей переходной экономики, поскольку монополия административно-командной плановой экономики обусловила системный кризис российского государства, в связи с чем возникла необходимость коренной перестройки всей системы общественных отношений. В отличие от норм действующей Конституции РФ г., в Конституции РСФСР 1978 г. (с поправками 1990–1992 г.) закреплялось, что собственность не может использоваться в целях, противоречащих интересам общества, правам и свободам других граждан (ст. 10)[1].

Поскольку в ч. 2 ст. 8 Конституции РФ говорится о признании и равной защите частной, государственной, муниципальной и «иных форм собственности», отечественными учеными неоднократно поднимался вопрос о понятии «форма собственности», используемое в Конституции РФ. Как утверждает Е.А. Суханов, в действительности никаких «форм собственности» нет, а имеется лишь одно, единственное право собственности со стандартным, единым набором правомочий, у которого могут быть разные субъекты — граждане, юридические лица, государство и иные публично-правовые образования [5, с. 85]. В связи с чем К.И. Скловский подчеркивает, что отождествлять форму собственности возможно только с принадлежностью имущества одному из видов субъектов [6, с. 166]. Вместе с тем Т.А. Горюнова отстаивает точку зрения о необходимости существования категории «форма собственности» и критикует позиции ряда ученых о непринятии самого понятия «форма собственности» [7, с. 21–24]. Однако вывод автора об отнесении к «иным формам» собственности — собственность политических партий, профессиональных союзов и общественных объединений, религиозных организаций не находит своего логического обоснования. Полагаем, что собственность указанных организаций относится к частной собственности юридических лиц. Так, согласно ст. 28 Федерального закона о политических партиях, собственником имущества политической партии является сама политическая партия, как юридическое лицо, и ее члены не имеют прав на имущество партии[2]. Что касается понимания категории «формы собственности», то оно является в настоящее время общеупотребительным и не создает каких-либо существенных противоречий и путаницы в правовом регулировании, защите частной и публичной форм собственности.

Отметим, что в Конституции РФ 1993 г. нет прямо сформулированных норм как о неприкосновенности частной собственности, так и ее социальной функции, в противовес немалому числу Конституций зарубежных стран. Именно

[1] См. Закон РФ от 9 декабря 1992 г. № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Российской Федерации — России» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 55.

[2] См.: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (в ред. от 1 апреля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 2950; 2022. № 14. ст. 2203.

первые конституционные акты (США, Франции) закрепляли как абсолютную, священную и неприкосновенную свободу частной собственности, не возлагая на государство и граждан каких-либо особых обязательств. В этих актах отсутствуют положения о неприкосновенности права частной собственности, так как к моменту их появления, никто в обществе не ставил под сомнение ни индивидуальную свободу, ни частную собственность [8, с. 89]. Основоположником теории социальной функции собственности принято считать Л. Дюги, французского юриста, профессора Бордосского университета. Он считал, что поскольку человек живет в обществе себе подобных, он соединен с другими людьми узами социальной солидарности [9, с. 12]. Ученый критиковал естественно-правовое понимание собственности, поскольку с этой точки зрения невозможно ни оправдать фактически существующую собственности, ни ограничить ее объем. Собственность понимается ученым как власть для индивидов свободно выполнять социальную миссию, лежащую на них в силу их специального положения, она должна быть основана на выполнении своего долга [9, с. 22–23].

Во многих демократических конституциях зарубежных стран XX века, на волне социальных революций, стали провозглашаться (в различных интерпретациях) специальные нормы о том, что собственность обязывает; пользование ею должно служить и общему благу (ст. 14 Основного Закона ФРГ 1949 г.). Вместе с тем нормы о неприкосновенности частной собственности также содержатся и в современных конституциях бывших социалистических стран (ст. 17 Конституции Болгарии 1991 г., ст. 23 Конституции Литвы 1992 г., ст. 53 Конституции Узбекистана, 1992 г., ст. 13 Конституции Азербайджана 1995 г.), что, в первую очередь, связано с боязнью возрождения тоталитарного прошлого, возможности установления неравного правового статуса частной собственности по сравнению с государственной. И такие опасения небезосновательны, поскольку при социалистической форме общественного развития, именно государственная (социалистическая) форма собственности имела приоритет в своей охране и защите (к примеру, преступления против социалистической собственности, со сходным составом преступления, наказывались более строго, чем против личной собственности в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. в его первоначальной редакции).

Тем не менее в некоторых конституционных актах соединены оба этих подхода. Как составная часть Конституции Франции продолжает действовать Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г., в которой собственность объявляется священной и неприкосновенной вследствие признания ее «естественного» характера. В последствии, право частной собственности стало гарантироваться во взаимосвязи с социальной функцией собственности, в противовес личным правам первого поколения. В преамбуле Конституции Франции 1946 г. возможность отчуждения имущества в коллективную собственность было поставлено в зависимость от того: имеет или приобретает эксплуатация имущества (предприятия) черты национальной общественной службы или фактической монополии.

Заметим, многие действующие конституции стран постсоветского пространства закрепляют основные положения о собственности шире, чем российская Конституция. Так, в ст. 13 Конституции Азербайджана указано, что собственность неприкосновенна и охраняется государством, но она не может быть использована против прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства, достоинства личности. В свою очередь, некоторые конституции стран постсоветского пространства провозглашают не только нормы о гарантиях

равной защиты разных форм собственности, но и гарантиях равных условий для развития всех форм собственности (ст. 13 Конституции Республики Беларусь), а также социальной функции собственности (согласно ст. 6 Конституции Республики Казахстан собственность обязывает, пользование ею должно одновременно служить общественному благу).

Конституционный Суд РФ, на современном этапе демократического развития российского государства, достаточно часто основывает свои решения на принципе признания и защиты собственности (исходя из ч. 2 ст. 8 Конституции РФ) и корреспондирующих ему положениях ст. 1 Протокола № 1 Европейской конвенции о защите прав человека (ратифицированному Россией в 1998 г.)[1], согласно которой государство вправе осуществлять контроль собственности в соответствии с общими интересами[2], восполняя, таким образом, некоторые пробелы в конституционном регулировании института собственности в России.

Дискуссионным является вопрос, охватывает ли в своем содержании принцип равной защиты частной и иных форм собственности принцип неприкосновенности частной собственности? Ответ на него далеко не очевиден. Большей частью принцип неприкосновенности частной собственности формулируется исходя из нормативного содержания положений ст. 35 Конституции РФ (о возможности лишения каждого своего имущества не иначе, как по решению суда), о чем свидетельствует практика Конституционного Суда РФ[3]. Тем не менее Г.Н. Андреева пишет, что теория неприкосновенности собственности обосновывает необходимость обеспечения ее защиты, а также — возможность и границы изъятия из данного принципа [10, с. 55]; то есть принцип неприкосновенности в конституционном регулировании предстает, по ее мнению, в виде принципа защиты собственности. Ввиду чего, допустимо ли трактовать конституционные положения о лишении имущества человека и гражданина только по решению суда и принудительном его отчуждении (при условии предварительного и равноценного возмещения) для государственных нужд как принцип неприкосновенности частной собственности? Думается, что с достаточной долей условности (несмотря на то, что данный принцип закрепляется в числе основных начал гражданского законодательства в Гражданском кодексе РФ, однако, четкого доктринального обоснования не имеет).

Полагаем, что принцип неприкосновенности частной собственности охватывается нормативным содержанием принципа признания и равной защиты

---

[1] См.: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 14, ст. 1514.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18, статей 20 и 21 Федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование», части 22 статьи 26 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и пункта 6.1 статьи 78 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 6.

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

частной собственности и иных ее форм (дополняя и как бы оттеняя его) и, в первую очередь, подчеркивает незыблемость основ частной собственности для существования человека, поступательного развития общества, что является чрезвычайно важным для государств с переходной экономикой. В этом случае законодатель скорее отдает дань классическим либеральным традициям, получившим легитимацию в первых конституционных актах, ценностному аспекту собственности, укорененному в сознании каждого человека («моя вещь», что предполагает защиту от посягательств на принадлежащее каждому имущество). Возможно более приемлемой представляется формулировка ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»[1], поскольку термины «уважение» и «неприкосновенность» имеют несколько разное лексическое значение, а право собственности не имеет абсолютного характера и может быть ограничено. Ввиду чего, принцип, зафиксированный в ч. 3 ст. 35 Основного Закона России прямо не подразумевает неприкосновенность собственности, а представляет собой одну из гарантий права собственности и применяется в совокупности с иными конституционными положениями — ч. 2 ст. 8, ч. 3 ст. 17, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Обратим внимание, что в Конституции России, в основах конституционного строя отдельно не выделяется особая роль частной собственности, а признаются и защищаются равным образом все формы собственности. В связи с чем, следует отметить суждение М.В. Бородача, о том, что «признание равным образом различных форм собственности не может интерпретироваться ни как установление совершенно одинаковых правовых режимов для всех типов и разновидностей собственности, ни как нормативное закрепление равно применимых (универсальных) правовых титулов...» [1, с. 180], а предполагает равно применимый характер средств их правовой защиты. Однако, обозначенный вопрос является достаточно проблемным в контексте реализации принципа признания и защиты частной собственности и иных ее форм в правотворческой и правоприменительной практике. Так, В.Д. Мазаев утверждает, что содержательный анализ ст. 8 (и иных) в Конституции РФ «показывает приоритетность института частной собственности в конституционном перечне форм собственности» [11, с. 53]. Соглашается с ним и А.А. Саурин, отмечая, что частная собственность занимает первое место в конституционном перечне в ст. 8 Конституции РФ [12, с. 291]. Однако указанный факт, по нашему мнению, не может служить основанием приоритета частной собственности над иными ее формами, не предполагает защиту частной формы собственности в ущерб иным ее формам.

Напротив, некоторыми исследователями отмечается, что в отдельных случаях государственной собственности предоставляется чрезмерная защита [13, с. 8], высказывается мнение, что при нахождении баланса частных и публичных интересов, вопреки критерию, установленному ст. 2 Конституции РФ, органом конституционного контроля отдается предпочтение публично-государственным

[1] См.: Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 г.). URL: http://www.echr.ru/documents/doc/2440801/2440801.htm (дата обращения: 10.03.2022).

мотивам[1]. На наш взгляд, в подавляющем числе решений Конституционного Суда РФ, прослеживается равный подход к защите частной и иных форм собственности, исходя из принципа необходимости соблюдения частных и публичных интересов[2], более того, российским органом конституционного контроля были пересмотрены некоторые свои ранее выраженные правовые позиции. В частности, опираясь на принципы неприкосновенности собственности и свободы договора, соблюдения баланса публичных и частных интересов Конституционный Суд изменил правовую позицию, согласно которой признавалось право законодателя устанавливать нераспространение сроков исковой давности на требования Российской Федерации о возврате бюджетных средств, фактически отменяющая какие-либо сроки для обращения в суд, что создавало неопределенность в правовом положении юридических лиц — получателей бюджетных средств и могло повлечь неоправданное ограничение их имущественных прав. Ввиду чего, в Бюджетный кодекс РФ впоследствии были внесены изменения, устанавливающие срок исковой давности по данным обязательствам в 5 лет[3].

Что касается признания и защиты частной собственности на землю, отметим, что Основной Закон России 1993 г. достаточно лаконично, в самом общем виде, фиксирует в ст. 9 положения о формах собственности на землю (земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности). В отличие от российской Конституции, в некоторых зарубежных конституциях (в частности — в странах, где в прошлом существовал авторитарный или тоталитарный режим) именно в основных законах определяются объекты земельной собственности, которые находятся в исключительной собственности государства. К примеру, в соответствии со ст. 18 Конституции Болгарии 1991 г., подземные богатства, прибрежная полоса пляжей, дороги республиканского значения, а также воды, леса и парки национального значения, природные и археологические заповедники, определенные законом, являются исключительной государственной собственностью. В Конституции Португалии 1976 г., весьма подробную регламентацию получили положения о целях социально-экономической политики, секторах собственности на средства производства, перечне объектов общественного владения на землю и др.

Между тем в российской Конституции отсутствуют нормы как об отнесении объектов к исключительной собственности государства, так и о наложении обязательств на земельную собственность, которые особенно важны в условиях переходного периода развития экономики. В основном, все вопросы, связанные с признанием, защитой, ограничением частной собственности на землю регла-

[1] См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

[2] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июня 2018 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „Синклит”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона „О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации” и статьи 116 Федерального закона „О федеральном бюджете на 2007 год” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 6.

ментируются отраслевым законодательством, в том числе, условия и порядок пользования землей федеральным законом (ч. 3 ст. 36 Конституции РФ).

Таким образом, следует констатировать, что Конституция РФ закрепила принцип признания и защиты равным образом частной собственности и иных ее форм, легитимировала частную собственность в относительном соответствии с международными стандартами и опытом конституционного развития демократических зарубежных стран, преодолевая наследие тоталитарного прошлого, без установления приоритета частной и каких-либо иных форм собственности. Тем не менее, несмотря на внесенные в 2020 г. поправки в Конституцию 1993 г. наблюдается определенное несовершенство конституционализации института частной собственности. Определенные фундаментальные вопросы остались нерешенными [14, с. 123–124]. В Основном Законе России отсутствуют прямо сформулированные нормы как о неприкосновенности частной собственности, так и ее социальной функции, отнесении объектов к исключительной собственности государства, что не способствует дальнейшему оптимальному и последовательному отраслевому регулированию и развитию отношений в сфере частной собственности в условиях перехода от административно-командной экономике к рыночной. В связи с чем, целесообразно было бы ст. 74 Конституции Российской Федерации дополнить нормами о том, что «Экономической основой общественного развития России являются социальная рыночная экономика, собственность, свободное предпринимательство и труд. Экономический порядок, основанный на ценности экономической свободы, имеет своей целью обеспечить всем гражданам достойное и совместимое с социальной справедливостью существование. Пользование собственностью обязывает и обусловливается общественным благосостоянием», а также определить в Основном Законе объекты, находящиеся в исключительной государственной собственности.

Библиографический список

1. *Бородач М.В.* Конституционный принцип признания и защиты равным образом всех форм собственности как базисная ценность конституционной экономики / под ред. А.А. Ливеровский, Г.А. Гаджиева // Ежегодник Конституционной Экономики. 2019. М.: ЛУМ, 2019. С. 154–182.

2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М: АЗЪ, 1995. 928 с.

3. *Аристотель.* Политика / под общ. ред. А.И. Доватура. М.: Юрайт, 2022. 297 с.

4. Конституционная экономика / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Юстицинформ. 2010. 256 с.

5. *Суханов. Е.* Понятие права собственности в российском законодательстве и в модельном Гражданском кодексе для стран СНГ // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2000. № 4. 2001. № 1. С. 85–88.

6. *Скловский К.И.* Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 2000. 512 с.

7. *Горюнова Т.А.* Конституционные основы равной защиты форм собственности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 175 с.

8. *Гаджиев Г.* Защита права собственности в конституционном праве Российской Федерации // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2000. № 4 (33)/ 2001. № 1 (34). С. 89–93.

9. *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. М.: Изд. т-ва И.Д. Сытина, 1908. 1000 с.

10. *Андреева Г.Н.* Институт собственности в конституциях зарубежных стран и Конституции Российской Федерации. М.: Норма, 2009. 368 с.

11. *Мазаев В.Д.* Конституционная модель российской экономической системы: образ и реальное наполнение // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 52–59.

12. *Саурин А.А.* Право частной собственности: конституционные характеристики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 290–296.

13. *Кирпичев А.Е.* Реализация конституционного принципа признания и равной защиты форм собственности в правовом регулировании предпринимательской деятельности и судебной практике // Российский судья. 2013. № 11. С. 7–9.

14. *Тупиков Н.В.* Конституционный режим собственности в современной России: доктринальное измерение // Конституционная реформа — 2020 и перспективы конституционного развития России: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции в рамках Саратовского Международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, 9 июня 2021 г.). Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. С. 122–125.

References

1. *Borodach M.V.* The Constitutional Principle of Recognition and Protection Equally of All Forms of Ownership as the Basic Value of the Constitutional Economy / Managing editor and compiler A.A. Liverovsky, scientific editor G.A. Gadzhiev, project leader and compiler P.D. Barenboim. // Yearbook of Constitutional Economics. 2019. M.: LUM, 2019. P. 154–182.

2. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. 2nd ed., Rev. and additional. M.: AZ, 1995. 928 p.

3. *Aristotle.* Politics; translator S.A. Zhebelev; under total ed. A.I. Dovatura. M.: Yurait Publishing House, 2022. 297 p.

4. Constitutional Economics / Managing editor G.A. Gadzhiev. M.: Yustitsinform. 2010. 256 p.

5. *Sukhanov E.* The Concept of Property Rights in Russian Legislation and in the Model Civil Code for the CIS Countries // Constitutional Law: East European Review. 2000. No. 4. 2001. No. 1. P. 85–88.

6. *Sklovsky K.I.* Property in Civil Law: textbook. 2nd ed. M.: Delo, 2000. 512 p.

7. *Goryunova T.A.* Constitutional Bases of Equal Protection of Forms of Ownership in the Russian Federation: dis. ... cand. of law. Saratov, 2006. 175 p.

8. *Gadzhiev G.* Protection of Property Rights in the Constitutional Law of the Russian Federation // Constitutional Law: East European Review. 2000. No. 4 (33) / 2001. No. 1 (34). P. 89–93.

9. *Dyugi L.* Constitutional Law. General Theory of the State: translation from French / Dyugi L.; transl.: V. Krasnokutsky, B. Syromyatnikov, A. Yashchenko. M.: Ed. T-va I.D. Sytin, 1908. 1000 p.

10. *Andreeva G.N.* The Institution of Property in the Constitutions of Foreign Countries and the Constitution of the Russian Federation. M.: Norma, 2009. 368 p.

11. *Mazaev V.D.* Constitutional Model of the Russian Economic System: Image and Real Content // Journal of Russian law. 2008. No. 12. P. 52–59.

12. *Saurin A.A.* Private Property Right: Constitutional Characteristics//Theory and Practice of Social Development. 2013. No. 4. P. 290–296.

13. *Kirpichev A.E.* Implementation of the Constitutional Principle of Recognition and Equal Protection of Forms of Ownership in the Legal Regulation of Entrepreneurial Activity and Judicial Practice // Russian judge. 2013. No. 11. P. 7–9.

14. *Tupikov N.V.* The Constitutional Regime of Property in Modern Russia: a Doctrinal Dimension // Constitutional reform - 2020 and Prospects for the Constitutional Development of Russia: a collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference as part of the Saratov International Legal Forum dedicated to the 90th anniversary of the Saratov State Law Academy (June 9, 2021 Saratov). Saratov: Sarat Publishing House. State Law Academy, 2021. P. 122–125.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-64-69
УДК 342

К.А. Тихонов

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: *относительно новый правовой институт государственно-частного партнерства зарекомендовал себя с позитивной стороны и предполагает большие перспективы для развития Российского государства. В то же время существуют определенные проблемы, которые являются тормозящими факторами развития государственно-частного партнерства.* ***Цель:*** *исследовать указанный правовой институт, выявить его преимущества и недостатки.* ***Методологическая основа:*** *диалектический анализ процесса и результата правотворчества, исторический и сравнительный методы.* ***Результаты:*** *рассмотрены преимущества и недостатки института государственно-частного партнерства, намечены пути улучшения функционирования указанного правового института.* ***Выводы:*** *преимущества и недостатки института государственно-частного партнерства и предложенные пути по его улучшению рассмотрены. Реализация предложенных изменений позволит обеспечить эффективность развития страны, в частности г. Саратова.*

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство (ГЧП), концессия, концессионное соглашение, экономика, инфраструктура.*

K.A. Tikhonov

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

Background: *the relatively new legal institute of public-private partnership has proved itself positively and suggests great prospects for the development of the Russian state. At the same time, there are certain problems that are hindering factors in the development of public-private partnership.* ***Objective:*** *to investigate the specified legal institution, to identify its advantages and disadvantages.* ***Methodology:*** *dialectical analysis of the process and result of law-making, historical and comparative methods.* ***Results:*** *the advantages and disadvantages of the institute of public-private partnership are considered,*

© Тихонов Константин Алексеевич, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Shtirlec2201@yandex.ru
© Tikhonov Konstantin Alekseevich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

ways to improve the functioning of this legal institution are presented. ***Conclusions:*** *advantages and disadvantages of the institution of public-private partnership and the proposed ways to improve it are considered. The implementation of the proposed changes will ensure the effectiveness of the development of the country, in particular Saratovю*

Key-words: *public-private partnership (PPP), concession, concession agreement, economy, infrastructure.*

Честное взаимодействие и сотрудничество между государством и бизнесом всегда было выгодно для обеих сторон. В последние годы указанный вид взаимопомощи получил название «государственно-частное партнерство» (далее — ГЧП).

Несмотря на то, что данный институт зародился относительно недавно в РФ, он имеет глубокие исторические корни. Обратимся к истории. Еще в первой половине XIX века император Николай I задумал построить железную дорогу, протяженностью от Петербурга до Царского Села. Однако в государственной казне на тот момент отсутствовала необходимая сумма на строительство железной дороги. И тогда государство привлекло инвестора, оказавшего необходимую финансовую помощь и вложившего значимую долю в субсидирование данного проекта. Уже в июле 1837 г. была открыта данная железнодорожная ветка. Государство, в свою очередь, решило на официальных условиях отблагодарить инвестора, выделив ему на безвозмездной основе земельный участок и наделив определенными гарантиями. Тем самым выиграло и государство, принявшее стратегически важный для страны проект, и инвестор, получивший за свои вложения известную выгоду для себя[1].

Итак, в чем же заключается содержание рассматриваемого понятия?

Согласно Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации[2]» (далее — Закон № 224-ФЗ) данный институт представляет собой юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны. Указанное взаимодействие осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве или соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества[3].

В подтверждение значимости и актуальности указанных выше соглашений обозначим объекты ГЧП, к которым относятся:

1) автомобильные дороги;

2) общественный транспорт;

3) объекты железнодорожного транспорта;

---

[1] См.: Официальный сайт «Банки сегодня». URL: https://bankstoday.net/last-articles/prostymi-slovami-o-gosudarstvenno-chastnom-partnerstve-gchp-chto-takoe-plyusy-i-minusy-istoriya-i-primery-partnyorstva (дата обращения: 15.03.2022).

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. I, ст. 4350; 2022. № 24, ст. 3914.

[3] См. ст. 3 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015 г. № 29, ч. I, ст. 4350.

4) объекты трубопроводного транспорта;
5) морские и речные порты;
6) морские и речные суда;
7) аэродромы и аэропорты;
8) объекты по производству, передаче и распределению электрической энергии;
9) гидротехнические сооружения;
10) искусственные острова;
11) подземные переходы;
12) объекты здравоохранения, образования, культуры и спорта;
13) объекты благоустройства территорий, в том числе и их освещение;
14) объекты производства сельскохозяйственной продукции;
15) объекты охотничьей инфраструктуры;
16) недвижимость и многое другое[1].

Помимо вышеназванного Закона, к основным нормативным актам ГЧП относится также и Федеральный закон от 21 июля 2005 г. №115-ФЗ «О концессионных соглашениях[2]» (далее — Закон № 115).

Необходимо отметить, что концессия, или концессионное соглашение, является одной из важнейших форм ГЧП и представляет собой вовлечение частного сектора в эффективное управление государственной собственностью или в оказание услуг, предоставляемых государством, как правило, на взаимовыгодных условиях.

В качестве примеров можно привести крупнейшие концессионные соглашения, заключенные в последние годы:

во-первых, постройка железнодорожной линии Элегест — Кызыл — Курагино на сумму 192,4 млрд руб.;

во-вторых, строительство автодорожного обхода Тольятти с мостом через Волгу за 120,8 млрд руб.;

в-третьих, железнодорожный проект по созданию линии Обская — Салехард — Надым Северного широтного хода стоимостью 113 млрд руб.[3]

Если выгода государства в заключение соглашений предельно ясна и очевидна, то какие же преимущества может извлечь для себя инвестор? Основными выгодами для частной стороны могут быть:

А) определенные налоговые льготы и квоты;

Б) в случае восстановления производства отчисление согласованного процента от прибыли;

В) получение бесплатно в собственность земельного участка.

В качестве примера последней выгоды следует привести продление в 2021 г. набережной и пешеходной зоны с созданием пляжа в г. Саратове. Одной из проблем осуществления данного проекта являлись несколько гаражных кооперативов, протянувшиеся вдоль береговой линии. Данные постройки мешали не только благоустройству города, но и портили внешний вид и облик указанной территории, не говоря уже о том, что находились в пределах рекреационной зоны.

[1] См.: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015 г. № 29, ч. I, ст. 4350.

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. II, ст. 3126; 2022. № 24, ст. 3914.

[3] См.: Официальный сайт «INVESTRB.RU». URL: https://investrb.ru/ru/bashkortostan/potential/gchp/ (дата обращения: 10.03.2022).

Администрацией Октябрьского района было принято решение — выкупить гаражные постройки, однако она не располагала достаточной для выкупа суммой. И для этого был найден частный инвестор, с которым государством в лице указанной администрации был заключен договор, согласно которому первой стороной был осуществлен выкуп гаражей и передача их второй стороне в собственность с последующим сносом и благоустройством освободившейся территории. А инвестору за выкуп и передачу на официальных условиях предоставляли в собственность на безвозмездной основе земельный участок в пределах центра города под постройку многоэтажного жилого дома.

Данный пример свидетельствует о разумном подходе ГЧП, результатом которого стало благоустройство значительной части Саратова с последующим продлением набережной, не затратив при этом части бюджетных средств, а сэкономив деньги на другие нужды города.

Можно выделить следующие преимущества ГЧП:

Во-первых, постоянное обновление старых и создание новых объектов положительно влияет на развитие инфраструктуры в жизнедеятельности города, а в итоге служит залогом успешного развития и совершенствования Российского государства. Аналогичной точки зрения в своих научных трудах придерживается и И.Н. Дехтярь [1, с. 7];

Во-вторых, ежедневное обращение к транспортным, медицинским, образовательным и многим другим услугам можно рассматривать как результат сотрудничества государства и частного инвестора, наглядность и доступность которого каждый человек ощущает повседневно;

В-третьих, экономически выгодна и целесообразна возможность государства пользоваться компетенцией и опытом частной стороны;

В-четвертых, государство получает готовый объект при своих минимальных вложениях или даже при отсутствии бюджетных средств, причем, что немаловажно, именно в собственность и в кратчайшие сроки. Именно благодаря этому, по мнению Е.В. Александрова, многие проекты успешно и реализуются [2, с. 353];

В-пятых, проект ГЧП предполагает применение инвестором современных методов и технологий, что зачастую более эффективно, чем решение этих задач самим государством;

В-шестых, отсутствует необходимость в проведении отдельных тендерных процедур для каждого этапа проекта — проектирование, строительство, эксплуатация. Отбор частного партнера или концессионера производится один раз на весь срок проекта[1].

Однако, несмотря на очевидные плюсы, в современных условиях ГЧП присущи и недостатки, пути решения для которых также следует предложить:

Основным минусом ГЧП, по нашему мнению, является заинтересованность инвестора именно в приватизации того или иного государственного или муниципального объекта, а не участие в совместном сотрудничестве. Во избежание этого предлагаем закрепить на законодательном уровне больше преимуществ и льгот при заключении именно ГЧП, а не простой приватизацией, а именно в Законе № 224-ФЗ внести статью «Повышенные льготы для участников ГЧП».

[1] См.: Официальный сайт «Банки сегодня». URL: https://bankstoday.net/last-articles/prostymi-slovami-o-gosudarstvenno-chastnom-partnerstve-gchp-chto-takoe-plyusy-i-minusy-istoriya-i-primery-partnyorstva (дата обращения: 16.03.2022).

В качестве негативных последствий обычной продажи государственных культурных учреждений приведем приватизацию центральных кинотеатров г. Саратова «Пионер» и «Победа» в начале 2000-х гг. Оказавшись в частных руках, они первое время действительно успешно функционировали. Однако в связи с появлением на рынке социально-культурных услуг таких конкурентов, как «Победа-Плаза» и «Синема-Парк», а также с ограничениями во время пандемии эти объекты прекратили осуществлять кинопоказы. На данный момент в к\т «Победа» проходят многочисленные распродажи одежды и обуви, а также выставки, а в здании к\т «Пионер» открыли сеть продуктовых магазинов, что считается и недопустимым для указанных культурных учреждений.

Поэтому если бы данные объекты в свое время не были приватизированы, а было бы заключено именно концессионное соглашение, то они остались бы в собственности государства. И в условиях сегодняшнего дня государство смогло бы оказать бóльшую поддержку, нежели частному объекту.

Вторым минусом ГЧП является отсутствие четко прописанных конкурсных процедур при отборе частного партнера для реализации проекта ГЧП. Следует законодательно закрепить процедурный процесс в нормах российского права. В частности, в гл. 5 Закона № 224-ФЗ следует сделать подробную регламентацию.

Третий недостаток ГЧП заключается в длительности сроков согласования. Известный факт, что зачастую некоторые инфраструктурные проекты находятся на согласовании государственных органов годами. Из-за длительности сроков согласования в ходе подготовки проекты могут изменить свою юридическую конструкцию (например, с проекта ГЧП на госзаказ). В связи с этим предлагается упростить данную процедуру и внести соответствующие поправки в Закон № 122-ФЗ, внеся статью «Сроки согласования проектов ГЧП».

Четвертым немаловажным минусом ГЧП является отсутствие медийной популяризации. Неосвещаемость в СМИ проектов ГЧП (открытие набережных и парков, мостов и межрегиональных трасс, реставрация памятников архитектуры и т.д.) не повышает интерес потенциальных инвесторов к данному правовому институту. Поэтому предлагается рекомендовать на законодательном уровне СМИ при упоминании об открытии того или иного проекта подробно обращать внимание и делать акцент, что это было сделано с помощью концессионных соглашений.

Как негативный недостаток можно выделить и исторический аспект, а именно несвоевременное (запоздалое) закрепление ГЧП на законодательном уровне. Вновь обращаясь к истории, необходимо вспомнить, что на рубеже конца 80 – начала 90-х гг. прошлого века были скуплены и оказались в частных руках многочисленные производства, заводы и фабрики. И если бы ГЧП было юридически сформулировано раньше, то полагаем, что многие предприятия и учреждения не обанкротились и не разорились, как, например, Саратовский авиационный завод, «Тантал» и др.

Предложенные решения указанных проблем на административно-правовом регулировании позволят более прочно и устойчиво укрепить такой правовой институт как ГЧП.

Подводя итог, необходимо указать, что ГЧП представляется достаточно «молодыми» институтами, но за время своего существования они помогли инфраструктурному рынку сильно вырасти.

Как отмечает один из видных ученых саратовской школы административного права профессор А.Ю. Соколов, это может быть обусловлено тем, что механизм взаимодействия подобных государственных структур с государственными органами в любой сфере общественной жизни далек от совершенства. [5, с. 43] Данной позиции в своих научных трудах придерживаются А.В. Колесников [4, с. 360] и О.Г. Дураев [5, с. 47].

Поэтому правильное использование ГЧП содействует возрождению многих производств. В частности, в г. Саратове можно восстановить Саратовский авиационный завод, производственное объединение «Тантал», различные культурные учреждения, что будет способствовать развитию экономики, рабочих мест, а, следовательно, и процветанию города Саратова.

Библиографический список

1. *Дехтярь И.Н.* Производство по делам о нарушениях антимонопольного законодательства / под ред. А.Ю. Соколова. Саратов: ИП Коваль Ю.В., 2018. С. 7.

2. *Александров Е.В.* Современное состояние ГЧП в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 352–355.

3. Правовая политика и ее эффективность в сфере отдельных видов судебных производств / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Норма, 2021. С. 43.

4. *Колесников А.В.* Муниципальное право Российской Федерации: учебник. Саратов: изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовской государственной юридической академии», 2015. С. 360.

5. *Дураев О.Г.* Проблемы ГЧП в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 2. С. 47–50.

References

1. *Dekhtyar I.N.* Proceedings in Cases of Violations of Antimonopoly legislation / ed. by A.Yu. Sokolov. Saratov: IP Koval Yu.V., 2018. P. 7.

2. *Aleksandrov E.V.* Modern State of PPP in the Russian Federation // Young Scientist. 2020. No. 23 (313). P. 352–355.

3. Legal policy and Its Effectiveness in the Sphere of Certain Types of Court Proceedings / ed. by A. Sokolov. Moscow: Norma, 2021. P. 43.

4. *Kolesnikov A.V.* Municipal Law of the Russian Federation: textbook. Saratov: edition of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Saratov State Law Academy”, 2015. P. 360.

5. *Duraev O.G.* Problems of PPP in Russia // Economics and Business: Theory and Practice. 2018. No. 2. P. 47–50.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-70-78
УДК 342.92

Н.А. Синельникова

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСКВАЛИФИКАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: *построение российского государства как социального — невозможно без надлежащей защиты трудовых прав граждан. В качестве одного из способов выступает привлечение лиц, виновных в нарушении норм трудового законодательства, к административной ответственности. Перечень видов административных наказаний содержит дисквалификацию, которая может выступать эффективным способом превенции административных правонарушений. Эффективность применения данного вида административного наказания подтверждается тем, что его правовые последствия состоят в исключении субъекта из определенной сферы общественных отношений и лишении его фактической возможности совершить аналогичное административное правонарушение на период действия дисквалификации. Вместе с тем применение дисквалификации сталкивается с отдельными проблемами законодательства, которые нуждаются в своем разрешении. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения надлежащих гарантий защиты прав граждан сфере труда. Низкая эффективность применения административных наказаний за правонарушения в данной сфере является фактором, вызывающим риск их дальнейшего совершения.* ***Целью*** *статьи является выработка практических предложений по совершенствованию применения дисквалификации как вида административного наказания.* ***Методологическая основа:*** *постановка цели статьи подразумевает необходимость использования комплекса общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция) и специальных (формально-юридический, анализ судебной практики) методов познания.* ***Результаты:*** *разработаны конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования применения дисквалификации за нарушения трудового законодательства.* ***Выводы:*** *о необходимости правового закрепления дисквалификации в качестве безальтернативного административного наказания для случаев совершения аналогичного административного правонарушения в сфере трудовых отношений; введения новой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении — временного отстранения от должности; установления правила, согласно которому возможно назначить рассматриваемый вид административного наказания тому субъекту, который на момент вынесения постановления по делу об административном правонарушении утратил статус должностного лица.*

Ключевые слова: *административная ответственность, административные наказания, дисквалификация, аналогичное административное правонарушение, административный штраф, трудовое законодательство, работодатель, работник.*

© Синельникова Наталья Александровна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: n_sinelnikova@list.ru

© Sinelnikova Natalia Alexandrovna, 2022

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)

N.A. Sinelnikova

PROBLEMATIC ISSUES OF APPLICATION OF DISQUALIFICATION FOR VIOLATION OF LABOR LAWS

Background: *the solution to the issue of building the Russian state as a social state is impossible without proper protection of the labor rights of citizens. One of such methods is the bringing of persons guilty of violating the norms of labor legislation to administrative responsibility. The list of types of administrative penalties contains disqualification, which can be an effective way to prevent administrative offenses. The effectiveness of this type of administrative punishment is confirmed by the fact that its legal consequences consist in the exclusion of the subject from a certain sphere of public relations and depriving him of the actual opportunity to commit a similar administrative offense for the period of disqualification. At the same time, the application of disqualification faces certain legal problems that need to be resolved. The relevance of the topic is due to the need to ensure proper guarantees for the protection of the rights of citizens in the labor sphere. The low effectiveness of the application of administrative penalties for offenses in this area is a factor that causes the risk of their further commission.* ***Objective:*** *of the article is to develop practical proposals for improving the application of disqualification as a type of administrative punishment.* ***Methodology:*** *setting the goal of the article implies the need to use a complex of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and special (formal legal, analysis of judicial practice) methods of cognition.* ***Results:*** *specific proposals have developed to improve the legal regulation of the application of disqualification for violations of labor laws.* ***Conclusions:*** *on the need for legal consolidation of disqualification as a non-alternative administrative punishment for cases of committing a similar administrative offense in the field of labor relations; introduction of a new measure to ensure proceedings in a case of an administrative offense — temporary removal from office; establishment of a rule according to which it is possible to impose an administrative penalty in the form of disqualification to a person who, at the time of issuing a decision in a case on an administrative offense, has lost the status of an official.*

Key-words: *administrative responsibility, administrative penalties, disqualification, similar administrative offense, administrative fine, labor legislation, employer, employee.*

Установленная законодательством Российской Федерации система правовых гарантий прав граждан в сфере трудовых отношений подразумевает наличие множественности возможных способов их защиты от противоправных посягательств. В качестве одного из таких способов может рассматриваться привлечение виновных лиц к административной ответственности. Административная ответственность как способ защиты трудовых прав граждан заключается в применении принудительных мер — административных наказаний, общая цель которых состоит в удержании лиц от противоправного поведения посредством применения обусловленных совершенным деянием ограничений их прав.

Действующие нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) закрепляют виды административных наказаний, одним из которых является дисквалификация[1].

[1] См. п. 1 ст. 3.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

На сегодняшний день дисквалификация применяется к лицам, замещающим должности, перечень которых установлен в КоАП РФ[1].

В настоящее время наказание в виде дисквалификации предусмотрено в санкциях отдельных статей КоАП РФ[2]. В числе таких статей следует отметить наличие тех, которые закрепляют меры ответственности, подлежащие применению за нарушение норм трудового права.

Назначение дисквалификации, как правило, связано с повторным совершением деяния субъектом, который ранее понес наказание за аналогичное правонарушение, что подчеркивает исключительный характер данной меры.

Дисквалификация по своей правовой сущности является одним из наиболее строгих видов административных наказаний, несмотря на отсутствие формально закрепленного деления наказаний по степени их строгости. Подтверждением данного суждения является то, что применение рассматриваемого вида административного наказания влечет временное ограничение конституционно установленного права гражданина на труд, права свободно выбирать профессию и род занятий. Вследствие этого необходимо сделать важное уточнение: дисквалификация как вид административного наказания должна применяться лишь за наиболее существенные нарушения норм права. При таких обстоятельствах применение иных административных наказаний, помимо дисквалификации, не может рассматриваться как способ предупредить дальнейшее совершение противоправных деяний.

Таким образом, можно сделать вывод, что дисквалификация обеспечивает применение меры административной ответственности, соизмеримой с совершенным правонарушением и личностью правонарушителя.

За последние годы все чаще подвергаются ответственности за нарушение норм трудового законодательства и охраны труда работодатели и представители нанимателя. В условиях экономической нестабильности, когда работодатели стремятся оптимизировать затраты, расходы на оплату труда работников нередко становятся одним из первых объектов такой оптимизации. Однако независимо от причин совершения нарушений трудового законодательства, соблюдение законодательно закрепленного права граждан на справедливую и своевременную оплату труда, а также соблюдение иных трудовых прав граждан, является конституционно значимым приоритетом. В связи с этим требуется повышение эффективности деятельности по предупреждению и пресечению нарушений трудового законодательства. Одним из аспектов повышения эффективности такой деятельности является применение действенных административных наказаний, соответствующих характеру совершенного деяния.

На сайте «Судебная статистика РФ» опубликованы показатели по отдельным административным правонарушениям, в том числе и по ст. 5.27, ст. 5.27.1 КоАП РФ. Согласно данным, за 2020 год по ст. 5.27 КоАП РФ рассмотрено дел — 3468; подвергнуто наказанию — 2663; доля наказанных — 76,0; наказание штрафом —

[1] См. ч. 3 ст. 3.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

[2] См., например: ст. 5.27, 5.27.1, 5.53, 5.57, 5.63, 6.29, 7.19, 9.1, 9.6, 14.1.3, 14.48, 14.54, 14.6, 15.11, 15.37, 17.2.2, 17.7, 19.4.1, 19.5, 20.8, 20.10, 20.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

2301; дисквалификация — 95; по ст. 5.27.1 КоАП РФ рассмотрено дел — 224; подвергнуто наказанию — 133; доля наказанных — 59,0; наказание штрафом — 85.

За 2021 год по ст. 5.27 КоАП РФ рассмотрено дел — 2708; подвергнуто наказанию — 2039; доля наказанных — 75,0; наказание штрафом — 1699; дисквалификация — 59; по ст. 5.27.1 КоАП РФ рассмотрено дел — 208; подвергнуто наказанию — 146; доля наказанных — 70,0; наказание штрафом — 89[1].

Данные показатели свидетельствуют об отсутствии широкой практики применения дисквалификации. Однако наличие существующих нарушений права работников на своевременную выплату заработной платы вызывает необходимость исследования вопроса о причинах неприменения данного вида административного наказания и решения проблемы повышения эффективности административной ответственности.

Согласно ст. 37 Конституции РФ и ст. 21 Трудового кодекса РФ[2] (далее —ТК РФ), каждый работник обладает нормативно закрепленным правом на соответствующее вознаграждение за свой труд. То есть, он имеет право на реализацию своего права на своевременную выплату заработной платы, а также ее выплату в полном объеме, без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. На работодателей, в соответствии со ст. 22 ТК РФ, возложена обязанность по выплате работнику причитающуюся ему заработной платы. В ТК РФ установлены сроки выплаты заработной платы[3], а нарушение данных сроков влечет за собой привлечение виновного субъекта к административной ответственности по норме ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ.

В случае установления факта совершения деяния, состав которого установлен в ч. 6 данной статьи лицом, которое ранее было подвергнуто административному наказанию за совершение аналогичного правонарушения, его ответственность наступает в соответствии с нормой ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ[4].

Санкция вышеуказанной статьи предусматривает возможность выбора меры административного наказания из двух альтернативных: административного штрафа или дисквалификации. Выбор осуществляется на усмотрение юрисдикционного субъекта в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств рассматриваемого и разрешаемого дела.

В соответствии с положениями п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права», следует сделать вывод, что аналогичным правонарушением признается административное правонарушение, которое совершено лицом в срок, в течение которого данное лицо считается подвергнутым административному наказанию за совершение противоправного

[1] См.: Судебная статистика РФ/ URL: http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 08.06.2022).

[2] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч.1, ст. 3; 2022. № 9, ч. 1, ст. 1259.

[3] См.: Там же.

[4] См. ч. 7. ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

деяния — нарушения законодательства о труде и об охране труда, охватываемого тем же составом, что и ранее совершенное правонарушение[1].

В свою очередь, аналогичным административным правонарушением признается невыполнение, а равно — ненадлежащее выполнение субъектом одной и той же обязанности, которая установлена нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права[2].

При этом не имеет значения, где совершены данные деяния. Следовательно, изменение субъектом места своей работы, должности, не является препятствием для применения к нему административного наказания в виде дисквалификации.

Несмотря на то, что санкция ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ закрепляет возможность назначения дисквалификации, анализ постановлений судов свидетельствует о том, что чаще всего в качестве административного наказания назначается административный штраф[3].

Вместе с тем, рассматриваемый вид деяния, безусловно, характеризуется повышенной общественной вредностью, что обусловлено существованием состава уголовного преступления, закрепленного ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат»[4]. В этом смысле своевременное применение дисквалификации как административного наказания за неоднократное совершение нарушения трудового законодательства выступает мерой, способной предупредить совершение уголовно наказуемого деяния.

В связи с этим для обеспечения соблюдения требований трудового законодательства, а именно, требования осуществления своевременной выплаты заработной платы, требуется внесение соответствующих изменений в ст. 5.27 КоАП РФ.

Наличие альтернативной санкции статьи за неоднократное совершение аналогичного административного правонарушения выглядит нелогичным, поскольку цель наказания состоит в пресечении уже совершившегося факта неоднократного нарушения трудового законодательства. В настоящее время за повторное совершение аналогичного административного правонарушения субъекту противоправного деяния может быть назначено наказание в виде дисквалификации или штрафа.

Положения ст. 5.27 и 5.27.1 КоАП РФ дают лицу право не применять дисквалификацию, а назначить более мягкое наказание, а именно, административный штраф. При этом лицо, которое совершило аналогичное правонарушение по-

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // БВС РФ. 2022. № 3. Март.

[2] См.: Там же.

[3] См., например: Постановление суда по ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ № 5-379/2017 Нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права URL: https://sud-praktika.ru/precedent/528611.html (дата обращения: 21.05.2022); Постановление суда по ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ № 5-329/2017 Нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. URL https://sud-praktika.ru/precedent/503322.html (дата обращения: 21.05.2022); Постановление суда по ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ № 5-441/2017 Нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. URL:https://sud-praktika.ru/precedent/537798.html (дата обращения: 21.05.2022); Постановление № 44А-2326/2018 4А-2326/2018 от 26 ноября 2018 г. по делу № 44А-2326/2018. URL https://sudact.ru/regular/doc/95cMx047bX5j/ (дата обращения: 21.05.2022).

[4] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 13, ст. 1952.

вторно продолжает осуществлять свою трудовую деятельность. В этом случае штраф не является достаточно эффективной мерой способной удержать лицо от неоднократного совершения противоправных деяний.

Следует также отметить, что сам по себе факт наличия дисквалификации как безальтернативного административного наказания является фактором, способным удержать лиц от совершения противоправных деяний в дальнейшем. В данном смысле достигается предупредительная функция административной ответственности. Кроме того, как ранее указывалось, в случае неоднократного совершения административных правонарушений лишь дисквалификация может рассматриваться как административное наказание, обладающее достаточной эффективностью, по сравнению с иными видами возможных административных наказаний, в связи с ее сущностью, которая состоит в исключении фактической возможности лица осуществлять деятельность, занимать должность, выполнение функций по которой, как было уже подтверждено его деяниями, сопряжено с совершением нарушений норм права.

Таким образом, целесообразно для случаев совершения аналогичного административного правонарушения следует в ч. 7 статьи установить дисквалификацию в качестве безальтернативного административного наказания.

Сходное положение следует также закрепить в санкции ч. 5 ст. 5.27 КоАП РФ. Состав противоправного деяния, закрепленный в данной части статьи, заключается в совершении нарушения государственных нормативных требований охраны труда, которые содержатся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации. Неоднократное совершение аналогичных административных правонарушений в данной сфере необходимо рассматривать как достаточное основание для применения безальтернативной дисквалификации.

Необходимость правового закрепления данного предложения подтверждается также тем, что в настоящее время ни ст. 5.27, ни ст. 5.27.1 КоАП РФ не рассматривает дисквалификацию в качестве безальтернативного административного наказания. Альтернативой применения дисквалификации во всех случаях выступает назначение административного штрафа.

Вместе с тем, рассмотрение санкций данных статей позволяет сделать вывод о явной несоразмерности альтернативных наказаний в виде дисквалификации и административного штрафа. Так, ч. 7 ст. 5.27 КоАП РФ предусматривает возможность выбора альтернативной санкции в виде наложения административного штрафа на должностных лиц в размере от 20 до 30 тыс. руб. или дисквалификации на срок от 1 года до 3 лет[1]. Санкция ч. 5 ст. 5.27.1 КоАП РФ, в свою очередь предусматривает в качестве альтернативы возможность назначения административного штрафа для должностных лиц в размере от 30 до 40 тыс. руб. или дисквалификацию на срок от 1 года до 3 лет[2].

Однако очевидно, что финансовые последствия для правонарушителя в случае назначения дисквалификации являются более суровыми и, следовательно,

[1] См. ч. 7. ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

[2] См. ч. 5. ст. 5.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

наказание является более эффективным. В то же время санкция в виде административного штрафа ограничена тем, что его максимальный размер для должностных лиц, согласно действующему КоАП РФ, не может превышать 50 тыс. руб. В данном смысле невозможно достичь настоящей альтернативы административных наказаний, декларируемой рассмотренными нормами законодательства об административных правонарушениях.

Следующим проблемным вопросом, требующим надлежащего решения, является фактическая возможность совершения противоправных действий в период обжалования постановления о дисквалификации субъектом, в отношении которого данное постановление было вынесено. Однако действующее законодательство не предусматривает процедуры временного отстранения от должности субъекта, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, до вступления в законную силу вынесенного в отношении него постановления юрисдикционного органа. Согласно положениям ст. 32.11 КоАП РФ, исполнение постановления о дисквалификации должно быть осуществлено посредством прекращения договора (контракта)[1], то есть, лицо, к которому применена дисквалификация, должно быть уволено по основанию, предусмотренному п. 8 ч. 1 ст. 83 ТК РФ.

В этой связи целесообразно обратиться к вопросу о расширении перечня мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. В юридической науке подчеркивается, что цель применения отдельной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях имеет множественный характер [1, с. 313]. В рассматриваемом случае требуется как пресечь совершаемое деяние, так и обеспечить своевременность и правильность рассмотрения конкретного дела[2].

Ввиду возможного длительного обжалования постановления о дисквалификации требуется закрепить в гл. 27 КоАП РФ «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» такой меры, как временное отстранение от должности. Введение данной меры повысит уровень гарантий защиты прав работников и оградит их от дальнейших противоправных действий.

Требуется решение проблемы применения дисквалификации к лицу, которое на момент рассмотрения дела об административном правонарушении утратило статус должностного лица, в том числе, в результате увольнения с ранее замещаемой должности, в связи с выполнением функций по которой им и было совершено противоправное деяние. Такая проблема уже поднималась в юридической науке [2, с. 27].

В п. 10 Обзора судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» выражена позиция, в соответствии с которой утрата статуса должностного лица не является препятствием для его

[1] См. ст. 32.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

[2] См. гл. 27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ст. 1; 2022. № 13, ст. 1959.

привлечения к административной ответственности[1]. Данная позиция также поддержана судами[2].

Возможность применения дисквалификации в рассматриваемых случаях представляется необходимой, поскольку суть применения административного наказания в виде дисквалификации состоит в предупреждении совершения противоправных деяний в дальнейшем. Поэтому всегда должно приниматься во внимание наличие статуса должностного лица у субъекта ответственности именно на момент совершения таким лицом противоправного деяния, за которое назначается дисквалификация, а не на момент рассмотрения дела или вынесения соответствующего постановления о назначении административного наказания.

Иное толкование положений КоАП РФ, закрепляющих порядок применения дисквалификации, позволило бы сделать вывод о возможности лица избежать административной ответственности в виде дисквалификации и, следовательно, перейти на аналогичную руководящую должность в другой или в той же организации.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что в целях недопущения уклонения лиц от административного наказания является целесообразным правовое закрепление в ст. 3.11 КоАП РФ примечания, в соответствии с которым возможно назначение административного наказания в виде дисквалификации в отношении лица, которое на момент вынесения постановления утратило статус, предусмотренный ч. 3 данной статьи. Требуется также осуществление прокурорского надзора за исполнением дисквалификации как меры административного наказания.

Следует сделать вывод о том, что цель борьбы с нарушениями трудового законодательства требует внесения законодательных изменений, направленных на расширение практики применения дисквалификации как административного наказания. Это правовое закрепление дисквалификации в качестве безальтернативного административного наказания для случаев совершения аналогичного правонарушения в сфере трудовых отношений; правовое закрепление такой меры обеспечения производства по делу об административном праонарушении, как временное отстранение от должности; обязательное установление в КоАП РФ нормы, согласно которой возможно назначение дисквалификации лицу, которое на момент вынесения постановления по делу об административном правонарушении утратило статус должностного лица.

Библиографический список

1. *Соколов А.Ю.* Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 320 с.

2. *Солдатов А.П., Братановский С.Н.* Особенности и некоторые проблемы административной ответственности в сфере трудовых отношений // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1. С. 23–27.

[1] См.: Обзор судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 6 декабря 2017 г.) // БВС РФ. 2018. № 10. Октябрь.

[2] См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 февраля 2018 г. № Ф04-3338/2017 // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 апреля 2018 г. № Ф07-2577/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. *Sokolov A.Yu.* Measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses. M.: Norma: INFRA-M, 2015. 320 p.

2. *Soldatov A.P., Bratanovsky S.N.* Features and some problems of administrative responsibility in the sphere of labor relations (Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia), 2020. No. 1. P. 23–27.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-79-86
УДК 342.736

С.П. Степкин

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН СЕНАТОРАМИ И ДЕПУТАТАМИ, РАССМОТРЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ И ЗАПРОСОВ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ

Введение: *отсутствие правовой определенности порядка рассмотрения сенаторами и депутатами всех уровней обращений граждан, а также рассмотрения различными органами и организациями их запросов и обращений подтверждают актуальность настоящего исследования.* ***Цель:*** *провести комплексное исследование проблем рассмотрения обращений граждан сенаторами и депутатами всех уровней, рассмотрения обращений и запросов сенаторов и депутатов, выявить проблемы правовой регламентации и сформулировать конкретные предложения по изменению законодательства.* ***Методологическая основа:*** *публикация подготовлена на основе общенаучного диалектического метода. Специальными методами, использованными при подготовке публикации, являются: системно-структурный, формально-юридический, логический и сравнительно-правовой.* ***Результаты:*** *в публикации представлен комплексный анализ нормативного закрепления права сенаторов и депутатов различных уровней направлять запросы и обращения, порядка рассмотрения ими обращений граждан, выявлены конкретные проблемы правовой регламентации и сформулированы предложения по изменению законодательства.* ***Выводы:*** *предлагаемое правовое регулирование повысит эффективность восстановления законных прав и интересов избирателей, сделает порядок рассмотрения обращений граждан сенаторами и депутатами, рассмотрения обращений и запросов сенаторов и депутатов понятным и структурированным.*

Ключевые слова: *депутатский запрос, обращение депутата, запрос сенатора, обращения граждан, рассмотрение обращений граждан, депутатское обращение, обращение депутата.*

S.P. Stepkin

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CITIZENS' APPEALS CONSIDERATION BY SENATORS AND DEPUTIES, CONSIDERATION OF APPEALS AND REQUESTS OF PARLIAMENTARIANS

Background: *the lack of legal certainty of the procedure for consideration by senators and deputies of all levels of citizens' appeals, as well as consideration by various bodies and organizations of their requests and appeals confirm the relevance of this study.* ***Objective:*** *to conduct a comprehensive study of the problems of consideration of citizens' appeals by senators and deputies of all levels, consideration of appeals and*

© Степкин Станислав Павлович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент Юридического факультета (Российский государственный социальный университет); e-mail: stepkin.sciences@mail.ru
© Stepkin Stanislav Pavlovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Faculty of Law (Russian State Social University)

requests of senators and deputies, identify problems of legal regulation and formulate specific proposals for changing legislation. ***Methodology:*** *the publication was prepared on the basis of the general scientific dialectical method. The special methods used in the preparation of the publication are: system-structural, formal-legal, logical and comparative-legal.* ***Results:*** *the publication presents a comprehensive analysis of the regulatory consolidation of the right of senators and deputies of various levels to send requests and appeals, the procedure for their consideration of citizens' appeals, identified specific problems of legal regulation and formulated proposals for changing legislation.* ***Conclusions:*** *the proposed legal regulation will increase the efficiency of restoring the legitimate rights and interests of voters, make the procedure for considering citizens' appeals by senators and deputies, consideration of appeals and requests by senators and deputies understandable and structured.*

Key-words: *deputy's request, deputy's request, senator's request, citizens' appeals, consideration of citizens' appeals, deputy's appeal, deputy's appeal.*

Вопрос о применимости Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[1] (далее — ФЗ № 59-ФЗ) к запросам сенаторов РФ, депутатов Государственной Думы ФС РФ (депутатским запросам) и депутатов законодательных (представительных) органов субъектов РФ, представительных органов муниципального образования (далее — местные депутаты) вызывает множество споров в научном сообществе, у законодателей, должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления. Анализируя судебную практику, конституционно-правовое положение сенаторов РФ, депутатов Государственной Думы (далее — депутат ГД) и местных депутатов, а также нормы ФЗ № 59-ФЗ, Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»[2] (далее — ФЗ № 3-ФЗ) и законов субъектов РФ о статусе местных депутатов, автор приходит к выводу, что сенатор РФ, депутат ГД и местные депутаты субъектами ФЗ № 59-ФЗ не являются. Прежде всего, по причине того, что они обладают особым конституционно-правовым статусом[3], а в отношении депутатов еще и потому, что они осуществляют взаимодействие со своими избирателями. В этой связи сенатор РФ и депутат ГД полномочиями по переадресации обращений граждан по компетенции в порядке ч. 3, 3.1 и 4 ст. 8 ФЗ № 59-ФЗ не наделены, а вот в отношении местных депутатов ситуация различается в зависимости от правового регулирования в субъекте РФ. Возникает справедливый вопрос: как действовать должностному лицу, получившему запрос, не относящийся к его компетенции?! Разрешение этой ситуации представлено в одном из решений кассационной инстанции: суд подчеркнул, что в случае получения органом запроса, не относящегося к его компетенции, должностное

[1] См.: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Российская газета. 2006. 5 мая; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53, ч. I, ст. 8454.

[2] См.: Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Российская газета. 1999. 8 июля; 2022. 22 июля.

[3] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта „в" части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона „О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 1, ст. 78.

лицо должно либо проинформировать парламентария о неподведомственности поставленных в запросе вопросов, либо перенаправить запрос в компетентный орган (организацию) с обязательным уведомлением об этом инициатора запроса, иное ведет к возможному привлечению должностного лица к административной ответственности[1] по ст. 17.1 КоАП РФ[2].

Собственно, именно невключение в круг субъектов ФЗ № 3-ФЗ указанных лиц, а также отсутствие порядка рассмотрения обращений граждан в ФЗ № 3-ФЗ образуют пробелы в регулировании порядка рассмотрения обращений граждан сенаторами РФ и депутатами ГД, а также запросов и обращений последних в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам.

Следует особенно отметить, что в соответствии с нормами ст. 8 ФЗ № 3-ФЗ депутат ГД обязан поддерживать связь со своими избирателями, и соответственно не обязан рассматривать обращения не избирателей. Однако в большинстве случаев на практике обращения не избирателей также рассматриваются депутатами ГД. Многие из депутатов ведут конкретные проблемные вопросы, например, «обманутых» дольщиков, защиты прав вкладчиков, защиты животных от жестокого обращения и т.д., в связи с чем, к ним обращаются граждане с различных территорий РФ, в том числе не являющиеся их избирателями.

Запросы являются индивидуальным правом каждого члена парламента РФ, относятся к форме парламентского контроля[3] и могут быть направлены субъектам, указанным в ч. 1 ст. 14 ФЗ № 3-ФЗ. Право на депутатский запрос принадлежит также местным депутатам, однако, порядок, особенности и форму его реализации, как и круг лиц — получателей запроса субъекты устанавливают самостоятельно.

Однако вопросы, поступающие в обращениях граждан, сенаторам РФ и депутатам ГД оперативнее решаются при обращении напрямую к компетентным органам и должностным лицам на местах, в том числе государственным и муниципальным учреждениям, иным организациям, осуществляющим публично значимые функции и их должностным лицам.

Г.В. Трубилов верно отмечает необходимость правового закрепления права сенаторов РФ и депутатов ГД обращаться с запросом сразу к прокурорам субъектов РФ или даже нижестоящим прокурорам, так как это будет способствовать более оперативному разрешению вопроса [1, с. 43–48].

На выполнение представительными органами задачи государственного контроля и запроса отчетности, в том числе посредством направления запросов, указывает в своем труде С.А. Авакьян [2, с. 280]. Ж.И. Овсепян называет депутатский запрос «контрольным полномочием отдельного депутата» [3, с. 84]. При этом необходимо иметь ввиду, что запрос должен иметь вопросы в соответствии с имеющейся у органов компетенцией, должностные лица не обязаны давать депутату объяснения[4], а запросу подлежат официальная информация, материалы и документы, имеющиеся у получателя запроса.

---

[1] См.: Постановление Московского городского суда от 8 октября 2018 г. № 4а-4755/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Российская газета. 2001. 31 дек.

[3] См.: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (в ред. от 14 марта 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 08.05.2013); Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 12, ст. 1785.

[4] См.: Решение Московского городского суда от 16 апреля 2014 г. по делу № 7-2038/14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В соответствии с ч. 3 ст. 14 ФЗ № 3-ФЗ должностное лицо, которому направлен запрос сенатора РФ либо депутата ГД, должно дать ответ на него в письменной форме не позднее чем через 30 дней со дня его получения или в иной, согласованный с инициатором запроса срок. В любом случае согласование требует согласие обоих сторон (инициатора и получателя запроса), а каким образом инициатор и получатель запроса согласовывают иной срок законом не урегулировано, что делает данную норму неэффективной. При этом, несмотря на то, что несоблюдение сроков предоставления сенаторам РФ и депутатам ГД информации (документов, материалов, ответов на обращения) является не частым нарушением, предусмотренная за данное нарушение административная ответственность, установленная для должностного лица ч. 2 ст. 17.1 КоАП РФ, в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей является, на взгляд автора, незначительной. Неадекватной характеру административного правонарушения А.С. Куликов и К.В. Чиркин в своем исследовании называют аналогичную ответственность, предусмотренную ч. 2 ст. 14.1 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях [4, с. 20–28]. Получается, что проигнорировать запрос сенатора РФ и депутатов всех уровней должностному лицу обойдется в 5–10 раз дешевле игнорирования обращения гражданина (ст. 5.59 КоАП РФ), что совершенно не отвечает статусу подписавшего запрос лица и ценности данного документа в процессе реализации прав и свобод граждан, а в этой связи и общественной опасности совершаемого правонарушения.

Также данная норма ФЗ № 3-ФЗ обязывает дать ответ негражданину в случае направления его обращения в компетентный орган, а именно, сенатору РФ и депутату ГД, а они уже сами принимают решение о том: как и о чем информировать гражданина (избирателя). На практике большинство органов или должностных лиц, получивших такой запрос с обращением гражданина, выполняют просьбу сенатора или депутата и сами отвечают гражданину (фактически применяя нормы ФЗ № 59-ФЗ), однако, ряд органов использует буквальную трактовку закона и отвечает только сенатору РФ и депутату ГД, часто с формулировкой «ответ заявителю оставляем на Ваше усмотрение». Автор полагает, что данное законоположение требует корректировки, в части включения в него норм, регулирующих порядок рассмотрения обращений граждан, направленных (препровожденных) сенатором РФ либо депутатом ГД, по компетенции государственным органам, органам местного самоуправления или должностным лицам.

Для граждан обращение к сенатору РФ, депутату ГД и местным депутатам является важным инструментом и способом защиты своих прав и свобод, обращаясь именно к своим представителям во власти они надеются на решение возникшей проблемы, которую, как правило, не удается решить на местном уровне. Указанные лица благодаря обращениям граждан получают обратную связь о реальном положении дел в конкретном секторе экономики, регионе и местности, правоприменении принимаемых законов, а также о существующих пробелах в законодательстве. При этом не все граждане сразу обращаются к представителям на федеральном уровне, многие верно, терпеливо и последовательно проходят избранников всех уровней.

В.В. Комарова предлагая в своем исследовании закрепить обязанность размещения в открытом доступе депутатских и парламентских запросов отмечает: «Возможно, размещение всей информации, касающейся запросов депутатов (депутатский запрос, парламентский запрос), в открытом доступе на сайтах органов

публичной власти ... поможет общественному контролю, взаимоотношениям между избирателями и парламентариями, что приведет к повышению доверия граждан» [5, с. 63–72]. Однако автор, поддерживая открытость запросов для граждан, считает, что размещение всей информации невозможно в силу недопустимости распространения персональных данных и сведений, содержащихся в обращении, в том числе касающихся частной жизни гражданина (ч. 2 ст. 6 ФЗ № 59-ФЗ), но размещению обезличенных запросов законодательно ничего не мешает. Между тем в соответствии с введенной в июне 2020 года нормой ч. 5 ст. 47 Регламента Государственной Думы ФС РФ[1], запрос депутата ГД подлежит размещению на официальном сайте Государственной Думы (на персональной странице депутата во вкладке «Запросы» — прим. автора). Регламент Совета Федерации ФС РФ размещение запроса сенатора РФ в открытом доступе не предусматривает, однако, количество, и адресаты запросов отражаются в ежегодной информации о деятельности сенатора РФ, размещаемой на официальном сайте Совета Федерации[2].

При этом нельзя не отметить, что запросы практически всегда ставятся на «особый контроль» и отрабатываются органами и должностными лицами всесторонне, с выяснением всех обстоятельств, запросом дополнительных документов и материалов у структурно подчиненных органов и должностных лиц, и нередко с пересмотром ранее принятых по обращению гражданина решений. Безусловно, такой подход формируется у рассматривающих запросы и в связи с правом сенатора РФ и депутата ГД на прием в первоочередном порядке руководителями и другими должностными лицами федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, иных государственных органов, органов местного самоуправления, иных муниципальных органов, организаций независимо от форм собственности, органов военного управления, объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований (ст. 16 ФЗ № 3-ФЗ), а также на получение по вопросам своей деятельности документов или сведений, в том числе в установленном порядке составляющих государственную тайну, безотлагательно, а при необходимости получения дополнительных материалов — не позднее 30 дней со дня получения обращения (ч. 2 ст. 17 ФЗ № 3-ФЗ) и на выступление в государственных средствах массовой информации (ч. 4 ст. 17 ФЗ № 3-ФЗ). Применительно к обращениям граждан направленным в адрес депутатов ГД остается вопрос: могут ли требования о безотлагательном предоставлении документов или сведений, установленные ч. 2 ст. 17 ФЗ № 3-ФЗ, относиться к препровождаемым в компетентные органы депутатскими запросами обращениям граждан, ведь взаимодействие со своими избирателями относится к вопросам, связанным с деятельностью депутатов, т.е. как вообще указанная норма соотносится с нормой ч. 3 ст. 14 ФЗ № 3-ФЗ, не содержащей норму о безотлагательном рассмотрении. Именно в этой норме упоминается не запрос, а обращение сенатора РФ и депутата ГД, однако речь опять ведется о получении указанными лицами информации, а не о направлении ее, например, гражданам.

[1] См.: Постановление Государственной Думы ФС РФ от 23 июня 2020 г. № 8403-7 ГД «О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 26, ст. 4084.

[2] См.: Ежегодные отчеты (информации о деятельности) сенаторов РФ. URL: http://council.gov.ru/activity/reports (дата обращения: 22.07.2022).

А.Т. Карасев и А.В. Савоськин совершенно справедливо указывают на отсутствие законодательного определения понятия «депутатское обращение» [6, с. 52–60], не определено и понятие «обращение сенатора РФ». Несмотря на то, что в ФЗ № 3-ФЗ упоминаются «запрос» и «обращение», предназначение каждого из них неопределенно, формально, и то и другое служит целью запроса информации, документов и материалов. Такая же неопределенность породила различную правовую регламентацию на уровне субъектов РФ, ряд субъектов выделают «обращение», как отдельный вид обращения депутата, отделяя его от «запроса»[1], ряд упоминают оба понятия в своих актах с одинаковым правовым регулированием[2], что представляется верным, поскольку и к запросу и к обращению применяются одни и те же нормы закона, а сам депутат имеет возможность выбора — запросить информацию по обращению гражданина или направить обращение по компетенции, в ряде субъектов «депутатский запрос» не предусмотрен[3] и в одном субъекте, напротив, не предусмотрено «обращение депутата»[4].

Мнения ученых в отношении выделения обращений и запросов в отдельные виды разнятся: работы одних свидетельствуют о разделении понятий «обращение» и «запрос» (В.С. Основин [7, с. 12–13], С.А. Авакьян [8, с. 121, 123], А.Т. Карасев [9, с. 81]), другие же называют «депутатский запрос» новой формой ранее существовавшего обращения депутата (Л.А. Нудненко [10, с. 137]). Автор же считает, что «запрос» должен отвечать своему предназначению и с его помощью запрашивают информацию, документы и материалы, а «обращение» может содержать предложение, заявление, жалобу, предоставление парламентарием какой-либо информации, в том числе о перенаправлении (препровождении) обращения гражданина по компетенции, содержать просьбу рассмотреть обращение гражданина в рамках имеющихся у государственного органа, органа местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также иных организаций, осуществляющих публично значимые функции и их должностных лиц полномочий и т.д.

Депутатский запрос предусмотрен законодательством всех субъектов РФ, однако примерно в половине субъектов РФ такой запрос, в отличие от запроса сенатора РФ и депутата ГД, проходит процедуру одобрения на заседании местных депутатов, что представляется не верным, так как фактически переводит индивидуальное право местного депутата на депутатский запрос в необходимость одобрения его действий другими депутатами, то есть нарушается правовой статус местного депутата и подменяется понятие депутатского запроса, так как это

[1] См.: Закон города Москвы от 13 июля 1994 г. № 14-60 «О статусе депутата Московской городской Думы» (в ред. от 3 ноября 2021 г.) // Тверская, 13. 1994. № 33. 18–24 авг.; Закон Республики Крым от 10 сентября 2014 г. № 64-ЗРК «О статусе депутата Государственного Совета Республики Крым» (в ред. от 24 июня 2022 г.) // Крымские известия. 2014. 11 сент.; Закон Ханты-Мансийского автономного округа от 3 мая 2000 г. № 19-оз «О статусе депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» (в ред. от 27 мая 2022 г.) // Собр. законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. 2000. № 4, ч. 1.

[2] См.: Областной закон Ростовской области от 8 июня 1994 г. № 1-ЗС «О статусе депутата Законодательного собрания Ростовской области» (в ред. от 29 июня 2022 г.) // Наше время. 1994. № 148.

[3] См.: Закон Вологодской области от 3 февраля 2005 г. № 1224-ОЗ «О статусе депутата Законодательного Собрания Вологодской области» (в ред. от 23 июня 2021 г.) // Красный Север. 2005. № 23; Закон Сахалинской области от 12 июля 1994 г. № 2 «О статусе депутата Сахалинской областной Думы» (в ред. от 29 октября 2021 г.) // Губернские ведомости. 1994. № 30 (136).

[4] См.: Закон Саратовской области от 3 марта 2004 г. № 10-ЗСО «О статусе депутата Саратовской областной Думы» (в ред. от 28 апреля 2022 г.) // Саратов — столица Поволжья. 2004. № 44(995).

все-таки два абсолютно различных запроса — индивидуальный (депутатский) и коллективный (парламентский), а депутат осуществляет свою деятельность самостоятельно, без необходимости обсуждения кем-либо.

Подводя итог настоящего исследования, автор приходит к выводу о необходимости законодательного установления различий запроса и обращения сенаторов РФ и депутатов всех уровней (обращение и запрос должны получить закрепление в качестве отдельных видов обращения), дополнительной правовой регламентации порядка рассмотрения обращений граждан сенаторами РФ и депутатами ГД в ФЗ № 3-ФЗ, а к местным депутатам в региональных законах путем фактического копирования в них ряда норм ФЗ № 59-ФЗ, например, о направлении обращения по компетенции (ч. 3, 3.1, 4 ст. 8), о запрете направления жалобы в органы и лицам, на которых жалуется гражданин (ч. 6 ст. 8), о порядке рассмотрения обращений (ч. 1 ст. 10), а также об обязанности государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица, осуществляющих публично значимые функции государственных и муниципальных учреждений, иных организаций и их должностных лиц в течение 15 дней предоставлять документы и материалы, необходимые для рассмотрения обращения гражданина (ч. 2 ст. 10). Последнее предложение создаст баланс между правами сенаторов РФ, депутатов ГД и указанных органов, так как первые сейчас находятся в уступающем положении, так для ответа сенаторам РФ и депутатам ГД в течение 15 дней требуется отдельное согласование, порядок осуществления которого законодательно не определен.

Повышение административной ответственности за нарушение сроков предоставления сенаторам РФ и депутатам ГД информации, в том числе документов, материалов и ответов на обращения, является необходимым, а предусмотренная ч. 2 ст. 17.1 КоАП РФ мера административной ответственности представляется автору не отвечающей характеру совершаемого должностным лицом административного правонарушения. Под созданием препятствий в осуществлении деятельности сенаторов РФ и депутатов ГД следует понимать также предоставление ответа на запрос иными, чем указано в ч. 5 ст. 14 ФЗ № 3-ФЗ лицами.

Библиографический список

1. *Трубилов Г.В.* Проект реформы российского парламентаризма: взаимоотношения парламента с исполнительной властью и населением // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 43–48.

2. *Авакьян С.А.* Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.

3. *Овсепян Ж.И.* Становление парламента в России: учебное пособие. Ростов н/Д: Издательство СКАГС, 2000. 117 с.

4. *Куликов А.С., Чиркин К.В.* Невыполнение законных требований депутата (на примере законодательства города Москвы) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10. С. 20–28.

5. *Комарова В.В.* Политические права граждан России в цифровой среде // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 63–72.

6. Карасев А.Т., Савоськин А.В. Депутатский запрос как вид обращения депутатов субъектов Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2018. № 3 (120). С. 52–60.

7. *Основин В.С.* Право запроса депутатов местных Советов. М.: Госюриздат, 1957. 29 с.

8. *Авакьян С.А.* Депутат: статус и деятельность. М.: Политиздат, 1991. 288 с.

9. *Карасев А.Т.* Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование). Екатеринбург, 2009. 276 с.

10. *Нудненко Л.А.* Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 473 с.

References

1. *Trubilov G.V.* The Project of Reform of Russian Parliamentarism: the Relationship of Parliament with the Executive Power and the Population // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 7. P. 43–48.

2. *Avakian S.A.* Representation in Constitutional Law: Issues of Theory and Practice. Moscow: Justicinform, 2022. 484 p.

3. *Ovsepyan Zh.I.* The Formation of Parliament in Russia. Study guide. Rostov-on-Don: SKAGGS Publishing House, 2000. 117 p.

4. *Kulikov A.S., Chirkin K.V.* Non-Compliance with the Legal Requirements of a Deputy (on the example of the legislation of the city of Moscow) // Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 10. P. 20–28.

5. *Komarova V.V.* Political Rights of Russian Citizens in the Digital Environment // Law and Digital Economy. 2021. No. 4. P. 63–72.

6. *Karasev A.T.* Deputy in the System of Representative Power (constitutional and legal research): monograph. Yekaterinburg: 2009. 276 p.

7. *Osnovin V.S.* The Right to Request Deputies of Local Councils. Moscow: Gosyurizdat, 1957. 29 p.

8. *Avakian S.A.* Deputy: Status and Activity. Moscow: Politizdat, 1991. 288 p.

9. *Karasev A.T., Savoskin A.V.* Deputy Inquiry as a Type of Appeal of Deputies of the Subjects of the Russian Federation // Russian Law Journal. 2018. No. 3 (120). P. 52–60.

10. *Nudnenko L.A.* Constitutional and Legal Status of a Deputy of the Legislative Body of State Power in the Russian Federation. St. Petersburg: Law Center Press, 2004. 473 p.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-87-93
УДК 346.12+347.721

Г.В. Колодуб, Д.А. Мальбин

ОТКАЗ В ВОЗВРАТЕ ДОЛИ УЧАСТИЯ В КОРПОРАЦИИ В РЕАЛИЯХ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО ПРЕССИНГА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ОЦЕНКА КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В ТЕКСТЕ НОРМЫ П. 3 СТ. 65.2 ГК РФ

Введение: *настоящая статья является продолжением публичной дискуссии, поднятой авторами на страницах ведущего научного журнала. Содержание второй статьи связано с обоснованной критикой положений нормы п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, которая формирует положение об отказе в возврате доли участия в корпорации.* ***Цель:*** *используя описанные в первой статье мотивы и установки, предложить непротиворечивое научное видение о том, что норма п. 3 ст. 65.2 ГК РФ является неэффективной и дефектной.* ***Методологическая основа:*** *ведущим общенаучным методом исследования выступает системно-структурный подход, благодаря которому норма об отказе в возврате доли участия в корпорации и положения о защите добросовестного приобретателя рассматриваются не только как единый элемент механизма осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей, но и как необходимое средство нивелирования негативных последствий финансово-правовых санкций со стороны иностранных государств. В числе использованных методов юридической науки выделяется метод толкования правовых норм (буквальный, системный).* ***Результаты:*** *усматривается практическая неприменимость такого условия для отказа в возврате доли как возможность наступления негативных социальных и других публично значимых последствий; критикуется решение законодателя создать конкуренцию исков о компенсации и возмещении убытков; доказывается ошибочность внедрения в российское корпоративное право института справедливой компенсации за утрату доли участия в*

© Колодуб Григорий Вячеславович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kolodub-ssla@lenta.ru
© Мальбин Дмитрий Андреевич, 2022
Кандидат юридических наук, ассоциированный партнер юридической фирмы «ЮСТ», адвокат, ведущий эксперт Института проблем административно-правового регулирования (Национальный исследовательский университет («Высшая школа экономики»)); e-mail: malbin@yust.ru

© Kolodub Grigory Vyacheslavovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law (Saratov State Law Academy)
© Malbin Dmitry Andreevich, 2022
Candidate of Law, Associate Partner of the law firm «YUST», attorney, leading expert of the Institute of Problems of Administrative and Legal Regulation of the National Research University «Higher School of Economics»

корпорацию. ***Выводы:*** *эффективная конструкция иска о возврате доли участия в корпорации должна связываться с необходимостью имплементации института защиты добросовестного приобретателя в корпоративное право.*

Ключевые слова: *механизм осуществления гражданских прав, гарантированность гражданского права, восстановление корпоративного контроля, право участия, доля в уставном капитале, корпорация, справедливость, добросовестность, добросовестный приобретатель, компенсация.*

G.V. Kolodub, D.A. Malbin

DENIAL OF RETURN A SHARE IN A CORPORATION IN THE REALITIES OF FINANCIAL AND LEGAL PRESSURE FROM FOREIGN STATES. PART TWO: EVALUATION CATEGORY «FAIRNESS» IN THE TEXT OF THE NORM, PARAGRAPH 3 OF ART. 65.2 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Background: *this article is a continuation of the public discussion raised by the authors on the pages of the leading academic journal. The content of the second article is associated with a well-founded criticism of the provisions of paragraph 3 of article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation, which forms the provision on the refusal to return the share of participation in the corporation.* ***Objective:*** *using the motives and attitudes described in the first article, to offer a consistent scientific view that the norm of paragraph. 3 of article 65.2 of the Civil Code of the RF is ineffective and defective.* ***Methodology:*** *the leading general scientific method of research is the system-structural approach, thanks to which the rule on the refusal to return the share of participation in a corporation and the provisions on the protection of a bona fide purchaser are considered not only as a single element of the mechanism for exercising civil rights and fulfilling civil obligations, but also as a necessary means leveling the negative consequences of financial and legal sanctions by foreign states. Among the methods used in legal science, the method of interpreting legal norms (literal, systematic) stands out.* ***Results:*** *the article sees practical inapplicability of such condition for refusal of return of a share as the possibility of occurrence of negative social and other publicly significant consequences; criticizes the legislator's decision to create a competition of claims for compensation and damages; proves erroneous introduction into the Russian corporate law of the institute of fair compensation for loss of a share in a corporation.* ***Conclusions:*** *effective design of claim for return of participation interest in a corporation should be associated with the need to implement the institute of bona fide purchaser protection in corporate law.*

Key-words: *mechanism of realization of civil rights, civil law guarantee, restoration of corporate control, right of participation, interest in share capital, corporation, fairness, good faith, good faith purchaser, compensation.*

Со времени существования римского права категория «справедливость» являлась мерилом верности толкования и применения нормы права наряду с категорией «добросовестность» [1, с. 108], в связи с чем, нет сомнений в том, что добросовестность приобретателя должна учитываться при разрешении вопроса о возврате доли участия в корпорации утратившему ее лицу.

Категория добросовестности хорошо известна цивилистической науке, ее исследованию посвящено немало научных работ [2, с. 12; 3, с. 7; 4, с. 241; 5, с. 490], а содержание категории добросовестности в гражданском праве почти не

вызывает споров. Применительно к фигуре добросовестного приобретателя добросовестность заключается в отсутствии знаний о приобретении имущества у лица, которое не имело права им распоряжаться [6]. Названное условие, которое наряду с другими условиями защиты приобретателя, играет существенную роль в распределении риска между правообладателем и приобретателем и обеспечении стабильности гражданского оборота. При этом, по общему правилу, имущество не может быть истребовано (возвращено) от добросовестного приобретателя, если имущество приобретено возмездно.

Принимая во внимание, что условие о выбытии имущества из владения управомоченного лица является важным условием для достижения баланса интересов спорящих сторон и такое условие закреплено в том числе применительно к защите добросовестного приобретателя доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью п. 17 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в ред. от 2 июля 2021 г.) (далее — Закон об ООО), то имеются основания полагать, что в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ содержатся неточности юридико-технического характера, а под несправедливым лишением права участия в корпорации других лиц следует понимать возврат такого права от добросовестного возмездного приобретателя, когда такое право было утрачено правообладателем по его воле.

В настоящее время законодательство об акционерных обществах (один из видов корпораций) не содержит положения, аналогичного п. 17 ст. 21 Закона об ООО. Вместе с тем законодательное установление п. 3 ст. 65.2 ГК РФ призвано установить общий (генеральный) способ защиты права участия в корпорации при утрате его в результате неправомерных действий третьих лиц, поэтому с принятием п. 3 ст. 65.2 ГК РФ отсутствует необходимость имплементации в акционерное законодательство нормы, аналогичной п. 17 ст. 21 Закона об ООО, а сама норма п. 3 ст. 65.2 ГК РФ должна иметь действие, аналогичное п. 17 ст. 21 Закона об ООО.

Учитывая, что институт защиты добросовестного приобретателя приобрел межотраслевой характер [7, с. 18], то к институту защиты добросовестного приобретателя в корпоративном праве подлежат применению по аналогии разъяснения, предусмотренные для добросовестного приобретателя в вещном праве, в том числе о приобретении права на имущество таким приобретателем (ст. 223 ГК РФ и п. 13 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[1]). Следовательно, не подлежит возврату право участия также от лица, хотя бы и приобретшего это право безвозмездно, если ранее имело место добросовестное возмездное приобретение такого права добросовестным приобретателем, поскольку при совокупности вышеназванных условий правообладатель утрачивает право участия в корпорации, а добросовестный приобретатель, напротив, такое право приобретает, в связи с чем, дальнейшее распоряжение добросовестным приобретателем названным правом является правомерным.

Вторым условием отказа в возврате доли участия в корпорации является наступление крайне негативных социальных и других публично значимых по-

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10; Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010. № 109.

следствий. В данном случае законодатель также использует широкие оценочные категории, не устанавливая хотя бы примерных ориентиров их содержания. При этом наступление негативных социальных последствий как условие наступления юридических последствий используется в ряде законодательных актов:

участок недр может быть включен в перечень участков недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции при наличии ряда условий, в том числе если прекращение разработки данного участка недр приведет к негативным социальным последствиям (ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»[1]);

контрольный орган вправе применять меры по предупреждению банкротства страховой организации и негосударственного пенсионного фонда в целях предотвращения негативных социально-экономических последствий и снижения устойчивости финансового рынка (ст. 184.1-2 и 186.1-1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[2]).

Однако ни в одном из нормативных правовых актов не раскрывается содержание категории «наступление крайне негативных социальных и других публично значимых последствий». Учитывая, что речь идет о последствиях социальных, то очевидно такие последствия должны оказывать негативное влияние на общество в целом, а не на отдельных его субъектов. Одновременно социальные последствия рассматриваются в качестве частного случая публично значимых последствий, что прямо следует из текста нормы. Вместе с тем сложно представить, что возврат доли участия может влечь негативные последствия для социума, поскольку участники корпорации имеют корпоративные права в отношении корпорации, что прямо следует из п. 3 ст. 48 ГК РФ. Корпорация и ее участник состоят в относительном правоотношении, содержанием которого являются права и обязанности данных субъектов по отношению друг к другу, поэтому возврат доли участия утратившему ее лицу не может оказать правового воздействия на лиц, не являющихся субъектами корпоративного отношения с участием данной корпорации. Возврат лицу доли участия, как объективно представляется, не может повлечь негативных последствий для общества, поскольку ранее лицо уже обладало этой долей участия, поэтому с возвратом доли лишь восстанавливается status quo.

Условие об отказе в возврате доли ввиду наступления негативных последствий для общества фактически означает, что в ряде случаев отказ в возврате доли участия несет в себе большую пользу для общества, чем ее возврат. Однако считаем, что отказ в возврате доли участия, которая была утрачена правообладателем помимо воли в результате неправомерных действий третьих лиц, может оказать большее негативное воздействие на общество, чем ее возврат, поскольку с отказом в возврате доли у членов общества может сформироваться убеждение в правовой незащищенности, что в конечном счете может вызвать социальное недовольство.

Изложенные доводы и выводы из них очевидно свидетельствуют о «безжизненности» такого условия для отказа в возврате доли как возможности наступления негативных социальных и других публично значимых последствий. При этом для отказа в возврате доли необходимы последствия, которые можно охаракте-

[1] См.: Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 18.

[2] См.: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

ризовать как крайне негативные, что подтверждает возможность применения нормы в этой части.

Последствием отказа в возвращении доли участия в корпорации является обязанность лиц, виновных в утрате доли, выплатить утратившему долю лицу справедливую компенсацию, размер которой определяется судом.

Установление обязанности виновного в утрате доли лица уплатить справедливую компенсацию ввиду отказа в возврате доли ведет к конкуренции названного иска и иска о возмещении убытков как генерального способа защиты нарушенного права (ст. 15 ГК РФ). При этом если до отказа в возврате доли участия очевидно наблюдается элективная конкуренция исков о возврате доли и о возмещении убытков в размере стоимости доли и предъявление одного из исков погашает другой, то характер конкуренции (кумулятивный или элективный) исков о компенсации и возмещении убытков исходя из текста закона остается не ясен.

В данной связи следует обратить внимание, что компенсация взыскивается с лица, виновного в утрате доли участия, при этом утрата доли, как следует из п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, происходит в результате неправомерных действий, что указывает на то, что указанная компенсация в действительности является одной из мер гражданско-правовой ответственности, поскольку налицо все условия для применения таких мер:

наличие вреда в виде утраты доли участия в корпорации;

незаконность действий лица, приведших к утрате доли участия в корпорации;

вина лица, в результате действий которого лицо утратило долю участия в корпорации;

причинно-следственная связь между утратой доли и действиями виновного лица.

Возмещение убытков также является одной из мер гражданско-правовой ответственности, целью которой также, как и в случае с выплатой компенсации за утрату доли, является возмещение имущественных потерь пострадавшего лица. По изложенным причинам решение законодателя создать конкуренцию исков о компенсации и возмещении убытков представляется необоснованным, оснований конкурировать названным требованиям не имеется, поскольку оба иска преследуют цель восстановить имущественную сферу потерпевшего лица, поэтому при отпадении иска о возврате доли вполне достаточно иска о возмещении убытков, т.к. возмещением убытков удовлетворяется интерес пострадавшего лица в восстановлении своего имущественного положения. Введение в гражданское право института справедливой компенсации лишь усложнит защиту нарушенного субъективного права, поскольку создает ничем не оправданную конкуренцию исков, разрешить которую правоприменителю не всегда под силу, в то время как оба иска преследуют одну цель. Принимая во внимание, что удовлетворением одного иска удовлетворяется интерес, также преследуемый вторым иском, следует прийти к выводу о наличии элективной конкуренции исков о взыскании справедливой компенсации и возмещении убытков за утраченную долю.

Следует учитывать и то, что гражданское право исходит из принципа обеспечения восстановления нарушенных прав, поэтому размер справедливой компенсации за утраченную долю не может быть ниже стоимости доли, в противном случае взысканием компенсации нарушенное право не восстанавливается. Одновременно такая компенсация не может приводить к обогащению пострадавшего лица, т.к. гражданско-правовая ответственность всегда носит компенсаторно-вос-

становительный характер, поэтому размер справедливой компенсации не может быть больше стоимости утраченной доли, в связи с чем сущностных различий между справедливой компенсацией и убытками найти невозможно, что обесценивает институт справедливой компенсации за утрату доли.

Таким образом, категория справедливости в тексте нормы п. 3 ст. 65.2 ГК РФ упоминается трижды:

справедливой должна быть компенсация в пользу лица, от которого возвращается доля участия утратившему ее лицу;

справедливым должно быть лишение иных лиц их права участия для того, чтобы право участия было возвращено утратившему ее лицу;

справедливой должна быть компенсация в пользу лицу, утратившего право участия в корпорации, в случае, когда такая доля не может быть возвращена.

Однако, несмотря на столь частое обращение законодателя к категории «справедливость» в рамках одной статьи закона, сама по себе норма остается спорной и очевидно требует изменения, поскольку в текущей редакции норма склонна приводить скорее к несправедливости, чем к справедливости, ввиду отсутствия хотя бы примерных ориентиров используемой ценностной категории, что может приводить к произвольному применению нормы. Законодателю при проектировании института иска о возврате доли участия в корпорации было достаточно имплементировать институт защиты добросовестного приобретателя в корпоративное право, который широко апробирован не только в рамках вещного права, но также применяется при разрешении споров о возврате доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственности. До приведения нормы п. 3 ст. 65.2 ГК РФ в соответствие с действительным смыслом и целью данного института следует исходить из того, что под несправедливым лишением третьих лиц их доли участия следует понимать истребование доли участия в корпорации от добросовестного приобретателя, который приобрел это право возмездно, при условии, что первоначально право участия было утрачено по воле управомоченного лица.

Возможность отказа в возврате доли участия ввиду наступления крайне негативных социальных или иных публично значимых последствий блокируется невозможностью наступления названных последствий, в связи с чем норма п. 3 ст. 65.2 ГК РФ в этой части останется без применения.

Внедрение в российское корпоративное право института справедливой компенсации за утрату доли участия в корпорации влечет необоснованную конкуренции исков о взыскании справедливой компенсации и возмещении убытков. Такая конкуренция по своему характеру является элективной и с предъявлением одного из исков отпадает второй иск, поскольку достигается удовлетворение интереса, преследуемого обоими исками. Однако сущностных различий между справедливой компенсацией и убытками найти сложно, что делает бессмысленным нововведение.

Библиографический список

1. *Савельев В.А.* Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 108–115.

2. *Богданов Е.В.* Категория добросовестности в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 12–14.

3. *Михайлова И.А.* Категория «добросовестность» в гражданском праве // Цивилист. 2013. № 2. С. 7–9.

4. *Волков В.А.* Добросовестность и разумность в концепции «злоупотребление гражданским правом» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3(12). С. 240–250.

5. *Голубцов В.Г.* Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 490–518.

6. *Мальбин Д.А.* Знание о неуправомоченности отчуждателя как условие защиты добросовестного приобретателя // Нотариус. 2021. № 8. С. 15–19.

7. *Челышев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 40 с.

References

1. *Saveliev V.A.* Legal Technique of Roman Jurisprudence of the Classical Period // Journal of Russian Law. 2008. No. 12. P. 108–115.

2. *Bogdanov E.V.* The Category of Good Faith in Civil Law // Russian Justice. 1999. No. 9. P. 12–14.

3. *Mikhailova I.A.* The Category of "Good Faith" in Civil Law // Tsivilist. 2013. No. 2. P. 7–9.

4. *Volkov V.A.* Conscientiousness and Reasonableness in the Concept of «Abuse of Civil Law» // Actual Problems of Russian Law. 2009. No. 3(12). P. 240–250.

5. *Golubtsov V.G.* Subjective Conscientiousness in the Structure of the General Concept of Conscientiousness // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. 2019. No. 3. P. 490–518.

6. *Malbin D.A.* Knowledge of the Lack of Authority of the Alienator as a Condition for the Protection of a Bona Fide Purchaser // Notary. 2021. No. 8. P. 15-19.

7. *Chelyshev M.Yu.* The System of Interbranch Relations of Civil Law: Civil Law Research: extended abstract dis. ... doc. of law. Kazan, 2009. 40 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-94-99
УДК 347.626.6

О.Ф. Фаст

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ СУПРУГОВ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА

Введение: *в статье анализируется действующее законодательство, относительно состава общего имущества супругов. Затрагиваются вопросы раздела общего имущества супругов при расторжении брака на основании норм семейного законодательства.* ***Цель:*** *в статье проводится анализ соотношения имеющегося объема правовых критериев раздела общего имущества супругов, с реалиями, возникающими в юридической практике, при этом применялись эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики.* ***Методологическая основа:*** *применялись частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм.* ***Результаты:*** *автор предлагает обновить и дополнить перечень общего имущества супругов для реализации баланса имущественных интересов супругов с учетом и на основе принципа справедливости.* ***Выводы:*** *придание «расходам» из общего имущества супругов режима общей совместной собственности заложит основу для реализации соразмерности прав супругов при разделе общего имущества, предоставит дополнительные гарантии правовой защиты.*

Ключевые слова: *супруги, совместная собственность супругов, личная собственность супруга, общие расходы.*

O.F. Fast

CERTAIN ASPECTS OF PROTECTING THE INTERESTS OF SPOUSES IN THE DIVISION OF PROPERTY

Background: *the article analyzes the current legislation regarding the composition of the common property of the spouses. The issues of the division of the common property of the spouses in the event of divorce on the basis of family law are touched upon.* ***Objective:*** *the article analyzes the ratio of the available scope of the legal criteria of division of the common property of spouses, with the realities arising in legal practice. Empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic were used for the analysis.* ***Methodology:*** *the following private-scientific methods were applied: legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms.* ***Results:*** *the author proposes to update and supplement the list of joint property of spouses to implement the balance of property interests of spouses, taking into account and based on the principle of justice.* ***Conclusions:*** *giving "expenses" from the common property of the spouses the regime of common joint property will lay the foundation for the implementation of the proportionality of the rights of the spouses in the division of common property, provide additional guarantees of legal protection.*

Key-words: *spouses, joint property of spouses, personal property of a spouse, common expenses.*

© Фаст Ольга Федоровна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)); e-mail: fastolga@mail.ru

© Fast Olga Fedorovna, 2022

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil and Business Law (All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia))

На данном этапе, продолжающегося эксперимента в различных сферах формирующегося правового государства России, важнейшее значение имеет совершенствование правовой системы в обществе на основе принципа справедливости, воспринимаемого всеми гражданами страны [1, с. 35]. Прекращение супружеских отношений ведет к расторжению брака и разделу имущества. Имущественный интерес бывших супругов при разделе их накоплений, на основании закона, не всегда основывается на порядочности, добросовестности, справедливости супругов друг к другу.

Законодатель достаточно сбалансированно регулирует вопросы раздела общего имущества супругов, но все же остаются имущественные споры, когда их интересы не учитываются нормами права. Поэтому важно закрепить на законодательном уровне создание подробного перечня состава общего имущества супругов, подлежащего разделу при расторжении брака.

Одной из показательных ситуаций является рассмотрение в юридической практике конфликта между бывшими супругами при разделе общего имущества на основании действующего законодательства. Точкой преткновения стала квартира, приобретенная супругом до вступления в брак по договору пожизненной ренты. Рентные платежи выплачивались в большей части во время брака, за счет общих доходов супругов, что послужило поводом супруге полагать, что данная квартира будет подлежать разделу. На основании действующего гражданского и семейного законодательства данное имущество будет отнесено к категории добрачного имущества одного из супругов, которое не будет подлежать разделу, но можно ли назвать такую оценку справедливой? На «выплату» этого имущества были затрачены общие средства супругов, возможно не фактически, но, однозначно, юридически, — так как все доходы супругов во время брака признаются общей совместной собственностью.

Одним из составляющих справедливого разрешения вопросов раздела имущества супругов, на наш взгляд, является баланс интересов сторон относительно материальных затрат, которые стороны вносили для достижения и удовлетворения своих личных имущественных интересов из общих средств супругов.

Когда встречаешься с такого рода юридической практикой, понимаешь, что имеющиеся правовые инструменты не всегда могут гарантировать субъектам права соблюдение баланса интересов сторон и «справедливого» юридического эффекта применения норм права.

Невозможно не согласится с Ю.В. Романец, что справедливость в гражданском законодательстве реализовывается через наделение правами более незащищенную, в правовом смысле, субъекта права, путем возложения обязанностей на сторону которая несправедливо может получить имущественное преимущество, за счет других лиц [2, с. 53].

Из совокупности норм семейного законодательства об общем имуществе супругов и гражданского законодательства, в частности, о договоре ренты, законодатель не дает нам ни одной правовой возможности, ни одной правовой конструкции поддержать интересы супруги, которая материально участвовала в исполнении обязанностей плательщика ренты, так как средства по исполнению этой обязанности использовались «общие».

Например, при улучшении личного имущества одного из супругов, которые увеличили стоимость такого имущества, за счет общих средств супругов, предусмотрена защита имущественного интереса второго супруга ст. 37 Семейного

кодекса Российской Федерации, а в указанном нами случае, правовых возможностей справедливо разрешить конфликт сторон — нет.

Очевиден дисбаланс правового положения супругов, который выражается в ослабленной правовой позиции супруга, понесшего материальные затраты и не имеющего возможности их компенсировать ни приобретением вещных прав на имущество, ни возвратом потраченных денежных средств. Некоторые авторы утверждают, что «...проблему защиты слабой стороны можно рассматривать с разных позиций. Во-первых, определенные субъекты в силу каких-либо объективных причин являются более слабыми, чем другие. Во-вторых, принцип защиты слабой стороны в правоотношении может быть рассмотрен через призму концепции осуществления прав и исполнения обязанностей» [3]. Возникает вопрос: можно ли рассматривать вступление в брак «объективной причиной», которая поставит одного из супругов в более слабую позицию при защите своих имущественных прав?

Приведенный пример исполнения обязательств, возникших до заключения брака и исполняемых одним из супругов во время брака из общих средств в отношении этого имущества, не входящего в состав общего имущества супругов, объективно ставит второго супруга в более слабую позицию.

Это обуславливает, что для реализации и защиты имущественных прав супругов необходимы правовые средства, санкционированные государством. Н. А. Баринов, тонко отметил, что интересы граждан влияют на экономику, а право воздействует на экономику через интересы граждан и приводил в пример цепочку соотношений категорий: «условия жизни общества (среда) — потребности — интересы — воля — право» [4, с. 74]. Для реализации в правовых реалиях названных звеньев цепочки необходимы правовые инструменты (средства), обеспечивающие юридическое и имущественное равенство субъектов права, баланс интересов сторон, недопущения нарушения имущественных интересов сторон правоотношений. Так, А.В. Барков понимает под правовыми средствами в сфере оказания социальных услуг набор правовых действий и приравнивает их с правовыми инструментами [5, с. 73]. Б.И. Пугинский предлагал понимать под правовыми средствами «сочетание (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению этих целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества» [6, с. 87]. Исходя из этого можно предположить, что юридически значимые действия должны в конечном счете удовлетворять интересы всех членов семьи. Возможно, что решением, рассматриваемой правовой ситуации, может послужить оценивание «расходов супругов» как отдельной категории, которая может подлежать разделу, по требованию одного из супругов. Внесение в ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации[1] понятия «расходы» в состав общей собственности супругов, если будет доказано, расходование общих совместных средств супругов, что позволит уравновесить правовое положение супругов, их имущественные интересы и осуществить «справедливый» раздел общего имущества. В содержание категории «расходы супругов» могут быть включены денежные обязательства длительного характера, которые возникли до заключения брака, а исполнялись полностью или частично во время брака,

[1] См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Российская газета. 1996; 2021. № 58; 2021. 7 июля.

например, кредитные отношения, рентные отношения и др. Стоит отметить, на наш взгляд, что в названной ситуации, нет необходимости устанавливать на какие цели были потрачены эти денежные средства, во благо семейных нужд или нет, как например, при анализе природы возникновения общих или индивидуальных долгов супругов, достаточен сам факт исполнения денежного обязательства из средств, являющихся общей совместной собственностью супругов. Также «расходы супругов» могут выражаться в содержание (не улучшение) индивидуального имущества одного из супругов. Под таким содержанием можно понимать оплату налоговых сборов, оплату коммунальных услуг, содержание общего имущества собственников многоквартирного дома и иных платежей по содержанию недвижимого имущества или иного имущества, невходящего в состав общего имущества супругов.

Термин «расходы» упоминается в нормах семейного кодекса Российской Федерации, затрагивающих сферу содержания брачного договора. Супругам позволяется установить договорный режим порядка несения общих расходов супругов. Некоторые авторы выделяют следующие расходы супругов: самые необходимые расходы; оплата образования, медицинского обслуживания и т.п.; расходы на отдых и путешествия [7, с. 15]; карманные расходы [8, с. 223]. Этот перечень можно дополнить расходами из общего совместного имущества супругов на содержание личного имущества одного из супругов.

Термин «расходы» в гражданском законодательстве, в частности, в Гражданском кодексе Российской Федерации[1] (далее ГК РФ) встречается в ст. 15 ГК РФ, является одним из составляющих «реального ущерба» — расходы лица, для восстановления нарушенного права. Законодатель уходит от конкретизации этого понятия, дает возможность толкования и наполнения термина «расходы» пострадавшей стороне для более полного и справедливого восстановления его нарушенных прав[2]. Оценкой же в необходимости и причастности к нарушению, произведенной потерпевшей стороной расходов, оставлено на судейское усмотрение.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации[3] (далее ГПК РФ) не содержит определения судебных расходов, определяет только, что судебные расходы включают в себя государственную пошлину и иные затраты, связанные с рассмотрением дела. Законодатель устанавливает, как бы «пределы» требований о взыскание судебных расходов с проигравшей стороны. Один из них выражается в применении оценочного понятия «разумность» суммы, взыскиваемых расходов (ч. 1 ст. 100 ГПК). Другим можно назвать необходимость доказывания связи между понесенными расходами и рассматриваемым судебным разбирательством (п. 10 Постановления от 21 января 2016 г. №1)[4]. В частности, к судебным расходам относятся расходы на представителя (ст. 94 ГПК РФ).

---

[1] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Российская газета. 1994. № 238-239; 2022. № 43.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 01.02.2022).

[3] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Российская газета. 2002. № 220; 2022. № 2–3.

[4] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 г. Москва «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». URL: https://rg.ru/2016/02/27/vs-site-dok.html (дата обращения: 05.02.2022).

Верховный суд показал тенденцию дифференциации расходов супругов, указав на выделение из общих средств расходы одного супруга по отношению к другому[1]. И даже если эти расходы были связаны с выплатами за юридические услуги, оказанные одним супругом другому. Супруги — это граждане, обладающие полной дееспособностью, могут совершать любые сделки, не противоречащие закону. Конечно, сделки между супругами имеют свою специфику, и они должна учитываться нормами права, для реализации принципа баланса интересов сторон, в частности супругов. Тенденция разделения расход не нарушает права супругов и, можно отметить, что она направлена на защиту имущественных интересов супругов, на укрепление баланса имущественный отношений.

Открытый, неисчерпывающий перечень возможных расходов, необходимых для восстановления нарушенного права является основой для обеспечения принципа восстановления нарушенных прав. Такой подход может быть применен для реализации и защиты всех имущественных прав одного из супругов, не нарушая баланса интересов сторон.

Придание «расходам» из общего имущества супругов режима общей совместной собственности заложит основу для реализации соразмерности прав супругов при разделе общего имущества, предоставит дополнительные гарантии правовой защиты их интересов.

Библиографический список

1. *Вестов Ф.А., Фаст О.Ф.* Отдельные аспекты реализации принципа справедливости в публичном и частном праве // Основы экономики, управления и права. 2020. № 4 (23). С. 35–39.

2. *Романец Ю.В.* Принцип справедливого равенства субъектов правоотношения между собой // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 46–54.

3. *Вавилин Е.В., Волос А.А., Суровов С.Б.* Принцип защиты слабой стороны в правоотношении в гражданском праве и гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2016. № 6. С. 170–186.

4. *Баринов Н.А.* Гражданско-правовые проблемы удовлетворения имущественных потребностей советских граждан: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1987. С. 74.

5. *Барков А.В.* Цивилистическая концепция правового регулирования рынка социальных услуг. М., 2008. 493 с.

6. *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. 224 с.

7. *Максимович Л.Б.* Брачный договор в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 24 с.

8. *Нечаева А.М.* Семейное право: курс лекций. 2-е изд. М.: Юристъ, 2002. 336 с.

References

1. *Vestov F.A., Fast O.F.* Some Aspects of the Implementation of the Principle of Justice in Public and Private Law/ Fundamentals of Economics, Management and Law. 2020. No. 4 (23). P. 35–39.

2. *Romanets Yu.V.* The Principle of Fair Equality of Subjects of Legal Relations Between Themselves // Journal of Russian law. No. 7. 2010 P. 46–54.

[1] См.: Постановление от 2 июля 2013 г. по делу № А34-8566/2011. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/R3t2Gbwg2D62/ (дата обращения: 12.03.2022).

3. *Vavilin E.V., Volos A.A., Surovov S.B.* The Principle of Protection of the Weak Party in Legal Relations in Civil Law and Civil Procedure // Bulletin of Civil Procedure. 2016. No. 6. P. 170–186.

4. *Barinov N.A.* Civil Law Problems of Satisfying the Property Needs of Soviet Citizens: diss.. ... doc. of law. Saratov, 1987. P. 74.

5. *Barkov A.V.* Civilistic Concept of Legal Regulation of the Social Services Market. M., 2008. 493 p.

6. *Puginsky B.I.* Civil Law Means in Economic elations. M., 1984. P. 87.

7. *Maksimovich L.B.* The Marriage Contract in Russian Law: extended abstract dis.... cand. of law. M., 2002. 24 p.

8. *Nechaeva A.M.* Family Law: a course of lectures. 2nd ed. M.: Yurist, 2002. 336 p.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-100-107
УДК 347.9

Т.Б. Липатова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РАМКАХ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Введение: *цифровизация существенно влияет на современное развитие права, в том числе, на гражданское судопроизводство. Бесспорно, что современный технический прогресс позволяет участникам судопроизводства более эффективно достигать целей правосудия в гражданском процессе, но, с другой стороны, цифровизация заставляет трансформироваться сферы, которые годами и даже десятилетиями не подвергались серьезным изменениям. Такие нововведения могут повлиять и на основополагающие начала гражданского процессуального права.* ***Цель:*** *определение функционирования принципов гражданского процессуального права в рамках электронного правосудия.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные методы исследования, а также формально-юридический метод, с помощью которого была выявлена сущность электронного правосудия, сравнительный метод — опыт применения электронного правосудия в США, метод системного анализа в вопросе анализа процессуальных принципов и т.д.* ***Результаты:*** *обоснована позиция автора о том, что развитие электронного правосудия связано с сохранением базовых основ судопроизводства как процессуальной формы, это, в частности, гласность судопроизводства, состязательность, диспозитивность и равноправие сторон. Возможно, некоторые принципы претерпят изменения в будущем как в сторону усиления их значимости, так и в сторону уменьшения.* ***Выводы:*** *данное исследование дает основание думать, что электронное правосудие выступает особой формой реализацией правосудия, базирующейся на применении цифровых технологий, поэтому цели и задачи гражданского судопроизводства, сама гражданская процессуальная форма и ее основополагающие начала не должны видоизменяться. Несмотря на то, что принципы подвержены различным изменениям, сама система принципов остается неизменной и не должна зависть от формы осуществления правосудия. Принципы гражданского процессуального права в рамках электронного правосудия сохраняют свое действие, они не ликвидируются и не меняются.*

Ключевые слова: *электронное правосудие, цифровизация правосудия, принципы гражданского процессуального права, гражданское судопроизводство.*

© Липатова Татьяна Борисовна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ltb0707@mail.ru
© Lipatova Tatyana Borisovna, 2022
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

T.B. Lipatova

IMPLEMENTATION OF THE PINCIPLES OF CIVIL PROCEDURAL LAW IN THE FRAMEWORK OF ELECTRONIC JUSTICE

Background: *digitalization significantly affects the modern development of law, including civil proceedings. There is no doubt that modern technological progress allows participants in legal proceedings to more effectively achieve the goals of justice in civil proceedings, but, on the other hand, digitalization forces the transformation of areas that have not undergone serious changes for years and even decades. Such innovations can also affect the fundamental principles of civil procedure law.* ***Objective:*** *to determine the functioning of the principles of civil procedure law in the framework of electronic justice.* ***Methodology:*** *general scientific research methods, as well as the formal legal method, which was used to identify the essence of electronic justice, the comparative method — the experience of using electronic justice in the United States, the method of system analysis of the principles, etc.* ***Results:*** *the author substantiates the position that the development of electronic justice is associated with the preservation of the basic foundations of legal proceedings as a procedural form, in particular, the transparency of legal proceedings, adversarial nature, dispositivity and equality of the parties. It is possible that some of the principles will change in the future, both increasing and decreasing their value.* ***Conclusions:*** *this study suggests that electronic justice is only a special form of justice, which is based on the use of digital technologies, so the goals and objectives of civil proceedings, the civil procedural form itself and its fundamental principles should not be modified. Despite the fact that the principles are subject to various changes, the system of principles itself remains unchanged and should not depend on the form of administration of justice. The principles of civil procedure law in the framework of e-justice remain in effect, they are not eliminated and do not change.*

Key-words: *electronic justice, digitalization of justice, principles of civil procedure law, civil procedure.*

Цифровизация охватывает практически все сферы общественной жизни, при этом появление новых технологий требует соответствующего правового регулирования. Судебная система не остается в стороне в данном вопросе, причем внедрение новых тенденций, связанных с цифровыми возможностям, в гражданский процесс является общемировой установкой. Безусловно, каждое государство выбирает свое направление по обеспечению цифровизации гражданского судопроизводства. Что касается российской правовой системы, то процесс изменений настолько глобальный, что возникло такое понятие как «электронное правосудие».

Электронное правосудие нацелено на рассмотрение и разрешение гражданских дел посредством цифровых систем и информационных возможностей [1, с. 12]. Оно рассматривается довольно широко в рамках применения информационно-телекоммуникационных технологий для обращения в суд и подразумевает совокупность способов отправления правосудия с использованием технических средств цифровой обработки данных [2, с. 121]. В свою очередь, Н.Н. Федосеева, устанавливает, что концепция осуществления правосудия в электронном виде сопровождается исполнением субъектами судопроизводства процессуальных действий «в формате цифры» [3, с. 129]. М.Н. Зарубина, М.М. Новикова рассматривают электронное правосудие как электронную форму взаимодействия

между судом и участниками процесса, одновременно с этим допустимо личное взаимодействие участников судопроизводства [4, с. 10]. Отметим, что вышеуказанные определения не отражают конкретные признаки электронного правосудия и представляются обобщенными с точки зрения разнообразного применения спектра информационных технологий, очевидно одно, что такое правосудие невозможно без применения автоматизированных информационных систем в суде для подачи процессуальных документов, обмена информацией в цифровой форме с участниками процесса, фиксации судебных заседаний, хранения судебных решений и т.д.

Для эффективной адаптации цифровизазации в рамках гражданского судопроизводства необходимо формирование нормативной базы и создание специализированного программного обеспечения. Понятие «электронное правосудие» в тексте Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362, так, «электронное правосудие — это способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»[1]. Понятие «электронное правосудие» содержится в Концепции развития и информатизации судов до 2020 г., «электронное правосудие — система осуществления правосудия с помощью информационно-коммуникационных технологий[2]. Кроме того, в Концепции информатизации Верховного Суда Российской Федерации сосредоточены главные течения развития информатизации Верховного Суда Российской Федерации, в том числе дистанционный способ осуществления судебной деятельности, включая «правосудие онлайн»; совершенствование электронного взаимодействия Верховного Суда Российской Федерации с судами и органами государственной власти; развитие информационных систем и компонентов информационно-телекоммуникационной инфраструктуры; модернизация системы хранения данных серверной инфраструктуры Верховного Суда Российской Федерации[3]. Важным течением интеграции электронного правосудия является федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»[4]. Равным образом в текстах судебных решений можно также увидеть институт электронного правосудная, так, Белгородский районный суд рассмотрел гражданское дело по иску ООО «Хоум Кредит энд финанс Банк» к Ф. о взыскании кредитной задолженности и судебных расходов и указал, что правовую природу электронного правосудия и правомочие сторон подачи искового заявление посредством определенных систем[5].

---

[1] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующихиспользованиеинформационно-телекоммуникационныхтехнологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» (в ред. от 26 ноября 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] См.: Концепция развития информатизации судов (утверждена Постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант.

[3] См.: Концепция информатизации Верховного Суда РФ (утверждена Приказом Председателя Верховного Суда РФ от 15 февраля 2021 г. № 9-П). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[4] См.: Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе „Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы”» (в ред. от 29 декабря 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[5] См.: Решение Белгородского районного суда Белгородской области № 2-1666/2020 2-1666/2020~М-1378/2020 М-1378/2020 от 16 сентября 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Вышеперечисленное проектирует новый доктринальный этап дискуссий о принципах гражданского процессуального права, поскольку внедрение составляющих системы электронного правосудия крайне сложный процесс как с технической, так и с практической и теоретической стороны. Исходя из этого, необходимо провести анализ соотношения внедрения и развития электронного правосудия с фундаментальными принципами гражданского процессуального права.

Принципы гражданского процессуального права — это основополагающие начала гражданского судопроизводства, которые могут быть выражены в нормах права, либо доктринальных разработках. Другими словами, принципы гражданского процесса представляют собой каркас для гражданского процессуального права, а именно: все процессуальные действия, выполняемые судом и иными участниками гражданского судопроизводства должны соответствовать принципам. Отправление правосудия строится на базисных принципах, здесь задействованы все его части — стадии гражданского процесса, процессуальные действия, гражданские процессуальные правоотношения и т.д. Соответственно внедрение и развитие электронного правосудия должно строится на основополагающих началах гражданского судопроизводства, что может породить определенные трудности, в виду того, что проникновение современных электронных технологий может изменить «под цифру» или вытеснить вовсе некоторые принципы гражданского процессуального права. В теории уже существуют идеи об упразднении отдельных принципов [5, с. 41–54], либо их коренном изменении или усовершенствовании путем введения новых, например, принцип технологической информационно-коммуникационной непосредственности [6, с. 17]. Более того, есть целые исследования, в том числе диссертационные, которые посвящены принципам гражданского процессуального права в пределах электронного правосудия, к примеру, С.В. Васильчикова пишет, что электронное правосудие является процессуальной деятельностью судебного органа, которая установлена законом, в рамках осуществления правосудия в соответствии с компетенцией, где дистанционное взаимодействие с субъектами гражданского судопроизводства и бездокументарная форма передачи данных производятся с использованием соответствующих информационных технологий, при этом электронное правосудие обладает собственной системой принципов, в частности, принцип дистанционности, который используется в электронном документообороте, принцип информационной открытости правосудия, осуществляемый в рамках расширения механизмов взаимодействия с гражданами, а также обладающий спецификой по сравнению с ним принцип доступности информации о деятельности органов судебной власти, скажем, в рамках размещения в открытом доступе информации о рассматриваемых судами делах, онлайн-трансляциях заседаний судов и т.д. [7, с. 9]. А.В. Тищенко также выделяет отдельные принципы гражданского судопроизводства в рамках электронного правосудия: принцип мобильности, принцип экономичности, принцип эффективности и качественности, а также принцип прозрачности [8, с. 66]. Тем временем Ю.А. Кондюрина говорит лишь об изменениях в принципах гражданского процессуального права в связи с повсеместным введением электронного правосудия, так, автор отмечает взаимодействие электронного правосудия с принципами судопроизводства в двух направлениях: 1) сфера действия принципов гражданского процесса ограничивается; 2) принципы судопроизводства усиливаются дополнительными гарантиями [9,

с. 11–12]. Исходя из данного деления, отметим, что доступ к правосудию, с одной стороны, повышается, а с другой стороны — ограничивается для определенных категорий субъектов.

На сегодняшний день в ходе использования соответствующих процессуальных электронных форм можно наблюдать тенденцию проявления технологизации, в том числе при применении принципа состязательности сторон в вопросах доказывания. Термин «технологизация» понимается как цифровая передача закодированных данных в виде специальных импульсов[1]. Тем самым, обстоятельства, подлежащие установлению по делу, могут быть установлены с помощью определенных программ, они оптимизируют процесс реализовывая обмен данными, в том числе, такие данные могут попасть и за пределы государства, что, в свою очередь, дает почву для развития трансграничного судопроизводства. В практической деятельности технологизация реализуется путем сбора информации для принятия соответствующего решения, при этом, технические проблемы, которые могут возникнуть на практике у российских судов не должны влиять на принцип состязательности сторон, то есть, он существуют и действуют без изменений. Если обратиться к зарубежной практике, то, скажем, в США является недопустимым абсолютное применение электронного правосудия, поскольку такой процесс имеет большое количество издержек, которые не каждый готов по различным причинам реализовать. Одной из существенных проблем является проверка достоверности цифровых доказательств, которые сохранены на электронном носителе.

Согласно ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) принцип диспозитивности проявляется в свободном выборе формы подачи документов в суд:

1) электронная форма (подача электронного документа, подписанного электронной подписью, заполнение представленной на официальном сайте суда);

2) традиционная форма (бумажный носитель)[2].

Тем самым, свободное волеизъявление сторон относительно формы подачи искового заявления представляет собой уникальное право, поскольку в силу конкретных жизненных обстоятельств или недостаточности знаний и навыков работы с цифровыми данными у заинтересованных лиц может отсутствовать возможность такого доступа, а потому традиционные формы, в том числе, ознакомление с гражданским делом в общем порядке, остаются. Законодатель не закрепляет ту или иную возможность в качестве императивной нормы, поэтому нельзя говорить об ограничении принципа диспозитивности в рамках электронного правосудия. И все же, следует обратить внимание на такое понятие как «электронная дискриминация», так как несмотря на свободу выбора формы обращения в суд некоторые трудности все таки остаются, так, в связи с постоянным технологическим развитием старшее поколение граждан не способно в силу их возраста, имущественного положения или навыков работы с электронно-вычислительной машиной в полной мере реализовать свое гарантированное на доступ к правосудию. Поэтому необходимо рационально организовывать и

[1] См.: Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике. URL: https://information_society.academic.ru/ (дата обращения: 18.05.2021).

[2] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2021. № 18, ст. 3050.

обеспечивать по мере нарастания технической необходимости в законодательных актах гарантии равного доступа граждан к суду.

Таким образом, применение основных российских электронных систем — «Мой арбитр» и ГАС РФ «Правосудие» предполагает свободу выбора у заинтересованных лиц в вопросах взаимодействия с судебным органом по обмену информацией и не только. Более того, если говорить про данные системы, то здесь активно реализуется принцип гласности гражданского судопроизводства, поскольку он включает в себя не только открытость и публичность судебного разбирательства, но и ознакомление с судебными актами в сети Интернет на данных платформах, которое дает возможность в упрощенной форме отслеживать движение дела и знакомиться с актами суда по конкретному делу.

Если говорить о принципе устности в рамках функционирования электронного правосудия, в частности, он осуществляется посредством ведения судебного заседания через видео-конференц-связь, то вряд ли будет его вытеснение из гражданского судопроизводства, либо же трансформация в принцип дистанционности, под которым понимается взаимодействие суда и участников гражданского процесса с использованием информационных технологий. В соответствии с ГПК РФ использование систем видеоконференц-связи в судебном заседании возможно на любой стадии процесса субъектами, кроме случая, когда разбирательство проходит в силу ч. 6 ст. 10 ГПК РФ в закрытой форме.

Подводя итог, цифровизация открывает новые возможности для усовершенствования гражданского судопроизводства, где конечной целью является качественное, доступное и отвечающее современным потребностям общества электронное правосудие, которое призвано улучшить юридические услуги с помощью информационно-коммуникационных средств. Электронное правосудие является перспективным направлением развития судебной системы, которое обеспечит доступность и гласность для всех участников судебного процесса, а также значительно ускорит судопроизводство.

Важным моментом является то, что развитие электронного правосудия связано с сохранением базовых основ судопроизводства как процессуальной формы, это, в частности, гласность судопроизводства, состязательность, диспозитивность и равноправие сторон. Возможно, некоторые принципы претерпят изменения, так как новые технологии, безусловно, могут способствовать развитию гласности судопроизводства, независимости судей и подчинения их только закону. Изменения основополагающих начал могут произойти как в сторону усиления их значимости, так и в сторону уменьшения. Например, принцип непосредственности может получить новое содержание, ведь непосредственное восприятие информации в будущем может быть иным.

Электронное правосудие решает проблему доступности правосудия, обеспечивает дополнительную гласность судопроизводства и значительно экономит денежные средства участников процесса это, в свою очередь, положительно повлияет на формирование доверия к суду и правосудию со стороны граждан [10, с. 102]. Немаловажным является тот факт, что посредством развития электронного правосудия снижается воздействие фактора географического местоположения, так как подать иск можно, находясь за пределами своего субъекта или даже страны в силу того, что для доступа к электронным системам требуется лишь доступ к Интернету. Особенно ярко положительное влияние электронного правосудия на судебную систему было продемонстрировано в период мировой

пандемии и ограничения различных видов деятельности из-за вируса Covid-19, использование цифровых технологий позволило отечественным судам безопасно для здоровья граждан разрешить множество правовых споров.

Постоянное развитие гражданского судопроизводства немыслимо без взаимодействия с цифровизацией жизнедеятельности общества, а потому необходимо и дальше более детально рассматривать вопросы применения новых форм ведения гражданского судопроизводства. Кроме того, нецелесообразно говорить об исчезновении фундаментальных принципов гражданского процессуального права, поскольку в виду специфики опосредованной формы выражения процессуальной информации и взаимодействия участников трансформируется и их путь реализации на каждом этапе правосудия. Другими словами, в случае закрепления законодателем императива на подачу документов в электронном виде возникает необходимость в обеспечении равного и стабильного для всех систем электронного правосудия доступа, поскольку возникающие ограничения вследствие проживания субъектов права в отдаленной местности, их имущественных возможностей и навыков работы с цифровыми документами могут быть явными причинами невозможности в полном объеме реализовывать свои права и обязанности как сторон процесса. Тем не менее, электронное правосудие представляет собой лишь особую форму осуществления судопроизводства, которая базируется на применении цифровых технологий, поэтому цели и задачи гражданского судопроизводства, сама гражданская процессуальная форма и ее основополагающие начала не должны видоизменяться. Хотя принципы и подвержены различным изменениям, сама система принципов остается неизменной и не должна зависть от формы осуществления правосудия. Таким образом, принципы гражданского процессуального права сохраняют свое действие, они не ликвидируются и не меняются, кроме того, само электронное правосудие вряд ли может содержать в себе новые принципы судопроизводства, ведь сама сущность правосудия не меняется, однако, не стоит недооценивать преимущества электронного правосудия, так как с развитием и внедрением цифровизация в гражданское судопроизводство реализация принципов только усилилась дополнительными гарантиями.

Библиографический список

1. *Аносов А.В.* Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 25 с.

2. *Носков И.Ю.* Внедрение электронного правосудия как важнейшее направление совершенствования судебной системы Российской Федерации // Современное право. 2011. № 10. С. 120–123.

3. *Федосеева Н.Н.* Электронное правосудие в России: сущность, проблемы, перспективы // Администратор суда. 2008. № 3.

4. *Зарубина М.Н., Новикова М.М.* К вопросу о сущности электронного правосудия в Российской Федерации // Администратор суда. 2017. № 1. С. 9–12.

5. *Гиллес П.* Электронное судопроизводство и принцип устности // Российский юридический журнал. 2011. № 3. С. 41–54.

6. *Митрофанова М.А.* Электронные доказательства и принцип непосредственности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 28 с.

7. *Василькова С.В.* Электронное правосудие в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 25 с.

8. *Тищенко А.В.* Электронное правосудие: судебное реформирование к 2020 году // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 65–69.

9. *Кондюрина Ю.А.* Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 25 с.

10. *Денисов И.С.* Развитие электронного правосудия в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С. 101–104.

References

1. *Anosov A.V.* Information and legal issues of the formation of electronic justice in the Russian Federation: abstract of the dis. … cand. of law. Moscow, 2016. 25 p.

2. *Noskov I.Yu.* Introduction of electronic justice as the most important direction of improving the judicial system of the Russian Federation / / Modern law. 2011. No. 10. P. 20–123.

3. *Fedoseeva N.N.* Electronic justice in Russia: essence, problems, prospects / / Administrator of the court. 2008. No. 3.

4. *Zarubina M.N., Novikova M.M.* On the issue of the essence of a court decision in the Russian Federation // Court administrator. 2017. No. 1. P. 9–12.

5. *Gilles P.* Electronic court proceedings and the principle of oral proceedings // Russian Law Journal. 2011. No. 3. P. 41–54.

6. *Mitrofanova M.A.* Electronic evidence and the principle of immediacy in the arbitration process: abstract of the dis. … cand. of law. Saratov, 2013. 28 p.

7. *Vasilkova S.V.* Electronic justice in the civil process: abstract of the dis. … cand. of law. Saratov, 2018. 25 p.

8. *Tishchenko A.V.* Electronic justice: judicial reform by 2020 // Law and order: history, theory, practice. 2018. No. 4 (19). P. 65–69.

9. *Kondyurina Yu.A.* Principles of civil procedure in the electronic justice system: abstract of the dis. … cand. of law. Saratov, 2020. 25 p.

10. *Denisov I.S.* The development of electronic justice in Russia // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (77). P. 101–104.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-108-115
УДК 347.9

В.С. Ланина

ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА СВИДЕТЕЛЯ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: *свидетель, как субъект гражданского судопроизводства, играет важную роль в сфере судебного доказывания, поскольку одним из средств доказывания выступают показания свидетелей — сообщение определенных сведений о фактах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения гражданского дела судом. Для того чтобы углубиться в вопрос сущности свидетельских показаний, необходимо проанализировать становление статуса свидетеля в судебном процессе, проследить его эволюцию начиная с древних времен и до наших дней.* ***Цель:*** *исследование появления и развития статуса свидетеля в российском гражданском процессе.* ***Методологическая основа:*** *использованы общенаучные методы исследования, в частности формально-юридический метод, с его помощью определено понятие свидетеля, исторический метод проявляется в исследовании статуса свидетеля начиная с Киевской Руси до настоящего времени, метод системного анализа проявляется в анализе прав и обязанностей свидетеля в гражданском процессе и т.д.* ***Результаты:*** *универсальность, наглядность, оперативность и доступность свидетельских показаний сделали данный вид доказательств распространенным не только в ранние периоды развития права и государства, но и в современном мире.* ***Выводы:*** *настоящее исследование позволяет сделать вывод о том, что статус свидетеля сформировался еще во времена действия Русской Правды, а сами свидетельские показания являются одним из самых древних средств доказывания. В самые разные исторические периоды статус свидетеля подвергался серьезным изменениям, это, в первую очередь, касалось положения таких лиц в обществе, наличия или отсутствия взаимоотношений со сторонами в процессе, прав и обязанностей свидетеля, процедуры допроса свидетелей, ограничения или недопущения свидетелей к участию в гражданском процессе, а также оценки свидетельских показаний судом.*

Ключевые слова: *гражданское судопроизводство, доказывание, доказательства, свидетель, свидетельские показания, допрос свидетеля.*

V.S. Lanina

EVOLUTION OF THE WITNESS STATUS IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: *a witness as a subject of civil proceedings plays an important role in the field of judicial evidence, since one of the means of proof is the testimony of witnesses - the communication of certain information about facts relevant to the consideration and resolution of a civil case by the court. In order to delve into the issue of the essence of witness testimony, it is necessary to analyze the status of the witness in the trial, to trace its evolution from ancient times to the present day.* ***Objective:*** *to study the emergence*

© Ланина Валерия Сергеевна, 2022
Соискатель кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vLanina2009@yandex.ru
© Lanina Valeria Sergeevna, 2022
Candidate of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

and development of the witness status in the Russian civil process. ***Methodology:*** *general scientific research methods were used, in particular the formal legal method, with its help the concept of a witness was defined, the historical method is manifested in the study of the status of a witness from Kievan Rus to the present, the method of system analysis is manifested in the analysis of the rights and obligations of a witness in civil proceedings, etc.* ***Results:*** *universality, visibility, efficiency and accessibility of witness testimony made this type of evidence widespread not only in the early periods of the development of law and the state, but also in the modern world.* ***Conclusions:*** *the present study allows us to conclude that the witness status was formed during the time of the Russian Truth, and the testimony itself is one of the most ancient means of proof. In a variety of historical periods, the status of a witness has undergone serious changes, this primarily concerned the position of such persons in society, the presence or absence of relationships with the parties in the process, the rights and obligations of a witness, the procedure for questioning witnesses, the restriction or exclusion of witnesses to participate in civil proceedings, as well as the assessment of witnesses testimony by the court.*

Key-words: *civil proceedings, proof, evidence, witness, witness testimony, witness interrogation.*

На протяжении длительного времени статус свидетеля развивался и менялся в зависимости от установок судопроизводства в конкретном временном периоде. Сами же показания свидетелей являются наиболее традиционным видом доказательств, еще со времен Киевской Руси они активно использовались при разрешении житейских вопросов и споров, в первую очередь это связано с отсутствием определенных технических возможностей на первых этапах развития судопроизводства, поэтому письменные и иные доказательства стали применяться гораздо позже.

В тексте сборника правовых норм Русской Правде [1, с. 104–116] было указано несколько видов свидетельских показаний, которые зависели от статуса свидетеля — свидетельства видока и послуха, где видок являлся непосредственно очевидцем событий, а послух лишь слушателем некоторых фактов о деле. Причем законодательством определялось количество свидетелей для различных категорий дел, скажем, при краже необходимо было наличие двух послухов, в случае возмещения вреда от убийства свидетельствовать должны семь послухов и т.д. [2, с. 717]. Также особое значение имело не только количество свидетелей, но и их «качество», а именно кем был свидетель, что играло важную роль для суда, так, свидетелем должен был быть свободный человек мужского пола, поскольку женщина свидетельствовать в суде, как правило, не могла. К слову, в отношении свидетелей всегда существовали определенные требования, например, в римском праве были следующие условия: интеллектуальная и физическая составляющая; отсутствие возможности дачи показаний против себя и близких родственников [3, с. 30]. Свидетель как субъект судопроизводства формировался в условиях неравенства между богатыми и бедными, свободными и рабами, тем самым, суд для заслушивания по делу приглашал людей достойных, слова которых нельзя подвергать сомнению [4, с. 159]. Исходя из такого положения дел формировалась оценка свидетельских показаний, то есть юридическая сила таких доказательств напрямую зависела от статуса самого человека, является он свободным или нет. Градация была следующая: свободные люди, закупы (категория зависимого населения в Древней Руси), рабы (только в случаях, когда

среди свидетелей не было юридически свободного человека). Были некоторые особенности, если свидетель имел достойный статус в обществе, например, был чиновником, его показания расценивались как показания нескольких свободных людей. Кроме того, Русская Правда устанавливала ответственность за ложные показания свидетеля перед судом, была установлена присяга, которая являлась неотъемлемым атрибутом процесса.

Позже Судебники 1497 г. [5] и 1550 г. [6] закрепили новый стандарт доказывания в виде состязательности процесса. Данная модель была несколько ближе к современной, потому как все бремя доказывания ложилось на плечи сторон, они сами определяли круг доказательств, требования истца сопровождались откликом ответчика, расширились полномочия суда по установлению фактических обстоятельств дела, суд мог требовать объяснения сторонами интересующего факта. Соответственно судебные показания могли применяться не только сторонами, но и по инициативе суда.

Следующим нормативным источником определения правового положения свидетеля и условий получения свидетельских показаний стало Соборное уложение 1649 г.[1], в данном акте прослеживалась тенденция к ограничению участия свидетелей, особенно если такие лица имели родственные отношения со стороной, дружественные связи или, наоборот, враждебные, иными словами, определенные взаимоотношения порождали сомнения у суда в достоверности показаний, как следствие был реализован отвод свидетелей.

В дальнейшем Устав гражданского судопроизводства 1864 г[2]. окончательно установил состязательную форма процесса и принцип свободной оценки доказательств, который означает, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, поскольку важность доказательств предопределяется на усмотрение судьи в каждом конкретном случае. Все же сохранялись ограничения в допуске свидетелей. Случилась первая попытка предусмотреть основания, в рамках которых лица, приглашаемые в качестве свидетелей, имели право отказаться от дачи показаний. Сформировались правила вызова, допроса, отвода свидетелей и допустимости свидетельских показаний.

В официальном письме Министерства юстиции от 10 января 1877 г. № 261, содержалась информация о требованиях, предъявляемых к свидетелям и случаи категорического отстранения от дачи показаний [7, с. 76]. Свидетелями могли быть лица, которые не заинтересованы в исходе дела, отвод свидетеля строго аргументировался, свидетельские показания относились к средствам доказывания наряду с собственным признанием, письменными и вещественными доказательствами, также существовали возрастные ограничения.

В свое время Е.В. Васьковский сформулировал перечень лиц (возможных свидетелей), которых судья не может допросить в процессе:

1) лица, в отношении которых суд обладает информацией о том, что они не имеют сведений о необходимых обстоятельствах (физически или умственно неполноценные граждане);

2) лица, которые не в состоянии передать соответствующие сведения суду, поскольку не могут объясниться ни на словах, ни письменно;

[1] См.: Соборное уложение от 29 января 1649 г. (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] См.: Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

3) лица, показания которых не заслуживают доверия или ввиду их близких отношений к сторонам (показания детей или родителей в отношении друг друга) или ввиду душевной болезни (лица, имеющие какие-либо расстройства);

4) духовные лица (сведения, полученные во время исповеди [8, с. 260–261].

Приведенный Е.В. Васьковским перечень стал институтом процессуального права — прообразом свидетельского иммунитета, который в настоящее время представляет собой исключения из общего правила получения свидетельских показаний; иммунитет в отношении отдельных свидетелей и их показаний обозначают также исключением из принципа состязательности [9, с. 288–289].

Следующий этап развития статуса свидетеля связан с глобальным изменением государственного строя в 1917 году. Законодатель устранил все разграничивающие условия оценки свидетельских показаний, закрепив лишь несколько оговорок, во-первых, процессуальный признак, который выражался в отсутствии юридической заинтересованности в исходе дела, во-вторых, признак физического или психического здоровья. Однако с принятием первого кодекса — Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г[1]. ситуация несколько изменилась, был четко сформирован перечень средств доказывания в гражданском процессе, а именно объяснения сторон, осмотр на месте, вызов экспертов, вызов и допрос свидетелей, проверка письменных документов. В гражданском судопроизводстве преобладал принцип объективной истины, который включал, по мнению М.А. Гурвича, требование, в силу которого суд обязан принять все меры к достоверному установлению всех обстоятельств дела и правоотношений, от которых зависит вынесение законного и обоснованного решения суда [10, с. 100]. Опираясь на это, суд по собственной инициативе реализовывал любые действия по сбору судебных доказательств, в частности, вызвал свидетелей по делу. Очевидно, что в советское время суд играл главенствующую и активную роль в судебном процессе.

Процессуальный закон закреплял, что свидетельские показания применяются всегда (за исключением установленной обязательной письменной формы к договорам, актами и др.), более того, у свидетеля не было возможности освободиться от дачи показаний (за исключением, если речь идет о государственной или служебной тайне). Соответственно допросу в качестве свидетелей подлежали все лица, кроме двух исключений, независимо от наличия или отсутствия родственных взаимоотношений. Тем не менее, существовал институт отвода свидетелей, сторона могла обосновать отвод и на усмотрение суда свидетель мог быть не допрошен. Заметим, что институт отвода в настоящее время к свидетелям не применяется.

Важным моментом отмечалось обеспечение явки свидетелей в зал судебного заседания через систему штрафов. Так, за первую неявку свидетель должен был заплатить штраф в размере от 3 до 10 руб., а при повторной неявке — подлежал приводу и штрафу в двойном размере. В случае отказа дачи показаний свидетель также должен был заплатить штраф в размере от 10 до 50 руб. В свою очередь, свидетель имел право на возмещение расходов, связанных с явкой в суд, а свидетели без места работы мог потребовать выплату вознаграждения.

[1] См.: Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С появлением Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. сформировалось понятие свидетеля, ст. 61 регламентировала, что свидетелем может быть любое лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, относящиеся к делу[1]. При этом в качестве свидетелей не могли быть вызваны и допрошены: представители по гражданскому делу или защитники по уголовному делу — об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя или защитника; лица, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать факты или давать о них правильные показания.

Современный период формирования статуса свидетеля датируется принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. и позже Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации 2002 г. (далее — ГПК РФ)[2]. Согласно ст. 69 ГПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. Не подлежат допросу в качестве свидетелей: представители по гражданскому или административному делу, или защитники по уголовному делу, делу об административном правонарушении, или медиаторы, судебные примирители — об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением обязанностей представителя, защитника или медиатора, судебного примирителя; судьи, присяжные или арбитражные заседатели — о вопросах, возникавших в совещательной комнате в связи с обсуждением обстоятельств дела при вынесении решения суда или приговора; священнослужители религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, — об обстоятельствах, которые стали им известны из исповеди; арбитр (третейский судья) — об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третейского разбирательства). Как можно заметить на сегодняшний день перечень лиц, которые не могут допрашиваться, гораздо шире, чем в ранее указанных актах, это не случайно, потому как появление новых институтов в праве повлекло за собой его расширение. К примеру, внедрение альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника повлияло на включение в список медиатора, а развитие третейского разбирательства — третейского судьи и т.д.

ГПК РФ устанавливает право определенных лиц отказаться от дачи свидетельских показаний в суде (гражданин против самого себя, супруг против супруга, дети против родителей, братья, сестры друг против друга, дедушка, бабушка против внуков и т.д.), с введением уполномоченных лиц в различных сферах, такие лица также были включены в этот список — Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации и Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации — в отношении сведений, ставших им известными в связи с выполнением своих обязанностей.

---

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. (утратил силу). Доступ из справ-правовой системы «Гарант».

[2] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 1, ч. I, ст. 42.

При этом в отношении каждого субъекта иммунитета, за исключением субъектов дипломатического иммунитета, существует строго очерченный круг сведений, подпадающих под иммунитет [11, с. 140].

Свидетели наделяются определенными признаками, которые определяют его статус:

1) свидетель располагает определенными сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела;

2) свидетель является не заинтересованным лицом в разрешении дела;

3) свидетель получает информацию об относимых к делу фактах не в процессуальном порядке, а в силу сложившихся обстоятельств;

4) свидетель воспринимает факты, имеющие значение для дела, непосредственно или получает соответствующие сведения о них из известных источников;

5) свидетель в установленном законом порядке вызывается в суд для дачи свидетельских показаний.

Признак, который связан с отсутствием заинтересованности свидетеля, подтверждается практикой суда. Так, А. обратилась в Шиловский районный суд Рязанской области с иском к Р. о компенсации морального вреда, расходов и убытков в связи с повреждением здоровья. В судебном разбирательстве был допрошен свидетель Н., однако было установлено, что указанный свидетель является соседом истца и они имеют дружеские взаимоотношения, что ставит под сомнение объективность изложенных данным свидетелей фактов[1]. Тем самым, суд при рассмотрении и разрешении гражданского дела, где применяется допрос свидетелей, всегда поднимает вопрос о наличии или отсутствии заинтересованности с его стороны.

Процессуальный статус свидетеля также определяется совокупностью установленных законом его прав и обязанностей. Ст. 70 ГПК РФ определяет, что лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться в суд в назначенное время и дать правдивые показания, в силу определенных причин (болезнь, старость, инвалидность и др.) свидетель может быть допрошен в месте своего пребывания, с помощью института судебных поручений. Свидетель несет ответственность за дачу заведомо ложного показания и за отказ от дачи показаний. Также свидетель имеет право на возмещение расходов, связанных с вызовом в суд, и на получение денежной компенсации в связи с потерей времени.

Отметим, что современные реалии и развитие электронного правосудия позволяют осуществлять допрос свидетелей с помощью систем видео-конференц-связи. Видео-конференц-связь рассматривается как способ осуществления процессуальных действий, предусмотренных законом, с использованием программно-технических средств передачи аудио- и видеоинформации по каналам связи с одним или несколькими абонентами[2]. Заслушивание свидетельских показаний с помощью технических средств в науке вызывает множество дискуссий. По мнению Ю.В. Мироновой, применение видео-конференц-связи имеет ряд технических проблем и не всегда реализуется, а у свидетелей как лиц, содействующих осуществлению правосудия, нет права отказаться от участия в процессе, а значит, и в применении таких информационных систем [12, с. 66–67].

[1] См.: Решение Шиловского районного суда Рязанской области № 2-23/2021 от 19 марта 2021. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 21.02.2022).

[2] См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2015 г. № 401 «Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний». Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

Эта проблема крайне важна, так как судебное заседание с использованием систем видео-конференц-связи предполагает присутствие свидетелей в помещении суда по месту жительства, месту пребывания или месту их нахождения, фактически это означает, что свидетель участвует в судопроизводстве посредством видео-конференц-связи только находясь в здании суда. Однако Федеральным законом от 30 декабря 2021 № 440-ФЗ[1], были внесены изменения в ГПК РФ относительно участия в процессе субъектов гражданского процесса, в частности, свидетеля, так, с помощью веб-конференции обеспечивается присутствие в судебном заседании посредством онлайн-встречи, находясь при этом в офисе или дома с применением единой биометрической системы.

Таким образом, исторический анализ позволяет отметить, универсальность, наглядность, оперативность и доступность свидетельских показаний сделали данный вид доказательств распространенным не только в ранние периоды развития права и государства, но и в современном мире. В самые разные временные отрезки статус свидетеля подвергался серьезным изменениям, это касалось вопросов значимости таких лиц в обществе, взаимоотношений со сторонами в процессе, прав и обязанностей свидетеля, процедуры допроса свидетелей, ограничения или недопущения свидетелей к участию в гражданском процессе.

Статус свидетеля раскрывается через его специальные признаки относительно наличия определенных сведений об обстоятельствах дела, отсутствия заинтересованности в исходе дела, способа получения информации, восприятия фактов, имеющих значение для дела, порядка вызова и допроса. Современный гражданский процесс внес много корректировок не только в само определение статуса свидетеля, его иммунитетов, но и в форму его участия посредством цифровых технологий.

Библиографический список

1. *Меркулов В.И.* Русская Правда и истоки древнерусского права // Русин. 2014. № 2 (36). С. 104–116.

2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.

3. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов; пер. с лат. А.И. Солопова, Д.А. Литвинова, Л.Л. Кофанова [и др.]. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. 622 с.

4. *Ветрила Е.В.* К вопросу о правосубъектности свидетеля // Вопросы российского и международного права. 2016. № 8. С. 157–165.

5. Памятники русского права. М.: Юридическая литература, 1952. 287 с.

6. *Осипян Б.А.* Судебник 1550 года, Домострой и иные уставные царские грамоты и указы как законодательное проявление особенностей святорусского правосознания // История государства и права. 2012. № 17. С. 14–20.

7. *Чистяков О.И.* Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1991. Т. 8: Судебная реформа. 495 с.

8. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса / под ред. и с пред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 464 с.

9. *Исаенков А.А, Исаенкова О.В.* Исключения в российском гражданском судопроизводстве // Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2018. Вып. 3. С. 288–300.

[1] См.: Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 1, ч. I, ст. 9.

10. *Гурвич М.А.* Принцип объективной истины советского гражданского процессуального права // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 98–107.

11. *Исаенков А.А.* Свидетельские иммунитеты в российском гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 139–143.

12. *Миронова Ю.В.* Реализация принципов гражданского процессуального права при использовании систем видеоконференц-связи: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 239 с.

References

1. *Merkulov V.I.* Russkaya Pravda and the origins of Old Russian law // Rusin. 2014. No. 2 (36). P. 104–116.

2. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Moscow: Publishing House "Territory of the Future", 2005. 800 p.

3. Digests of Justinian / ed. by L.L. Kofanov; translated from Latin by A.I. Sokolova, D.A. Litvinova, L.L. Kofanova [et al.]. 2nd ed., ispr. M.: Statute, 2008. 622 p.

4. *Vetrila E.V.* On the question of the legal personality of a witness // Issues of Russian and international law. 2016. No. 8. P. 157–165.

5. Monuments of Russian law. Moscow: Legal Literature, 1952. 287 p.

6. *Osipyan B.A.* Sudebnik of 1550, Domostroy and other statutory royal charters and decrees as a legislative manifestation of the features of the Holy Russian legal consciousness // History of the state and law. 2012. No. 17. P. 14–20.

7. *Chistyakov O.I.* Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. M.: Legal Literature, 1991. Vol. 8: Judicial reform. 495 p.

8. *Vaskovsky E.V.* Textbook of civil procedure / ed. and with prev. V.A. Tomsinova. M.: Zertsalo, 2003. 464 p.

9. *Isaenkov A.A., Isaenkova O.V.* Exceptions in Russian civil proceedings // Problems of civil law and process: collection of scientific articles; editor: I.E. Martynenko (Chief Editor) [et al.]. Grodno: GrSU, 2018. Issue 3. P. 288–300.

10. *Gurvich M.A.* The principle of objective truth of Soviet civil procedural law // The Soviet state and law. 1964. No. 9. P. 98–107.

11. *Isaenkov A.A.* Witness immunities in the Russian civil process // Bulletin of the Saratov State Legal Academy. 2015. No. 6 (107). P. 139–143.

12. *Mironova Yu.V.* Implementation of the principles of civil procedural law when using videoconferencing systems: dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 2021. 239 p.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-116-125
УДК 343.97

Е.В. Демидова-Петрова

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Введение: *возникновение Интернета, онлайн-пространства, динамичное распространение и развитие новых взаимоотношений, общения в онлайн социальных сетях, дает основание предположить о формировании новой «жизни» в социальных сетях. Появление подобных социальных сетей оказало и продолжает оказывать значительное влияние на все сферы жизни современного человека. Категория граждан несовершеннолетнего возраста не становятся исключением. Одними из основных участников и потребителями социальных сетей являются именно лица, не достигшие своего совершеннолетия. Социальные сети, обладая значительным массивом информации различного содержания, становятся благоприятной средой для зарождения социально-негативной направленности, и в дальнейшем, формирования преступного поведения среди несовершеннолетних.* ***Цель:*** *исследование онлайн-социальных сетей и оказываемого ими влияния на преступность лиц несовершеннолетнего возраста.* ***Методологической основой*** *настоящей статьи явился диалектический метод научного познания. При написании данной работы, также применялись общенаучные методы познания: историко-правовой, моделирование, системно-структурный анализ, обобщение, сравнение, аналогия, а также частнонаучные методы познания: аналитическим обследованием, социологическим исследованием.* ***Результаты:*** *предложены результаты проведенного авторского исследования (опрос осужденных несовершеннолетних; лиц несовершеннолетнего возраста, проходящих обучение в учебных заведениях для получения общего образования (в школах) Российской Федерации; сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних МВД России.* ***Выводы:*** *отмечено, что социальные сети оказывают негативное влияние на формирование и развитие несовершеннолетних. Значительное количество современных детей проводят свое свободное время в интернет-пространстве, в социальных сетях. Основная причина пребывания несовершеннолетнего в соцсетях заложена в существующих проблемах в реальной (офлайн) жизни.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, преступность, опасный контент, предупреждение преступности, интернет пространство, социальная сеть.*

© Демидова-Петрова Елизавета Викторовна, 2022
Доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, начальник кафедры уголовного процесса (Казанский юридический институт Министерства внутренних дел России); e-mail: demidova.liza@gmail.com
© Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna, 2022
Doctor of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of Criminal Procedure (Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

E.V. Demidova-Petrova

SOCIAL NETWORKS AND THEIR IMPACT ON JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN RUSSIA

Background: *the emergence of the Internet, online space, the dynamic spread and development of new relationships, communication in online social networks, suggests the formation of a new "life" in social networks. The emergence of such social networks has had and continues to have a significant impact on all spheres of modern life. The category of citizens of minor age does not become an exception. One of the main participants and consumers of social networks are people who have not reached their maturity. Social networks, having a significant array of information of various contents, become a favorable environment for the emergence of a socially negative orientation, and in the future, the formation of criminal behavior among minors.* ***Objective:*** *to study online social networks and their impact on juvenile delinquency.* ***Methodology:*** *the dialectical method of scientific cognition. When writing this work, general scientific methods of cognition were also used: historical and legal, modeling, system-structural analysis, generalization, comparison, analogy, as well as private scientific methods of cognition: analytical survey, sociological research.* ***Results:*** *the results of the author's research are proposed (a survey of convicted minors; persons of minor age who are studying in educational institutions for general education (in schools) of the Russian Federation; employees of juvenile affairs units of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* ***Conclusions:*** *it is noted that social networks have a negative impact on the formation and development of minors. A significant number of modern children spend their free time in the Internet space, in social networks. The main reason for a minor's stay in social networks lies in the existing problems in real (offline) life.*

Key-words: *juvenile, crime, dangerous content, crime prevention, Internet space, social network.*

Преступность лиц несовершеннолетнего возраста на всем протяжении развития отечественной науки криминологии привлекала и продолжает привлекать особое внимание ученых.

Естественно, отдельному рассмотрению подлежали свойственные данному виду преступности особенности:

1) теоретико-методологические подходы к исследованию данного вида преступности;

2) специфика ее проявлений;

3) особенности, связанные с возрастом;

4) свойства и характеристики личности несовершеннолетних преступников;

5) комплекс причин и условий, основные факторы, оказывающие влияние на преступность лиц несовершеннолетнего возраста;

6) особенности и характеристики существующих общественных отношений, одними из участников которых являются лица несовершеннолетнего возраста (общественные отношения, которые подлежат охране);

7) особенности реализуемых мер и основных субъектов предупреждения преступности лиц несовершеннолетнего возраста;

8) иные значимые характеристики преступности лиц несовершеннолетнего возраста, отражающие важные, в части криминологического познания рассматриваемого вида преступности данные.

Важно отметить, что в учебно-теоретическом направлении одним из первых, кто отметил важность и актуальность, а также представил теоретико-методологическое видение проблемных аспектов познания предупреждения преступности несовершеннолетних, был профессор Г.М. Миньковский [1, с. 124–164; 2, с. 163–176; 3, с. 212–226]. Он изложил свою позицию в главе «Преступность несовершеннолетних и молодежи» в учебнике «Криминология», [4] что особенно подчеркнуло остроту и неоспоримую актуальность подобной темы познания.

Ученым Н.С. Фатхуллиным были выделены ряд значимых направлений среди преступности лиц несовершеннолетнего возраста. Так, было отмечено, что совершенные преступные деяния среди рассматриваемой категории граждан, характеризуются не только количественным ростом, но и жестокостью к жертве, проявлением цинизма, аморальность. Все это свидетельствовало о появлении нового типа личности, основной чертой которого становится бездуховность [5, с. 43]. Так, в качестве одного из подходов к исследуемой проблеме обратимся и к точке зрения профессора Л.М. Прозументова, который говорил, о том что преступность несовершеннолетних это не только насущная государственная и общественная проблема, но и стратегическая угроза безопасности страны в будущем. Также, по мнению ученого, эта социальная проблема указывает на существование негативных тенденций совокупность которых усугубляет неблагоприятные социальные последствия. Отмечено и то, что при нынешних мерах противодействия возможно рассматривать данный вид преступности в качестве одной из важнейших социально-правовых проблем всего российского общества [6, с. 3].

Криминологи В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева, в свою очередь, характеризовали преступность следующим образом: «Преступность несовершеннолетних представляет собой сложную, многоэлементную систему, которая включает в себя количественные и качественные характеристики, имеет территориальные особенности. Также преступность несовершеннолетних является частью других видов преступности, а именно: умышленной и неосторожной, женской и пенитенциарной, корыстной и насильственной. Данный вид преступности является своеобразной кадровой базой развития организованной и профессиональной преступности» [7, с. 159]. Нам представляется, что указанную позицию нужно дополнить и тем, что преступность лиц несовершеннолетнего возраста является также и частью рецидивной преступности. Характеризуя рассматриваемой вид преступности В.В. Попандопуло писал: «Преступность несовершеннолетних представляет не только насущную государственную и общественную проблему, но и стратегическую угрозу безопасности России в будущем» [8, с. 3]. Автором А.В. Лысенко еще более 10 лет назад были отмечены происходящие процессы увеличения масштабов преступности лиц несовершеннолетнего возраста, возрастание степени общественной опасности, а также возникновение новых форм преступного поведения [9, с. 3].

Сегодня рассуждая об особенностях присущих современной преступности несовершеннолетних, Е.Е. Панфилов, в контексте исследования криминализации лиц несовершеннолетнего возраста, выявил и описал в своем диссертационном исследовании: «Новое криминологическое звучание приобретает массовое распространение в молодежной среде криминальной субкультуры, включение подростков в деструктивные интернет-сообщества, влияющие на выработку у

несовершеннолетних стойких антисоциальных установок, нередко приводящих к совершению преступлений» [10, с. 4].

Так, по своим масштабам прослеживается внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни современного человека. Подобное распространение оказывает значительное влияние на социальную адаптацию всех категорий граждан, при этом значимая роль подобных технологий усматривается именно в процессе социализации, формирования личности, развития лиц несовершеннолетнего возраста.

Нужно сказать, что на фоне возможностей интернет-пространства, как в одном из основных современных институтов социализации личности, в разы возрастают негативные влияния оказываемых на лиц несовершеннолетнего возраста (психологическое самочувствие, эмоциональную стабильность, а также формирование противоправных, криминогенных взглядов и установок, избираемой модели поведения). В данном контексте следует указать и на то, что особую тревогу вызывают риски, связанные с использованием интернет-пространства, в частности, социальных сетей для вовлечения лиц несовершеннолетнего возраста в организации, носящие экстремистский характер [11, с. 476–486; 12, с. 26–28; 13, с. 19–26].

В криминологической литературе, по справедливой оценке ряда авторов, затрагивая такой аспект, как информационное взаимодействие внутри социума, человечество за всю историю своего развития, прошло несколько этапов, которые возможно описать как «информационные революции»:

1) возникновение письменности;

2) эпоха книгопечатания;

3) дистанционная доставка информации (телеграф, телефон, телерадиовещание);

4) формирование интернет-пространства, онлайн-социальной среды и, как следствие — глобальных информационных сетей.

Естественно, что каждый из приведенных этапов привносил качественно-количественные изменения социальной реальности практически всех категорий граждан.

При этом следует подчеркнуть, что только с возникновением и развитием интернет-пространства, онлайн-среды, социальных сетей — все человечество столкнулось с новой, ранее не существовавшей проблемой: формирование социальных связей для которых стало не важно где находится территориально индивид, географическое место его расположения, социальные связи не имеют территориальных границ, не контролируются, возможно и анонимное распространение информации различного содержания. При этом также и не утрачивают свою актуальность и те факторы, обусловливающие противоправное, преступное поведение, которые играли значительную роль и до распространения глобальных информационных сетей, а с их появлением только усилившиеся [14, 66 с.].

Говоря о социальных сетях, и значительном коммуникативном потенциале, в них заложенном, хочется привести следующую цитату: «Человек — социальное существо, его жизнь и развитие невозможны без общения и взаимодействия с людьми» [15, с. 6]. Таким образом, феномен социальных сетей уже давно вызывает интерес у исследователей, представителей разных отраслей науки: юристов-правоведов, экономистов, социологов, педагогов, психологов, философов, культурологов.

Если рассмотреть термин «социальная сеть», то история его возникновения уходит в 1954 г., еще до возникновения интернет-пространства и социальных сетей. Данный термин был введен в оборот Джеймсом Барнсом социологом из «Манчестерской школы». На тот момент подобное явление, было, растолковано следующим образом: «Социальная сеть — это социальная структура, состоящая из группы узлов, которыми являются социальные объекты и социальные взаимоотношения между ними»[1]. В 1969 г., с возникновением интернет-пространства, указанная научная концепция стала набирать популярность, что явилось одним из основ развития социальных сетей во всемирной сети. Так, М.М. Данина и А.А. Шаляпин предложили следующий подход к определению социальных сетей:

1) социальные сети выступают в качестве объекта исследования таких наук, как социология, социальная психология, философия, а также ряда разделов математики;

2) возникший в интернет-пространстве новый «мир», который оказал значительное влияние на все сферы жизнедеятельности человека, включенного в процесс развития информационно-коммуникационных технологий [16, с. 16].

Поддерживая мысль, высказанную М.М. Даниной и А.А. Шаляпиным, автор С.В. Кураева писала о социальных сетях (сообществах) как об объекте социологического исследования. С.В. Кураева определила социальные сети как сложное и многоуровневое явление. Указанное справедливо определяет множество предметных свойств характерных феномену социальных сетей. Таким образом, становится возможным выделить:

1) цели и мотивы присутствия лица в социальных сетях;

2) самовыражение, самопрезентация в них индивида;

3) избираемые способы и частота коммуникации (формирующаяся «зависимость» от общественного мнения в онлайн социальных сетях (мнений «друзей», мнений «друзей друзей»);

4) характер, качественно-количественные характеристики устанавливаемых связей, норм, ценностей, правил внутри онлайн групп, формирующихся в социальных сетях [17, с. 39].

Опираясь на отмеченные данным автором свойства, особенности, присущие онлайн-социальным сетям, и в частности, социальным нормам, которые формируются именно в подобных социальных сетях, становится актуальной позиция, описанная еще в 80-ых годах прошлого столетия, в своих научных трудах профессором В.Н. Кудрявцевым.

Так, В.Н. Кудрявцев говорил об особенностях и важности социальных норм: «Социальная норма закрепляет большей частью такое поведение, которое выражает типичные социальные связи и отношения, характерно для большинства представителей данного класса или социальной группы, одобряется ими и встречается наиболее часто» [18, с. 14]. Данная точка зрения затрагивала на тот момент жизнь индивидов офлайн. На сегодняшний же день, это воззрение обладает не меньшей актуальностью, также и в отношении «жизни» лиц в сети Интернет.

Вне всякого сомнения, что на нынешнем этапе развития общества достаточно сложно в полном объеме характеризовать роль и значение интернет-простран-

[1] История социальных сетей: появление и развитие. SciencePop. URL: https://sciencepop.ru/istoriya-sotsialnyhsetej-poyavlenie-i-razvitie/ (дата обращения: 24.10.2020).

ства, онлайн сетей в жизни человека. Подобные сложности возникают исходя из того, что это явление относительно новое и недостаточно изученное. При этом важно подчеркнуть, что современные соцсети являются неотъемлемой частью жизни современного человека, в частности лиц несовершеннолетнего возраста.

Есть мнение, что наличие соцсетей способствует социализации несовершеннолетних. При этом по мнению Е.С. Абрадовой и Е.В. Кисловской: «Интернет-эра открыла перед человеком не только новые возможности, но и новые угрозы. Многие террористические и экстремистские организации используют интернет-пространство, чтобы распространить радикальные взгляды и завербовать новых сторонников из числа молодежи» [19, с. 150–153]. Отметим, что возникновение различных видов экстремизма среди лиц несовершеннолетнего и молодого возраста, на сегодняшний день, приобретает значительные масштабы, продуцируя опасные последствия, становится одной из основных угроз национальной безопасности современной России. Так, в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года[1] выделяются наиболее опасные виды экстремизма. В настоящей Стратегии также обращено внимание, что распространение призывов к насильственным действиям, вовлечение отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, проведение несогласованных акций, организации массовых беспорядков и совершение террористических актов осуществляется, прежде всего, посредством онлайн-пространства и социальных сетей. Таким образом, интернет-пространство становится одним из основных мест коммуникации для экстремистских организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии[2].

Рассматривая проблему влияния социальных сетей на преступность лиц несовершеннолетнего возраста интересно привести высказывание эксперта в области информационных технологий И.С. Ашманова, который обратил внимание на оказываемое влияние, и на так называемую «тренировку на массовое поведение» в онлайн-социальных сетей: «В соцсетях происходит постоянное натаскивание пользователей на определенный тип поведения, навязывание новых рефлексов. Так, флешмобы вырабатывают привычку к массовой автоматической реакции. Участие в эстафетах, тестах, играх тренирует массово следовать призывам. В результате пользователи, сами того не замечая, становятся участниками пропаганды и информационных войн»[3].

В подтверждении приведенных выше точек зрения о влиянии социальных сетей на лиц несовершеннолетнего возраста, и в частности на совершение ими преступных деяний, хочется привести полученные результаты авторского исследования. Так, проведенный конкретно-социологический опрос затронул фактор влияния социальных сетей на лиц несовершеннолетнего возраста, а также на совершение данной категорией граждан преступлений. В качестве респондентов

[1] См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 г. Пр-2753) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 22, ст. 3475.

[2] Игорь Ашманов: социальные медиа как поле боя: Режим доступа: https://vc.ru/marketing/261921-igor-ashmanov-socialnye-media-kak-pole-boya (дата обращения: 04.05.2022).

[3] Там же.

были избраны 692 сотрудника подразделений по делам несовершеннолетних МВД России.

Исследование показало, что 68% респондентов полагают, что лица несовершеннолетнего возраста используют интернет-пространство менее 4 часов в день (ежедневно); 14% экспертов уверены, что лица несовершеннолетнего возраста пользуются возможностями, заложенными в интернете несколько раз в неделю, и только 9% респондентов отметили, что представители рассматриваемой категории граждан проводят в сети более 4 часов ежедневно.

Важно отметить, что 37% опрошенных экспертов указали, что лица несовершеннолетнего возраста проводят время в социальных сетях всего несколько раз в неделю. 23% опрошенных уверены, что именно лица несовершеннолетнего возраста прибывают в онлайн-пространстве каждый день.

73% респондентов уверены, что сети оказывают резко негативное влияние на несовершеннолетних. В том, что соцсети не оказывают на лиц несовершеннолетнего возраста существенного (какого-либо) влияния убеждены 18% респондентов. Позитивное влияние социальных сетей на лиц несовершеннолетнего возраста усматривают 9% экспертов.

Результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют, что 97% опрошенных экспертов встречали в онлайн-социальных сетях более двух сюжетов опасной тематики, «опасный контент».

Всего 1% опрошенных отметили, что встречали всего один сюжет опасной тематики и не встречали ни одного сюжета «опасного контента».

Подавляющее большинство (94%) респондентов уверены, в том, что пребывание, либо участие лиц несовершеннолетнего возраста в таких группах/сообществах является следующим шагом имеющихся сложностей, проблем несовершеннолетних в «реальном» мире (в жизни офлайн). Эксперты (6%) испытали сложность при ответе на данный вопрос (затруднились ответить).

Также автором было проведено анкетирование 347 осужденных лиц несовершеннолетнего возраста, состоящих на учете в ФКУ УИИ УФСИН России и 275 лиц несовершеннолетнего возраста (от 10 до 17 лет), проходящих обучение в учебных заведениях для получения общего образования (в школах) России.

Так, 73% опрошенных лиц несовершеннолетнего возраста проходящих обучение в учебных заведениях для получения общего образования (в школах) России, свое свободное время, досуг посвящают именно общению в социальных сетях, а также различным компьютерным играм.

При этом свободное время (досуг) 95% опрошенных осужденных лиц несовершеннолетнего возраста, до совершения ими преступных деяний, также заключался в «пребывании» в социальных сетях и в компьютерных играх.

Осужденные лица в количестве 58% опрошенных из числа несовершеннолетнего возраста главным источником получения различных знаний, в том числе, и правовых, указали именно интернет-пространство. Подавляющее большинство «благополучных» сверстников (78%), также в качестве основного источника получения знаний отметили именно интернет-пространство. [20, с. 56]

Указанные данные наглядно свидетельствуют о том, что современные теоретико-методологические подходы познания преступности несовершеннолетних уже невозможны без учета исследования влияния социальных сетей.

Так, социальные сети оказывают негативное влияние на формирование и развитие лиц несовершеннолетнего возраста. Исследование показало, что зна-

чительное количество несовершеннолетних в современной России проводят свое свободное время в интернет-пространстве, в онлайн-социальных сетях. Основными причинами этого усматриваются существующие проблемы несовершеннолетних в реальной (офлайн) жизни. Исходя из чего, превентивная функция видится именно в главном институте социализации личности — семье. Таким образом, основная роль в процессе становления, формирования, развития и воспитания несовершеннолетнего, а также и контрольно-надзорная функция отводятся именно семье.

Библиографический список

1. *Миньковский Г.М.* Некоторые данные о современном состоянии преступности несовершеннолетних в основных капиталистических государствах // Вопросы криминалистики. 1962. № 3 (18). С. 125–164.

2. *Миньковский Г.М.* Актуальные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в социалистическом обществе // Вопросы предупреждения преступности. 1965. Вып. 2. С. 163–176.

3. *Миньковский Г.М.* Анализ состояния преступности несовершеннолетних и вопросы внедрения научных методов в работу органов охраны общественного порядка // Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних и задачи органов охраны общественного порядка СССР: материалы научно-практической конференции. М.: Высшая школа МООП СССР, 1967. С. 212–226.

4. Криминология: учебник / Герцензон А.А., Звирбуль В.К., Зотов Б.Л., Карпец И.И., и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1968. 472 с.

5. *Фатхуллин Н.С.* Защита прав несовершеннолетних и иных лиц, требующих социальной защиты, профилактики их безнадзорности и правонарушений. Казань, 1995. 224 с.

6. *Прозументов Л.М.* Уголовная ответственность по законодательству Российской Федерации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. С. 3.

7. *Лелеков В.А., Кошелева Е.В.* Ювенальная криминология. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 312 с.

8. *Попандопуло В.В.* Преступность несовершеннолетних: состояние, функции, последствия, социальный контроль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 24 с.

9. *Лысенко А.В.* Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение уголовно-правовыми мерами (на примере Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 24 с.

10. *Панфилов Е.Е.* Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2020. С. 4.

11. *Демидова-Петрова Е.В.* Криминогенность несовершеннолетних в призме криминологически значимых проявлений экстремизма // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 2. С. 476–486.

12. *Демидова-Петрова Е.В.* Особенности молодежного экстремизма в России в условиях информационной глобализации // Современные криминологические проблемы и пути их решения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в рамках Саратовского Международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии (8 июня 2021 г., Саратов). Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. С. 26–28.

13. *Демидова-Петрова Е.В.* Молодежные субкультуры криминальной и экстремистской направленности в современной России // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2 (4). С. 19–26.

14. *Абитов И.Р., Василенко А.Г., Козлов А.Е.* и др. Методические рекомендации по профилактике вовлечения молодежи и несовершеннолетних в общественно опасную и экстремистскую деятельность. Новосибирск: 2019. 66 с.

15. *Столяренко Л.Д.* Социальная психология. Ростов-н/Д: Феникс, 2009. 548 с.

16. *Данина М.М.* Социально-психологический аспект исследования социальных сетей в интернете // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 3. С. 16.

17. *Кураева С.В.* К методологии исследования социальных сетей // Научные труды Московского гуманитарного ун-та. 2017. № 5. С. 39.

18. *Кудрявцев В.Н.* Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 14.

19. *Абрадова Е.С.* Молодежь в социальных сетях // Власть. 2018. Т. 26. № 3. С. 150–153.

20. *Демидова-Петрова Е.В.* Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-методологические и прикладные проблемы ее познания и предупреждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 56.

References

1. *Minkovsky G.M.* Some data on the current state of juvenile delinquency in the main capitalist states // Questions of criminalistics. 1962. No. 3 (18). P. 125–164.

2. *Minkovsky G.M.* Actual problems of combating juvenile delinquency in socialist society // Issues of crime prevention. 1965. Issue. 2. P. 163–176.

3. *Minkovsky G.M.* Analysis of the state of juvenile delinquency and issues of the introduction of scientific methods into the work of public order protection bodies // Problems of combating juvenile delinquency and tasks of public order protection bodies of the USSR: materials of a scientific and practical conference. Moscow: Higher School of the Ministry of Education and Science of the USSR, 1967. P. 212–226.

4 Criminology: textbook / Herzenzon A.A., Zvirbul V.K., Zotov B.L., Karpets I.I., et al. 2nd ed., ispr. and add. M.: Legal Literature, 1968. 472 p.

5. *Fatkhullin N.S.* Protection of the rights of minors and other persons requiring social protection, prevention of their neglect and legal violations. Kazan, 1995. 224 p

6. *Prozumentov L.M.* Criminal liability under the legislation of the Russian Federation. Tomsk: Publishing House Vol. unita, 2015. P. 3.

7. *Lelekov V.A., Kosheleva E.V.* Juvenile criminology. 2nd ed., reprint. and additional M.: UNITY-DANA, 2015. 312 p.

8. *Popandopulo V.V.* Juvenile delinquency: state, functions, consequences, social control: abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2007. 24 p.

9. *Lysenko A.V.* Juvenile delinquency and its prevention by criminal law measures (on the example of the Krasnodar Territory): av-toref. dis. ... cand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2008. 24 p.

10. *Panfilov E.E.* Prevention of delinquent behavior of minors convicted without isolation from society: criminal-legal and criminological aspects): autoref. dis. ... cand. jurid. sciences'. Kursk, 2020. P. 4.

11. *Demidova-Petrova E.V.* Criminogenicity of minors in the prism of criminologically significant manifestations of extremism // Scientists of the Kazan University. Ser.: Humanities. 2018. Vol. 160. Book 2. P. 476–486.

12. *Demidova-Petrova E.V.* Features of youth extremism in Russia in the context of information globalization // Modern criminological problems and ways to solve them: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with interna-

tional participation in the framework of the Saratov International Legal Forum dedicated to the 90th anniversary of the Saratov State Law Academy (June 8 2021, Saratov). Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2021. P. 26–28.

13. *Demidova-Petrova E.V.* Youth subcultures of criminal and extremist orientation in modern Russia // Bulletin of the Moscow Institute of the Ministry of Internal Affairs. 2021. No. 2 (4). P. 19–26.

14. *Abitov I.R., Vasilenko A.G., Kozlov A.E.* and others. Methodological recommendations for the prevention of involvement young people and minors in socially dangerous and extremist activities. Novosibirsk: 2019. 66 p.

15. *Stolyarenko L.D.* Social psychology. Rostov-n/A: Phoenix, 2009. 548 p.

16. *Danina M.M.* Socio-psychological aspect of the study of social networks on the Internet // Bulletin of the Moscow University. Ser. 10. Journalism. 2012. No. 3. P. 16.

17. *Kuraeva S.V.* To the methodology of research of social networks // Scientific works of the Moscow Humanitarian University. 2017. No. 5. P. 39.

18. *Kudryavtsev V.N.* Legal norms and actual behavior // Soviet State and law. 1980. No. 2. P. 14.

19. *Abradova E.S.* Youth in social networks // Power. 2018. Vol. 26. No. 3. P. 150–153.

20. *Demidova-Petrova E.V.* Juvenile delinquency in modern Russia: theoretical, methodological and applied problems of its cognition and prevention: dis. ...Dr. yurid. sciences'. Kazan, 2019. p. 56.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-126-133
УДК 343.1

Д.С. Устинов

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Введение: *в статье с точки зрения обеспечения права обвиняемого на защиту анализируются положения закона, определяющие порядок и условия применения меры безопасности в отношении свидетелей и потерпевших в виде засекречивания их личности, выясняется соотношение указанных норм с исходными требованиями, лежащими в основе законности уголовно-процессуальной деятельности.* ***Цель:*** *подтвердить диктуемую практикой потребность изменения научного и законодательного подхода к сущности и основаниям применения мер безопасности в отношении свидетеля и потерпевшего, к значимости обеспечения права обвиняемого на защиту в условиях реализации указанных мер.* ***Методологическую основу*** *исследования составляют диалектический подход к познанию действительности, а также анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический, сравнительно-правой и другие методы научного познания.* ***Результаты:*** *выявлено несоответствие законодательной регламентации порядка реализации мер безопасности, в том числе положений, касающихся оснований засекречивания лица, свидетельствующего против обвиняемого, общеправовым требованиям, закрепленным в ст. 7 УПК РФ, что позволяет применять указанную меру пресечения в «дежурном порядке».* ***Выводы:*** *действующая законодательная регламентация реализации права обвиняемого на защиту в условиях применения мер безопасности, в том числе засекречивания участников уголовного судопроизводства, в должной мере не обеспечивает соблюдение прав этого лица, поскольку, несмотря на требования принципа законности позволяет применять указанные меры на основе решения в отсутствии соответствующих фактических данных указывающих на какую-либо угрозу, что существенно затрудняет право обвиняемого на допрос свидетелей, показывающих против него.*

Ключевые слова: *обвиняемый, права на защиту, меры безопасности, засекречивание, очная ставка, допрос.*

© Устинов Дмитрий Сергеевич, 2022
Кандидат юридических наук доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ustinov681@yahoo.com
© Ustinov Dmitry Sergeevich, 2022
Candidate of Legal Sciences Associate Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

D.S. Ustinov

FEATURES OF ENSURING THE RIGHT OF THE ACCUSED TO PROTECTION IN THE IMPLEMENTATION OF SECURITY MEASURES AGAINST PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: *in the article, from the point of view of ensuring the right of the accused to defense, the provisions of the law defining the procedure and conditions for the application of security measures against witnesses and victims in order to classify their identity are analyzed, the correlation of these norms with the initial requirements underlying the legality of criminal procedural activity is clarified.* ***Objective:*** *to confirm the need dictated by practice to change the scientific and legislative approach to the essence and principles of the application of security measures in relation to the witness and the patient, to the importance of ensuring the right of the accused to defense in the conditions of the implementation of these measures.* ***Methodology*** *of the research is the dialectical approach to the cognition of reality, analysis, synthesis, induction, deduction, formal legal, comparative legal and other methods of scientific cognition.* ***Results:*** *the discrepancy between the legislative regulation of the procedure for the implementation of security measures, including the provisions concerning the grounds for classifying a person testifying against the accused, and the general legal requirements enshrined in Article 7 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which allows the use of the specified measure of suppression in the "on-call order".* ***Conclusions:*** *the current legislative regulation of the implementation of the right of the accused to defense in the conditions of the application of security measures, including the secrecy of participants in criminal court proceedings, does not adequately ensure respect for the rights of this person, because despite the requirements of the principle of legality, it allows the application of these measures on the basis of a decision in the absence of relevant factual data indicating any threat, which significantly complicates the right of the accused to interrogate witnesses testifying against him.*

Key-words: *accused, rights to defense, security measures, secrecy, confrontation, interrogation.*

Защита по уголовным делам по своей сущности, характеру, порядку осуществления, весьма сложная и обременительная деятельность. Это, в первую очередь, обусловлено соотношением правомочий субъектов защиты и субъектов обвинения в досудебном производстве по уголовным делам.

Существенные корректировки для осуществления указанной деятельности вносят положения закона, связанные с обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства, прежде всего свидетелей и потерпевших. При этом в Российском уголовном процессе, в виду особенностей правового регулирования правил применения мер, обеспечивающих безопасность указанных лиц, приводят к значительному снижению эффективности средств обеспечения даже некоторых прав обвиняемых, вытекающих из соответствующих правовых положений общеевропейских институций.

Это, прежде всего, касается права обвиняемого на вызов и допрос показывающих против него свидетелей и потерпевших, права на то, чтобы эти лица были допрошены на тех же условиях, что и все другие свидетели (подп. d п. 3 ст. 6

Европейской Конвенции по правам человека)[1]. С целью обеспечения указанного права обвиняемого Федеральным законом РФ № 40-ФЗ от 2 марта 2016 г. в ст. 281 УПК РФ было введено правило, согласно которому решение об оглашении в судебном заседании показаний потерпевшего или свидетеля в случаях, предусмотренных п. 2–5 ч. 2 указанной статьи, может быть принято только при условии предоставления подсудимому возможности оспорить эти показания предусмотренным законом способом на всех стадиях, предшествующих судебному разбирательству[2]. При этом речь в данном случае идет не обо всех показаниях, а только о тех, которые послужили основой для обвинения или главным образом повлияли на принятие такого решения.

Данное законодательное нововведение вызвало обоснованную критику не только правоприменителей, которые были поставлены перед фактом обязательности проведения очной ставки практически по каждому уголовному делу[3], но многих ученых-процессуалистов, усомнившихся в его результативности [1; 2; 3]. Но в этой дискуссии из поля зрения ее участников выпал значимый вопрос, связанный с возможностью реализации обвиняемым права защищаться посредством допроса лиц, свидетельствующих против него, в ситуации, когда приняты меры по обеспечению безопасности этих лиц.

Масштабы мер, принимаемых для обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших по уголовным делам, с каждым годом возрастают. Согласно государственной программе МВД РФ «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» на эти цели выделен 1 млрд руб. По прогнозам авторов данной программы, количество лиц, нуждающихся в защите, будет увеличиваться и, как следствие, будет увеличиваться число применяемых мер безопасности в отношении этих лиц. Одним из мер безопасности, преимущественно применяющимся в уголовном судопроизводстве, является обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и временное помещение его в безопасное место[4].

На практике, нередко, свидетели и потерпевшие, могущие изобличить обвиняемого, отказываются от дачи показаний из-за страха перед ним и его окружением. В связи с этим и их засекречивают (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) и в дальнейшем допрашивают в условиях, исключающих их узнавание (ч.5 ст. 278 УПК РФ). Данное обстоятельство существенно осложняет возможности обвиняемого по опровержению показаний потерпевших и свидетелей, изобличающих его в совершении преступления. В условиях предварительного расследования это можно сделать только путем проведения очной ставки, которая во многом является фактором психического воздействия на допрашиваемое лицо и может оказать «решающее воздействие на прекращение сопротивления противодействующего лица» [4]. Наглядное разоблачение ошибочных или откровенно ложных показаний по обстоятельствам, имеющим значение для разрешения уголовного дела,

[1] See: European Convention on Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf (дата обращения: 23.02.2022).

[2] См.: Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2016. 4 марта.

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 дек.

[4] См. подробнее: Постановление правительства от 25 октября 2018 г. № 1272 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы”». URL: https://docs.cntd.ru/document/551510804?marker=6540IN (дата обращения: 05.04.2022).

нередко побуждает противоборствующую сторону к изменению показаний, к даче правдивых показаний [5]. В силу этого очная ставка может стать не только и не столько эффективным средством устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, но и способом обеспечения обвиняемому права на защиту, способом опровержения им обвинения. Однако согласно ч. 2 ст. 192 УПК РФ, следователь должен выяснить у лиц, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой, а после дачи показаний им предоставляется возможность задать вопросы друг другу. Выполнить эти требования при засекречивании сведений о личности допрашиваемых практически невозможно, что делает проведение очной ставки бессмысленным.

Подобного рода трудности для подсудимого возникают и при допросе засекреченных свидетелей в суде. Он не видит свидетеля и не располагает сведениями о его личности. Даваемые свидетелем показания воспринимаются подсудимым без знания обстоятельств их связи и характера взаимоотношений с допрашиваемым лицом; он не может видеть реакции допрашиваемых на свои вопросы, и потому лишен возможности возразить, оспорить их показания, уличить их во лжи. Все это существенно снижает возможность аргументированного опровержения обвиняемым данных против него показаний. Положение же свидетеля при этом существенно упрощается, он не связан ни морально-этическими моментами, ни психологическими переживаниями. Для него нет «лица», к которому обращены его суждения в виде показаний. Он говорит как бы «в спину», что, если не располагает ко лжи, то и не гарантирует правдивости сказанного. Отсутствие «эффекта присутствия», при котором поведение человека становится ситуативно-реактивным, ориентированным на социальное ожидание, возможность прорыва в защитной доминанте допрашиваемого [4], значительно снижают эффективность защиты, реализации обвиняемым предоставленного ему права на опровержение данных против него показаний. И этим откровенно пользуются следственные органы, применяя указанные меры защиты свидетелей там, где в этом нет процессуальной необходимости.

Как отмечает журналист «Новой Газеты» Петр Суханов, свидетели, к которым применены меры безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице, в основном появляются не в делах, связанных с бандитизмом, убийствами или организованными преступными группами, а по уголовным делам, связанными с производством и сбытом наркотических средств. В каждом третьем деле после проведения «проверочной закупки» проводилось засекречивание, которое позволяло обвинению получать свидетеля, становящегося недоступным для защиты (из 50 изученных апелляционных жалоб о раскрытии личности свидетеля ни одно не было удовлетворено). Кроме того, судами в «дежурном порядке» применялась мера пресечения в виде заключения под стражу, обоснованная возможностью подозреваемого оказать давление на свидетелей. И это при том, что в большинстве случаях необходимость засекречивания отсутствовала[1].

Данные выводы журналиста подтверждаются и практикой по другим уголовным делам, по которым применялось засекречивание свидетелей. Так, в сентябре

[1] См.: *Суханов П.* Секретные свидетели // Новая газета. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/11/22/88058-sekretnye-svideteli (дата обращения: 05.04.2022).

2019 г. в мировом суде судебного участка № 8 Верх-Исетского судебного района г. Екатеринбурга по уголовному делу по обвинению Мельченко в оскорблении одетого в штатское сотрудника пресс-группы городского УМВД в дни протестов в сквере у Драмтеатра был допрошен свидетель, который затем был засекречен следствием. От участников судебного заседания его скрыли за полосатой простыней, натянутой в дверном проеме между залом заседаний и комнатой судьи. В своих показаниях свидетель помимо изобличительных показаний сообщил, что «дело резонансное, мне может угрожать опасность. У меня есть семья. Я не хочу публично афишировать свои данные». При этом добавил, что он сам заявление на сокрытие информации о себе не подавал. После ответа адвокат подсудимого усомнился в наличии оснований для засекречивания свидетеля и подал ходатайство об оглашении данных допрашиваемого. Данное ходатайство судьей было отклонено[1].

По другому делу по обвинению Максима Верникова в совершении преступления, предусмотренного ст. 284 УК РФ в ноябре 2019 г. был допрошен свидетель под псевдонимом «Иванов А.», лицо которого было скрыто, голос изменен. Он рассказал, что состоял в местном отделении партии «Открытой России», которое возглавлял подсудимый. Данного секретного свидетеля уличили в противоречиях, он не смог объяснить, каким образом оказался одновременно в двух местах. Однако его показания были положены в основу приговора и стали ключевыми по уголовному делу[2].

Приведенные примеры далеко не единичны, подобных фактов неправомерного использования засекречивания свидетелей достаточно много. Полагаем, что подобную практику нельзя признать оправданной в условиях действия принципа состязательности и равноправия сторон. В уголовном судопроизводстве образовалась нестандартная процессуальная ситуация, в которой, с одной стороны, обвиняемый наделен действенным инструментом по осуществлению защиты от обвинения, а с другой стороны, оно легко и существенно может быть ограничено безосновательным применением такой меры безопасности, как засекречивание лица, свидетельствующего против обвиняемого.

Для выхода из подобной ситуации, прежде всего, необходимо перевести меры безопасности в целом и в виде засекречивания личности свидетеля и потерпевшего, в частности, в разряд исключительных. Их применение должно быть возможно только при явной и прямой (пусть даже завуалированной) угрозе жизни и здоровью свидетелей и потерпевших, а также их родственников и близких лиц.

Анонимные свидетели в мировой уголовно-процессуальной практике — это нормальное явление, однако важно понимать, что анонимность применяется только в исключительных случаях с предоставлением (уравновешиванием, компенсацией) возможностей для осуществления защиты и гарантиями для защищаемого лица. Как указывает рекомендация n r (2005) 9 Комитета министров Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием», «свидетели или лица, сотрудничающие с правосудием, которые подвергаются

[1] См.: *Маслов И.* «Он протянул ему какую-то корочку». URL: https://www.znak.com/2019-09-10/taynym_svidetelem_po_delu_ob_oskorblenii_policeyskogo_v_skvere_okazalsya_uchastnik_protestov (дата обращения 24.02.2021).

[2] См.: *Полозов А.* «Это ход, который призван закрыть белые пятна». URL: https://www.znak.com/2019-11-27/advokaty_ob_ulovke_zasekrechivaniya_svideteley_v_ugolovnyh_delah_i_o_tom_kak_s_etim_borotsya (дата обращения 24.02.2021).

одному и тому же виду запугивания, должны иметь право на сходную защиту. Процессуальные нормы, направленные на защиту свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием, должны обеспечивать сохранение необходимого в демократическом обществе равновесия между предотвращением преступления, нуждами жертв и свидетелей и соблюдением права на справедливое судебное разбирательство. По возможности и в соответствии с законами государства анонимность лиц, которые могут давать показания, должна быть исключительной мерой. Если такие лица просят гарантий анонимности и/или такие гарантии предоставлены им компетентными органами, уголовно-процессуальный закон должен предусматривать наличие процедуры засвидетельствования, направленной на поддержание благоприятного баланса между нуждами уголовного судопроизводства и правами сторон...»[1].

Такого подхода придерживается и Европейский суд по правам человека, который не единожды указывал в своих решениях на то, что ссылаться на заявления анонимных свидетелей для подтверждения виновности лица в совершении преступления суд может только в исключительных случаях, «при условии, если слушания в целом являются справедливыми, и, в особенности, если причины, по которым свидетель хочет сохранить свою анонимность, являются заслуживающими доверия, а уравновешивающие процедуры в достаточной мере компенсируют те ограничения, в условиях которых работает защита, и если решение о признании лица виновным основано не исключительно и не в решающей мере на показаниях анонимных свидетелей»[2].

Еще один значимый аспект реализации права обвиняемого на защиту при анонимности свидетелей — это основания их засекречивания. При анализе норм УПК РФ, посвященных применению мер безопасности, становится очевидной непоследовательность правового регулирования оснований принятия данных решений. Так, в ч. 3 ст. 11 УПК РФ говорится о достаточных данных, указывающих на угрозу убийством, применение насилия, уничтожение или повреждение имущества либо иные опасные противоправные деяния; в ч. 9 ст. 166, ч. 8 ст. 193 и в ст. 278 УПК РФ в качестве оснований применения мер безопасности указывается на «необходимость обеспечения безопасности»; в ч. 2 ст. 186 УПК РФ в качестве таких оснований указано на «наличии угрозы» по заявлению лица, а в случае его отсутствия по судебному решению; в п. 4 ч. 1 ст. 241 УПК РФ говорится об «интересах обеспечения безопасности»[3] [6; 7]. Подобные формулировки существенно затрудняют установление реальности угрозы, особенно в ситуации склонности потерпевших и свидетелей к преувеличению, либо в ситуации, когда свидетель и потерпевший могли неправильно понять требования, просьбы обвиняемого и в силу разных причин заявили о неких угрозах. Более того, как отмечалось ранее, свидетели могут даже не заявлять об угрозе, а следователи применяют засекречивание по собственной инициативе с целью затруднить

[1] Рекомендации n r (2005) 9 Комитета министров Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 20 ноября 1989 г. дело «Костовски против Нидерландов» (жалоба № 11454/85). URL: https://europeancourt.ru/uploads/ECHR_Kostovski_v_The_Netherlands_20_11_1989.pdf (дата обращения: 24.02.2021); Постановление Европейского суда по правам человека от 19 декабря 1990 г. дело «Дельта против Франции» (жалоба № 11444/85). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[3] Схожий подход законодателя усматривается и к основаниям принятия других процессуальных решений.

обвиняемому реализовать свое право на допрос изобличающих его свидетелей. Такое необоснованное применение мер безопасности ставит сторону обвинения в более привилегированное положение, приводит к нарушению принципа состязательности и равноправия сторон.

Неоднозначность законодательного установления оснований применения засекречивания личности потерпевшего и свидетеля и мер безопасности в целом приводит к тому, что даже добросовестные следователи, не задумываясь о наличии реальных оснований, принимают решения о применении мер безопасности, в определенной степени спекулируя указанными мерами. Вместе с тем, как представляется, в законе в ч. 4 ст. 7 УПК РФ заложено правильное представление об основаниях принятия любого решения в уголовном судопроизводстве, где указано, что определения суда и постановления должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство «должны быть законными, обоснованными и мотивированными». Решения о засекречивании свидетелей и потерпевших может быть принято только на основании данных фактического характера. Именно данные о реальной угрозе безопасности свидетеля и потерпевшего (а не мнимой, созданной воображением этих лиц), угрозе, подтвержденной материалами уголовного дела, должны выступать в качестве оснований принятия данного решения. Только при таком законодательном установлении возможно реальное обеспечение права обвиняемого на опровержение показаний лиц, изобличающих его в совершении преступления.

Библиографический список

1. *Трубникова Т.В.* Право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей: подход ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 36–45.

2. *Брусницын Л.В.* О праве обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей// Российская юстиция. 2016 № 5. С. 37–40.

3. *Корнуков В.М., Корнукова Е.В., Устинов Д.С.* Об обеспечении права на справедливое судебное разбирательство и опровержение обвинения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 2 (53). С. 59–66.

4. *Чернышева Е.В., Злоказов К.В.* Полицейская психология: учебное пособие. Екатеринбург: Уральский юридический ин-т МВД России, 2016. 185 с.

5. *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.

6. *Устинов Д.С.* Обвиняемый: поведенческая характеристика и формы воздействия на производство по к уголовному делу/ под ред. В.М. Корнукова. М: Юрлитинформ, 2018. 168 с.

7. *Манова Н.С.* Решение о производстве следственных действия в системе оснований его проведения // III Московский юридический форум. Международно-практическая конференция, посвященная 95-летию профессора П.А. Лупинской «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты» (г. Москва, 8 апреля 2016 г.): материалы конференции / отв. ред. С.Б. Россинский. М.: Оригинал-макет, 2016. С. 272–277.

References

1. *Trubnikova T.V.* The right of the accused to interrogate witnesses showing against him: the approach of the ECHR // Criminal proceedings. 2014. No. 3. P. 36–45.

2. *Brusnitsyn L.V.* On the right of the accused to interrogate witnesses showing against him // Russian justice. 2016 No. 5. P. 37–40.

3. *Kornukov V.M., Kornukova E.V., Ustinov D.S.* On ensuring the right to a fair trial and refutation of the charges// Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (53). P. 59–66.

4. *Chernysheva E.V., Zlokazov K.V.* Police psychology: textbook. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 185 p.

5. *Ratinov A.R.* Forensic psychology for investigators. M.: Yurlitin-form, 2001. 352 p.

6. *Ustinov D.S.* The accused: behavioral characteristics and forms of influence on the proceedings in a criminal case/ ed. by V.M. Kornukova. Moscow: Yurlitinform, 2018. 168 p.

7. *Manova N.S.* The decision on the production of investigative actions in the system of the grounds for its conduct // III Moscow Legal Forum. International practical conference dedicated to the 95th anniversary of Professor P.A. Lupinskaya "Modern problems of proof and decision-making in criminal proceedings. Social Technologies and Legal institutions" (Moscow, April 8, 2016): materials of the conference / ed. S.B. Rossinsky. M.: Original layout, 2016. P. 272–277.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-134-146
УДК 343.92

А.А. Киселев

КРИМИНОГЕННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СЕЗОННЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПНОСТИ В СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКОМ ГОРОДЕ

Введение: *изменения жизнедеятельности общества опосредованы многими социальными факторами, например: снижением уровня правовой культуры населения; алкоголизация и наркотизация; неблагоприятными материально-бытовыми условиями жизни; виктимным поведением и др. Некоторые из них тесно связаны с ритмом жизни всего социума, определяемым календарной динамикой, традициями, сменой сезонов. Все эти особенности необходимо учитывать при планировании мероприятий по противодействию преступности. В статье разбираются причины и условия преступности мегаполиса, выделяемые современной криминологией с учетом регионального аспекта.* ***Цель:*** *материал создавался с целью выработки инструментов по выявлению видов криминогенных детерминант в мегаполисе, обладающих свойством сезонности.* ***Методологическая основа:*** *исследование проведено при помощи общенаучных (например, системного анализа, обобщения, исторический) методов познания.* ***Результаты*** *относятся к прикладной криминологии и могут быть использованы в предупредительной деятельности правоохранительных органов, в том числе для повышения эффективности прогнозирования преступности и рационального распределения ресурсов государства.* ***Выводы:*** *исследование представляет авторское представление о научном подходе к выявлению видов криминогенных детерминант в мегаполисе, обладающих свойством сезонности.*

Ключевые слова: *детерминация преступности мегаполиса; сезонность причин и условий; изучение преступности.*

A.A. Kiselev

CRIMINOGENIC DETERMINANTS OF SEASONAL TYPES OF CRIME IN AN AVERAGE CITY

Background: *changes in the life of society are mediated by many social factors, for example: a decrease in the level of legal culture of the population; alcoholization and anesthesia; unfavorable material and living conditions; victim behavior, etc. Some of*

© Киселев Андрей Александрович, 2022
Аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия), заместитель начальника отдела уголовного розыска Управления МВД России по городу Саратову; e-mail: ander.kiselev@yandex.ru
© Kiselev Andrey Alexandrovich, 2022
Postgraduate student of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy), Deputy Head of the Criminal Investigation Department of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Saratov

them are closely related to the rhythm of life of the whole society, determined by the cultural dynamics, traditions, and the change of seasons. All these features should be taken into account when planning measures to counteract crime. The article examines the causes and conditions of crime in the metropolis, highlighted by modern criminology, taking into account the regional aspect. ***Objective:*** *the material was created in order to develop tools for identifying the types of criminogenic determinants in a megalopolis that have the property of seasonality.* ***Methodology:*** *the study was conducted using general scientific (for example, system analysis, generalization, historical) methods of cognition. The results relate to applied criminology and can be used in the preventive activities of law enforcement agencies, including to improve the efficiency of crime forecasting and rational allocation of state resources.* ***Conclusions:*** *the study presents the author's ideas about the scientific approach to identifying the types of criminogenic determinants in a megalopolis that have the property of seasonality.*

Key-words: *determination of megalopolis crime; seasonality of causes and conditions; study of crime.*

Онтология отечественной криминологической мысли демонстрирует, что проблема детерминации преступности традиционно сохраняет свою дискуссионность. Огромное число разнообразных концепций, объясняющих появление преступного поведения и его трансформацию в историческом разрезе, лишь подчеркивают значимость данного вопроса для науки.

Оценочность поведения (а преступное поведение всегда зависит от социальных критериев положительного, нейтрального и общественно-опасного поступка) имеет значение только в социуме. Любой поступок человека, не изменяющий окружающую действительность для других людей, не получает «обратной связи», а потому не интересен для анализа. Следовательно, преступление и преступность обусловлены, в первую очередь, социальными критериями [1, с. 384; 2, с. 482–500]. Таким образом, искать причины преступности, как социального явления, стоит именно в общественном укладе жизни, а причины конкретного преступного акта, — во взаимодействии внешних факторов и внутренних. Как справедливо высказывалась А.И. Долгова, причины и условия преступности многофакторны [3, с. 230–270]. Конечно выделить основные причины можно, но есть риск упустить некие детерминационные аспекты, важные для объяснения трансформации преступности и разработки предупредительного воздействия. Например, сезонные изменения.

Разнообразные подходы в изучении преступности регионов позволили выделить относительно самостоятельный объект исследования — преступность мегаполисов [4], имеющие собственные специфичные криминогенные детерминанты, отражающие ключевые моменты организации пространства и взаимодействия социальных групп. Ученые акцентируют внимание на таких аспектах жизни в крупных городах, как: «высокая плотность населения, порождающая скученность людей, загруженность транспорта, торговых, зрелищных и других учреждений; повышенная частота межгрупповых, межличностных контактов при преобладании ролевого общения и как следствие этого — анонимность общения между людьми; повышенные психологические нагрузки, вызывающие значительное число стрессовых ситуаций; наличие большой внутригородской миграции, следствием которой является взаимообмен преступностью между административными районами мегаполиса; несовпадение юридических и

фактических границ (городская агломерация), затрудняющее своевременное выявление, учет и профилактирование правонарушителей; большая широта связей с внешней средой (наличие «маятниковой» миграции приезжих, туристов, иностранцев), продуцирующую преступность приезжих и преступления, совершаемые в отношении них; развитая система транспортных связей, дающая возможность преступникам быстро скрываться с места происшествия» [4, с. 181].

Указанные факторы, безусловно, предопределяют специфику и высокий уровень (в сравнении с сельской местностью) криминальной активности населения мегаполисов, но характеризуют скорее выбор пространственно-территориальный, нежели сезонно-временной. Кроме того, исследование традиционных видов преступности региона позволяет научно-обоснованно провести мониторинг сезонности и ее причин по официальным криминологическим данным.

В своем исследовании мы концентрируемся на мониторинге криминогенных детерминант тех видов преступности мегаполисов, которые обладают ярко выраженным свойством сезонности [5. с. 149]. К ним относятся: посягательства на собственность, включая угоны транспортных средств (за исключением мошенничества); умышленные насильственные посягательства на личность; транспортные преступления; преступность несовершеннолетних; некоторые виды экологических преступлений; налоговые преступления, уличную преступность.

Обращение к трудам отечественных криминологов иллюстрирует богатый научный опыт конструирования криминогенных комплексов выделенных видов преступности, отличающихся как историческим многообразием, так и оригинальностью авторских подходов. Не останавливаясь подробно на всех имеющихся в науке результатах эккаутинга, возьмем за основу наиболее близкие к современности примеры.

Так, в качестве существенных факторов имущественных посягательств являются ключевыми: негативные социально-экономические процессы, происходящие в обществе (в последние годы экономическое развитие России (в силу различных причин замедлилось); поляризация доходов населения (в России, как известно, велика разница в доходах между отдельными категориями населения); высокий уровень инфляции; социально-психологический дискомфорт граждан; влияние ближайшего микросоциального окружения на человека (не секрет, что дети, выросшие в маргинальных семьях, в которых родители употребляют алкогольные напитки или наркотические средства либо применяют насилие по отношению к своим детям, не обладают высоким уровнем культуры и нравственности, совершают административные правонарушения); «недостатки воспитания в современной школе; непродуманная правовая политика и гуманизация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, высокий уровень алкоголизма и наркомании; реформирование системы правоохранительных органов и недостаточный уровень раскрываемости преступлений против собственности; высокий уровень нелегальной миграции» [6, с. 5].

Некоторые из представленных условий имеют негативный социальный оттенок, например, алкоголизация. Иные нейтральный, в частности, реформирование социальных институтов государством.

Сравнительный анализ перечней причин и условий, например, имущественной и насильственной преступности, позволяет выделить общие факторы, влияющие на оба этих вида криминальной активности. «В основе причинного комплекса насильственной преступности лежат острые социально-экономи-

ческие противоречия. Среди них необходимо отметить следующие: чрезмерно высокая разница в доходах населения, провоцирующая нарастание социальной напряженности (ненависть к богатым и т.д.); девальвация в условиях рынка традиционных нравственных ценностей; резкое снижение уровня законопослушания населения; повышенная алкоголизация и наркотизация населения страны; неблагоприятные материально-бытовые условия жизни, провоцирующие агрессивную «разрядку»; конфликтные взаимоотношения в семье и ближайшем бытовом окружении; виктимное поведение потерпевших; «нереагирование или несвоевременное реагирование полиции на семейно-бытовые конфликты; недостаточный контроль за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы, особенно за лицами, которые были судимы за совершение насильственных преступлений; негативное влияние средств массовой информации; отсутствие постоянной работы у преступника; агрессивный характер потерпевшего, стремление решать любые проблемы с помощью насилия; проблемы в личной, семейной жизни преступника» [7, с. 135].

Специалисты по изучению уличной преступности так же выделяют сходные группы детерминационных факторов: безработица и снижение дифференциации населения по доходам; благополучие семейно-бытовой сферы; алкоголизация и наркотизация населения. «В наибольшей степени она (уличная преступность) зависит от общего уровня жизни населения и состояния правопорядка в стране в целом» [8, с. 85].

Сходство детерминант разных видов преступности понятно и предсказуемо, так как наибольшее социальное напряжение создается за счет социально-бытового неравенства, толкающего на противозаконный путь удовлетворения потребностей [9].

Модель используемой нами аналитической работы включает в себя обобщение сведений об общесоциальных причинах, присущих конкретному виду преступности, структурированные по направлениям деятельности (экономические, политические др.) и выделение среди них тех, что обладают выраженным свойством сезонности.

Специфичные макроуровневые криминогенные детерминанты, характерные для отдельных видов преступности, отличающейся сезонностью, отмечаемые криминогенные детерминанты корыстных посягательств на чужое имущество: корыстная мотивация, которая повышается при увеличении уровня бедности; доступность получения постоянного источника доходов для населения имеет прямую корреляцию от уровня развития предпринимательства и масштабности работы градообразующих предприятий; общемировой экономический кризис и проблемные аспекты внутригосударственного управления народным хозяйством; сезонность аграрных работ; латентность имущественной преступности; виктимное поведение населения; качество работы правоохранительных органов. Например, уровень раскрываемости по данной категории дел по состоянию на 2021 год составляет по Саратовской области порядка 45%[1]. В результате проведенного детального мониторинга приходим к выводу о том, что сезонным характером обладают факторы: виктимного поведения, уровень доходов в условиях работы аграрного сектора.

[1] См.: Генеральная прокуратура Российской Федерации. Саратовская область // Портал правовой статистики. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/activity/statistics/office/result?item=67698236 (дата обращения: 10.02.2022).

Обобщение научной литературы по вопросам противодействия налоговой преступности позволило выделить ряд наиболее актуальных криминогенных детерминант: корыстная мотивация; заметное снижение уровня развития бизнеса и ухудшение материального положения налогоплательщиков [10]; коррупция, как условие, способствующее уклонению от фискальных обязанностей граждан и юридических лиц; виктимность («По данным фонда «Общественное мнение» 69% — россиян относятся к неуплате налогов с пониманием, 28% — с одобрением и только 5% — с осуждением» [11, с. 259]); латентность налоговых злоупотреблений несмотря на предпринятые государством усилия по организации прозрачности финансовых операций и снижению привлекательности теневых схем ведения бизнеса; противоречивость, а также нестабильность отечественного налогового и остального законодательства [12]; качество работы правоохранительных органов, точнее согласованность их действий по выявлению правонарушений и привлечению виновных. В результате мониторинга причин и условий можно сделать вывод о том, что сезонным характером, причины, определяющие налоговую преступность, не обладают.

Наиболее знаковыми причинами и условиями насильственной преступности принято называть следующие факторы: мотивация преступлений, сопровождающихся доминированию агрессии, не сдерживаемой социокультурными инструментами; бедность и остальные виды материальной неустроенности личности; высокий уровень наркотизации и алкоголизации населения; виктимность поведения в насильственных преступлениях; коррупционный фактор, определяющий и общесоциальный уровень напряженности путем создания иллюзии о невозможности получения социальных государственных услуг без дополнительных трат и личных связей в среде чиновников либо за счет неприменения уголовной ответственности к лицам, совершившим акты насильственного поведения; качество работы правоохранительных органов по предупреждению криминального насилия и привлечению виновных к ответственности. В частности, совершение преступления при рецидиве относят к «минусам» деятельности территориальных органов МВД [13] в области административного надзора. Влияние массмедиа на насильственную преступность подтверждается не только в аспекте непосредственного воздействия на лиц детско-подросткового возраста, прямое отношение к распространенности насилия имеет мотив экстремистский, возникающий зачастую при конфликте культур (национальных, возрастных, политических, религиозных, классовых и др.). В результате мониторинга причин и условий можно сделать вывод о том, что факторы, определяющие насильственную преступность, обладают сезонным свойством применительно к характеристике личности преступника: мотивация, социальный статус, алкоголизация.

Перечень факторов, относимых учеными к криминогенным детерминантам незаконного природопользовательского промысла традиционно небольшой: корыстная мотивация; исторический аспект, связанный с рыболовецкой традицией, которая поддерживается поколениями [14]; организованность данного вида преступности; латентность браконьерства, опосредованная коррупцией; хорошая техническая оснащенность браконьеров, затрудняющая пресечение их деятельности и поимку виновных. Мониторинг базовых причин и условий браконьерства показал, что сезонным характером факторы, определяющие данный вид преступности, не обладают.

Детерминационный комплекс преступности несовершеннолетних характеризуется: мотивацией, обусловленной, так называемыми причинами естественного свойства (особенности психологического и физиологического этапа взросления 13–20 летних; отношения в семье и кризис семьи, как социального института в целом [15], усугубленный снижением уровня материального благосостояния социума; школьная жизнь, которая отличается повышенным уровнем тревожности за счет частых (стремительных) изменений правил оказания образовательных услуг; уровень наркотизации и алкоголизации населения в целом и подростков [16]; эффективность работы органов социальной защиты и правоохранительных органов, ее эффективность и регулярность. Саратовская область, например, входит в пятерку лидеров Приволжского федерального округа за 2020 г. по критерию устройства на семейные формы воспитания детей-сирот (устроено 686)[1]. Влияние массмедиа (в первую очередь, социальных сетей в Интернете) на молодежь и детей не требует особых комментариев.

Своеобразие преступлений, сопряженных с нарушением правил безопасности дорожного движения [17], связано с неосторожной формой вины, что фокусирует внимание исследователей на личности преступника. Детерминационный комплекс, в свою очередь, также отличается некоторыми особенностями, среди которых чаще всего называют следующие: коррупция при сдаче экзаменов на вождение либо переоформление документов; организация движения в городах, особенно в крупных мегаполисах имеет ряд недостатков, которые создают почву для дискомфортных ситуаций, провоцирующих агрессию: от пробок и малой скорости передвижения до работы ГАИ; организация системы контроля [18] за участниками дорожного движения; погодные условия (движение в сложных погодных условиях, во время дачного сезона). Праздничные периоды и время массовых отпусков так же отличаются расслабленностью основной массы населения, что в случае дорожного движения уже опасно. Суммируя сказанное выше, сезонность свойственна криминогенным факторам транспортной преступности, в частности, влияние оказывают погодные условия и календарь праздничных мероприятий в стране и регионах.

Детерминационные факторы, выделяемые учеными и представленные в нашем обзоре, причины разных видов преступности, безотносительно к конкретному виду преступности, универсально моделирующие социальную ситуацию в мегаполисе и ее негативно-напряженный характер, следующие:

1. Бедность. Ее критерии по стране рассчитываются редко и по разным методикам, на данный момент имеются сведения о коэффициенте бедности, согласно которому Саратовская область имеет показатель 15,3, и прослеживается тенденция к увеличению за счет кризиса экономического, опосредованного пандемией[2]. Уровень среднедушевого дохода и достатка населения регионов зависит от активности градообразующих предприятий. На данный момент сокращение числа рабочих мест и высокий уровень заболеваемости в стране, вынужденный переход на дистанционный режим работы и сокращения рабочих часов создают

[1] См.: Официальный портал Комиссии по делам несовершеннолетних Волгоградской области. URL: https://kdnizp.volganet.ru/files/npa/2-3-21.pdf (дата обращения: 20.01.2022); Официальный портал правительства Саратовской области. URL: https://saratov.gov.ru/upload/iblock/a04/Otchet-o-rabote-po-profilaktike-beznadzornosti-i-pravonarusheniy-nesovershennoletnikh-na-territorii-Saratovskoy-oblasti-v-2020-godu.pdf/ (дата обращения: 20.12.2021).

[2] См.: Минтруд назвал регионы с наибольшим уровнем бедности // Ведомости. 2021. 24 марта.

неблагоприятную экономическую ситуацию. Важным элементом благополучия населенных пунктов выступает также динамика среднего бизнеса, который в последние годы испытывает колоссальную нагрузку и стремительно сокращается[1]. Вопросы налогообложения и поддержки бизнеса так же предопределяют финансовое благополучие региона. Примером неудачной политики можно назвать заявление губернатора Саратовской области о повышении ставки налогов[2] по коммерческой недвижимости в период, когда она практически не востребована и вместо дохода приносит своим владельцам лишь убытки в виде коммунальных платежей и сборов.

Корректировка материального благосостояния происходит путем государственного регулирования ценовой политики розничного рынка наиболее востребованных товаров и услуг. К аналогичному рычагу воздействия на экономическую стабильность местности можно отнести дотационность региона. По официальным данным бюджеты регионов от 25 до 38% субсидируются из государственного бюджета[3] и это средний показатель по стране. Определенные гарантии наличия постоянных рабочих мест продуцируются отраслевой структурой хозяйствования. Соотношение индустриального и аграрного сектора в интересующих нас регионах следующее: Саратовская область традиционно порядка 13% относит к сельскохозяйственной части экономики[4]. Динамика состояния бедности прослеживается благодаря возможности осуществлять сезонные виды работ в интересующих нас субъектах РФ в аграрном секторе. Кроме того, традиционно спад покупательской способности в стране [19] совпадает с послепраздничным периодом (каникулами), приуроченному обычно к праздничным дням (продолжительные и расслабленные выходные обычно приходятся на первые дни календарного года, межсезонье — конец февраля — начало марта и начало мая). На эти периоды выпадает пик совершения насильственных преступлений.

2. Этнокультурные программы [20] (или социальные программы), прослеживаемые не только в отдельных регионах, но даже в населенных пунктах, отвечают за уровень правосознания населения, так как традиции и привычные модели поведения, соотносимые с юридически закрепленным запретом, могут отличаться разнообразием. В частности, традиции рыболовства (веками велась в крупных водных бассейнах промысловая добыча рыбы до недавнего времени) в исследуемых регионах явно влияют на число актов браконьерства. Обычай благодарить учителей, врачей, начальников, поздравлять их с днем рождения путем одаривания, также можно назвать привычной моделью поведения для жителей этих фактически южных регионов. Некоторые исследователи отмечают, что этот фактор сформировался еще во времена татаро-монгольского ига[5].

---

[1] См.: В области снизилось число субъектов малого и среднего бизнеса // Новостной портал СаратовБизнесКонсалтинг. 2021. 10 нояб.

[2] См.: Небольшие ТЦ и офисные здания приравняют по налогам к крупным // Новостной портал СаратовБизнесКонсалтинг. 2021.14 июля.

[3] См.: Бюджет-2021: Саратовской области выделено порядка 30 млрд. рублей из федерального бюджета // Официальный портал правительства Саратовской области. URL: https://saratov.gov.ru/events/byudzhet_2021_saratovskoy_oblasti_vydeleno_poryadka_30_mlrd_rubley_iz_federalnogo_byudzheta/(дата обращения: 20.02.2022).

[4] См.: Инвестиционный портал регионов России. URL: https://саратовзем.рф/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie-saratovskoj-oblasti/ (дата обращения: 20.02.2022).

[5] См., например: Эксперты: феномен российской коррупции — в татаро-монгольском иге и приватизации // РИА «ФедералПресс». ЭКОНОМИКА. 2017.13 апр.

Тип потребления алкоголя также во-многом предопределен климатическими условиями и, связанными с ними вкусовыми предпочтениями населения [21], и распространенностью злоупотребления им. В официальных источниках последних лет нет детальной информации об уровне алкоголизации интересующих нас регионов. По данным МВД России в состоянии опьянения совершено 28% зарегистрированных преступлений[1]. «Социологические исследования и данные официальной медицины регистрируют частоту потребления алкогольных напитков, согласно их личному признанию, около 82% людей в возрасте 12–22 лет» [22]. Обобщение сведений о динамике преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, не позволяет делать вывод о прямой сезонной закономерности. Праздничные и «отпускные» периоды календарного года традиционно выделяются на фоне остальных показателей[2].

3. Виктимное поведение потерпевших. В частности, у собственников имущества есть не только комплекс прав, закрепленных в Федеральном законодательстве, но и обязанности по поводу эксплуатации своих вещей. Базовая обязанность заключается в том, что пользование имуществом (ст. 210 ГК РФ) не должно причинять вреда правам и законным интересам других граждан (несобственников). Осуществление указанного нормативного требования возможно лишь при условии постоянного контроля за своим имуществом. Не при помощи государственных органов, а собственными усилиями собственника. Ярким примером может служить ответственность собственника транспортного средства за вред, причиненный любому лицу при его использовании любым (даже посторонним и не имеющим права управления) субъектом. А также особенности конструирования договоров страхования имущества, предусматривающих обеспечение сохранности застрахованных объектов собственником. Современные технологии позволяют использовать специальные средства, сокращающие возможность свободного доступа к движимым и недвижимым предметам и их несанкционированному использованию, находящимся как в частной, так и в общественной собственности: чипы отслеживания через спутниковую связь (например, у домашних животных, цифровой техники, автотранспорта), «умные замки», сигнализации, камеры видеофиксации, услуги охранных агентств, применение блокчейн в безналичных и цифровых сферах и др. Сезонную миграцию населения в летний период и период отпусков (например, длительные праздничные дни в первых числах января), стоит рассматривать как фактор определенной расслабленности и виктимности потенциальных потерпевших. В связи со сказанным бдительность физических и юридических лиц можно отнести к важнейшим криминогенным факторам имущественной преступности. Элементом виктимности при мониторинге причинного комплекса преступности следует назвать низкий уровень негативного отношения широких масс к исследуемому явлению. С одной стороны, можно выделить сочувственное отношение к тем, кто не смог легальным путем решить свои проблемы (например, в условиях чрезвычайно закредитованности населения[3] подобная солидарность распростра-

[1] См.: МВД: каждое четвертое преступление в России совершили люди в нетрезвом виде // Ведомости. 2021. 27 сентяб.

[2] См.: Статистика. Прокуратура Саратовской области // Официальный сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/mass-media/news?item=64922827 (дата обращения: 20.02.2022).

[3] См.: Рейтинг регионов по закредитованности населения — 2021 // РИА Рейтинг Интернет-ресурс «Россия Сегодня». URL: https://riarating.ru/infografika/20211129/630213206.html (дата обращения 12.01.2022).

нена). С другой — многие считают даже незаконное завладение чужими вещами недостаточно опасным видом поведения, в сравнении с насильственными.

4. Коррупция. Высокий уровень коррупции создает атмосферу социальной напряженности, потому что возникает ощущение несправедливости — преимущество в удовлетворении потребностей и реализации своих законных прав получают лишь те, кто дополнительно вознаграждают чиновников. Кроме того, ситуация пандемии показала насколько коррупция влияет на сознание населения даже в области общественной безопасности — приобретались сертификаты [23], свидетельствующие о наличии прививки, при отсутствии этого медицинского вмешательства. Исследований коррупции в последние несколько лет практически не проводилось, тем более на уровне регионов. Коррупциогенность ярко прослеживается при изучении транспортной преступности [24] и налоговой [25]. Примечательно, что в исследованиях коррупции не упоминается ее сезонный характер.

5. Массмедиа и их влияние на общество (хотя корректнее говорить о явлении диджитализации социума во всех сферах человеческой жизнедеятельности). Распространение в интернете негативной информации и цифровизации социума отмечается в исследованиях преступности несовершеннолетних лиц [26]. Формирование корыстной мотивации также рассматривается в качестве сильного стимулятора имущественной преступности, чему способствует назойливая реклама потребления разнообразной продукции, используемая не только в специально отведенных временных блоках телеэфира или иных СМИ, но и на индивидуальном уровне, в смартфонах. Например, прогнозируется использование сведений системы нейросети при совершении преступлений [27]. Социально-психологические особенности поведения человека в социальных сетях, позволяющие создать иллюзорную жизнь (чем многие охотно и активно пользуются, отрабатывая навыки самоутверждения) способствуют усилению дискомфорта большинства людей, которые не могут похвалиться подобного рода достижениями как реальными, так и воображаемыми. Таким образом, уровень социальной и индивидуальной агрессии также растет. С другой стороны, игровые симуляторы в цифровой среде доступные и увлекательные, способствуют снятию напряжения. Поэтому сделать однозначный вывод об исключительно пагубном влиянии процессов диджитализации на социум мы не можем.

6. Эффективность правоохранительной деятельности как в сфере предупреждения первичной преступности, так и рецидива преступлений. По отчетам о проведенной работе полицией и прокуратурой, эффективность повышается с каждым годом[1]. Уровень рецидива по стране и по интересующим нас мегаполисам также понижается, что свидетельствует об удачной политике, проводимой ФСИН РФ.

Указанные виды социальных конструкций примечательны тем, что обусловливают и обостряют ситуацию социального неравенства, которая, по мнению большинства исследователей, и есть главная причина преступного и противоправного поведения. Так, названные факторы распространяются на все виды

[1] См.: Подведены итоги оперативно-служебной деятельности органов и подразделений внутренних дел Саратовской области за 2021 год // Официальный сайт Главного управления МВД России по Саратовской области. URL: https://64.мвд.рф/news/item/28228700/ (дата обращения: 03.03. 2022).

преступности без исключения, способствуя конфликту, выражающемуся в отчуждении личности от социума.

Таким образом, проводя обобщение полученных результатов нашего обзора криминогенных детерминантов мегаполисов, можно сделать вывод о том, что сезонностью обладают факторы:

занятость населения или взаимосвязанное с нею состояние бедности (во всех видах преступности, кроме налоговых);

виктимность (особенно четко проявляется в имущественных, насильственных и транспортных видах преступности);

погодные условия, соотносимые с временами года (во всех видах преступности, кроме налоговой);

организация работы правоохранительных и иных органов государственного контроля.

Проведение комплексного изучения сезонных колебаний причин и условий преступности в мегаполисах способствует разработке рекомендаций по планированию предупредительной деятельности органами государства.

Библиографический список

1. *Гилинский Я.И.* Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии // Российский ежегодник уголовного права. 2008. № 2. С. 382–398.

2. *Лунеев В.В.* Курс мировой и Российской криминологии: в 2 т. М.: Юрайт, 2011. Т. 1: общая часть. 1006 с.

3. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Норма, 2005. 912 с.

4. *Кобец П.Н.* Краткая криминологическая характеристика преступности современных мегаполисов // Традиции и новации в системе современного российского права (г. Уфа, 4 мая 2018 г.): в сборнике статей по итогам Международной научно-практической конференции. Уфа, 2018. С. 27–29.

5. *Киселев А.А.* Сезонность преступности как объект криминологического изучения // Правовая культура. 2020. № 2(41). С. 139–150.

6. *Грудинин Н.С.* Имущественная преступность в современной России: причинный комплекс и роль правоохранительных органов в ее предупреждении // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 2 (69). С. 3–8.

7. *Якоб Е.И.* Насильственная преступность в России: криминологическая характеристика, детерминанты, тенденции и предупреждение // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2020. № 3 (104). С. 133–140.

8. *Залогин П.Ю.* Уличная преступность: профилактика и предупреждение // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 84–86.

9. *Ольков С.Г.* О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73–78.

10. *Филиппова О.В., Зацепин А.М.* Детерминанты совершения преступлений, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов // Мониторинг правоприменения. 2014. № 1. С. 61–65.

11. *Бобринев Р.В.* Обстоятельства, способствующие совершению налоговых правонарушений и преступлений // Вестник КемГУ. 2015. № 2–5. С. 256–262.

12. *Елизаров А.А., Остроухова В.А.* Ответственность за нарушение налогового законодательства юридическими лицами, предусмотренная уголовным кодексом РФ // Вестник ВУиТ. 2018. №4. С. 170–179.

13. *Катаева О.В., Шапошников В.Л.* Деятельность территориальных органов МВД России по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными

из мест лишения свободы: современные проблемы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 2. С. 38–42.

14. *Исбеков К.Б., Асылбекова С. Ж., Куликов Е. В., Ким А.И.* Браконьерство один из основных факторов снижения численности осетровых рыб Каспийского бассейна // Астраханский вестник экологического образования. 2015. №1 (31). С. 50–57.

15. *Булгакова С.А.* Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // Инновационная наука. 2016. № 5–1(17). С. 215–217.

16. *Комлев Ю.Ю.* Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды: основы теории и оценка региональных трендов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2(11). С. 95–100.

17. *Спиваков В.Р.* Личность преступника, совершившего дорожно-транспортное происшествие // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № Т11. С. 2946–2950.

18. *Бахтеев О.А., Миронов А.В.* Применение систем контроля физического состояния водителей // Наземные транспортно-технологические комплексы и средства: материалы Международной научно-технической конференции. Тюмень, 2018. С. 47–51.

19. *Рамазанов И.А., Перельман М.А.* Прогнозирование емкости и розничных цен на российском рынке рыбных товаров // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 3. С. 825–840.

20. *Антонян Ю.М., Тимошина Е.М.* Причины преступности в России. СПб.: Нестор-История, ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2013. 348 с.

21. *Рощина Я.М., Мартыненко П.А.* Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 20–42.

22. *Пьянкова Л.А.* К проблеме подросткового алкоголизма // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 54. С. 29.

23. *Батманова Л.А.* Особенности расследования коррупционных преступлений в пандемию: оформление сертификата о вакцинации // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 476–484.

24. *Сагайдак А.Ю., Стебенева Е.В., Харламов В.С.* Анализ криминогенной ситуации на объектах транспорта и меры профилактики коррупционной преступности в данной сфере // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 2. С. 153–157.

25. *Николаева Ж.А.* Криминологические особенности и специфика детерминации современной налоговой преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 5. С. 710–722.

26. *Орлов Г.А.* Интернет как средство формирования преступности среди несовершеннолетних // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 4–6. С. 1007–1009.

27. *Гордеев А.Ю.* Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. 2021. № 1(53). С. 123–135.

References

1. *Gilinsky Ya.I.* The genesis of crime. The problem of causality in criminology // Russian Yearbook of Criminal Law. 2008. No. 2. P. 382–398.

2. *Luneev V.V.* Course of World and Russian criminology: in 2 volumes. M.: Yurayt, 2011. Vol. 1: general part. 1006 p.

3. Criminology: textbook for universities / under the general editorship of A.I. Dolgova. M.: Norm, 2005. 912 p.

4. *Kobets P.N.* Brief criminological characteristics of the criminality of modern megacities // Traditions and innovations in the system of modern Russian law (Ufa, May 4, 2018):

in the collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference. Ufa, 2018. pp. 27-29.

5. *Kiselev A.A.* Seasonality of crime as an object of criminological study // Legal culture. 2020. No. 2(41). P. 139–150.

6. *Grudinin N.S.* Property crime in modern Russia: the causal complex and the role of law enforcement agencies in its prevention // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (69). P. 3–8.

7. *Jacob E.I.* Violent crime in Russia: Criminological characteristics, determinants, trends and prevention // Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2020. No. 3 (104). P. 133–140.

8. *Zalogin P.Yu.* Street crime: prevention and prevention // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1. P. 84–86.

9. *Olkov S.G.* On the benefits and harms of inequality (criminological investigation) // State and law. 2004. No. 8. P. 73–78.

10. *Filippova O.V., Zatsepin A.M.* Determinants of the commission of crimes involving responsibility for tax evasion and (or) fees // Monitoring of law enforcement. 2014. No. 1. P. 61–65.

11. *Bobrinev R.V.* Circumstances contributing to the commission of tax offenses and crimes // Bulletin of KemSU. 2015. No. 2-5. P. 256–262.

12. *Elizarov A.A., Ostroukhova V.A.* Liability for violation of tax legislation by legal entities provided for by the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik VUiT. 2018. No. 4. P. 170–179.

13. *Kataeva O.V., Shaposhnikov V.L.* Activity of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the implementation of administrative supervision of persons released from prison: modern problems // Problems of law enforcement. 2019. No. 2. P. 38–42.

14. *Isbekov K.B., Asylbekova S. Zh., Kulikov E.V., Kim A.I.* Poaching is one of the main factors in reducing the number of sturgeon in the Caspian basin // Astrakhan Bulletin of Ecological Education. 2015. No.1 (31). P. 50–57.

15. *Bulgakova S.A.* The crisis of the family and traditional foundations in modern society // Innovative Science. 2016. No. 5-1(17). P. 215–217.

16. *Komlev YU.* Sociological monitoring of anesthesia of the adolescent-youth environment: fundamentals of theory and assessment of regional trends // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2012. No. 2(11). P. 95–100.

17. *Spivakov V.R.* The identity of the criminal who committed a traffic accident // Scientific and methodological electronic journal Concept. 2016. № T11. P. 2946–2950.

18. *Bakhteev O.A., Mironov A.V.* Application of systems for monitoring the physical condition of drivers // Land transport and technological complexes and means: materials of the International Scientific and Technical Conference. Tyumen, 2018. P. 47–51.

19. *Ramazanov I.A., Perelman M.A.* Forecasting of capacity and raw prices on the Russian market of fish products // Russian enterprise. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 825–840.

20. *Antonyan Yu.M., Timoshina E.M.* The causes of crime in Russia. St. Petersburg: Nestor-History, FGKU "VNII MIA of Russia", 2013. 348 p.

21. *Roshchina Ya.M., Martynenko P.A.* The structure of alcohol consumption as an indicator of a social group in modern Russian cities // Economic sociology. 2014. Vol. 15. No. 1. P. 20–42.

22. *Pyankova L.A.* To the problem of adolescent alcoholism // Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application. 2016. No. 54. P. 29.

23. *Batmanova L.A.* Features of the investigation of corruption crimes in the pandemic: registration of a vaccination certificate // Issues of Russian justice. 2021. No. 15. P. 476–484.

24. *Sagaidak A.Yu., Stebeneva E.V., Kharlamov V.S.* Analysis of the criminal situation at transport facilities and measures to prevent corruption in this area // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2021. No. 2. P. 153–157.

25. *Nikolaeva Zh.A.* Criminological features and specifics of the termination of modern tax crime // All-Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14. No. 5. P. 710–722.

26. *Orlov G.A.* Internet as a means of forming juvenile delinquency // International Student Scientific Bulletin. 2018. No. 4-6. P. 1007–1009.

27. *Gordeev A.Yu.* Prospects for the development and use of artificial intelligence and neural networks to counter crime in Russia (based on foreign experience) // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1(53). P. 123–135.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-147-154
УДК 343

Г.Р. Фарахиева

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ

Введение: *на современном этапе развития общества при вовлечении несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств прибегают к новейшим методам, то есть, используя пространство сети Интернет. Данное исследование направленно на формирование, внедрение и использование информационных средств в борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств.* ***Цель:*** *комплексное исследование предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств в Интернете.* ***Методологическая основа:*** *методологическую основу исследования составляет всеобщий диалектический метод познания проблем предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в интернет-пространстве. В исследовании применяются общенаучные (логический, системно-структурный, формально-логический, обобщение) и частнонаучные (изучение нормативно-правовых актов, анализ зарубежного опыта, результаты авторского социологического исследования) методы познания.* ***Результаты:*** *рассмотрены наиболее популярные информационные ресурсы, содержащие в себе сведения о наркотических средствах, а также популяризирующие их, что, в свою очередь, детерминируют вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств. Приводится опыт зарубежных стран по блокировке информационных ресурсов. Эффективность деятельности правоохранительных органов зарубежных стран основывается на взаимодействие с иными службами как на федеральном, так и на международном уровнях. Также в статье предлагаются инновационные информационные (цифровые) технологии в борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, осуществляемых посредством интернет-пространства.* ***Выводы:*** *автором исследования указывается ряд мероприятий в интернет-пространстве, а также приходит к выводу, что использование искусственного интеллекта является наиболее эффективным направлением в борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств в сети Интернет.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, вовлечение несовершеннолетних, незаконный оборот наркотических средств, интернет-пространство, взаимодействие, модернизация, мониторинг, искусственный интеллект.*

© Фарахиева Гузель Руслановна, 2022
Адъюнкт кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права (Казанский юридический институт МВД России); e-mail: guzel.khusnutdinova@inbox.ru
© Farakhieva Guzel Ruslanovna, 2022
Associate Professor, Department of Criminology and Criminal Executive Law (Kazan Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs)

G.R. Farakhieva

PREVENTION OF JUVENILE INVOLVEMENT IN DRUG TRAFFICKING ON THE INTERNET

Background: *at the present stage of development of society, the involvement of minors in the illegal circulation of narcotic drugs has acquired innovative methods. Criminals widely use the Internet space. This study is aimed at the formation, implementation and use of information tools in the fight against the involvement of minors in drug trafficking.* ***Objective:*** *to suggest a comprehensive study of the prevention of minors' involvement in drug trafficking on the Internet.* ***Methodology:*** *the methodological basis of the study is the universal dialectical method of cognition of the problems of preventing the involvement of minors in the illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues on the Internet. The study uses general scientific (logical, system-structural, formal-logical, generalization) and particular scientific (study of legal acts, analysis of foreign experience, results of the author's sociological research) methods of cognition.* ***Results:*** *the most popular information resources containing information about drugs and promoting them, which in turn determines the involvement of minors in the illicit trafficking of drugs, are considered. The experience of foreign countries in blocking information resources is cited. The effectiveness of law enforcement agencies in foreign countries is based on cooperation with other services, both at the federal and international levels. The article also proposes innovative information (digital) technologies in the fight against the involvement of minors in drug trafficking, carried out through the Internet space.* ***Conclusion:*** *the author of the study indicates a number of activities in the Internet space, and also comes to the conclusion that the use of artificial intelligence is the most effective way to combat the involvement of minors in drug trafficking in the Internet space.*

Key-words: *minors, involvement of minors, drug trafficking, Internet space, interaction, modernization, monitoring, artificial intelligence.*

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 4 (147) • 2022

В происходящем сегодня и динамично развивающемся в обществе, процесс цифровизации происходит активнее, чему способствует развитие интернет-пространства, это вызывает повышенное внимание со стороны государства к проблеме обеспечения информационной безопасности граждан.

На государственном уровне принимаются специальные программы, направленные на обеспечение информационной безопасности. Одним из основных нормативно-правовых актов по обеспечению информационной безопасности в Российской Федерации является Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента России 5 декабря 2016 г.[1] Особое внимание в обеспечении информационной безопасности следует уделять категориям граждан, которые, в силу определенных личностных особенностей (возрастных, психофизиологических), не могут самостоятельно обезопасить себя от «опасного контента» в интернет-пространстве. В первую очередь к данной категории следует отнести несовершеннолетних лиц.

Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в современных условиях является важнейшей задачей, которую необходимо комплексно

[1] См.: Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

рассмотреть с целью формирования эффективных методов защиты несовершеннолетних от вовлечения в преступную деятельность, в том числе в незаконный оборот наркотических средств.

Исходя из материалов судебной практики и статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее — МВД России), мы пришли к выводу, что вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств осуществляется посредством Интернет-пространства, Telegram-каналов и иных зашифрованных (анонимных) информационных ресурсов.

Министром внутренних дел России В.А. Колокольцевым на расширенном заседании коллегии МВД России было отмечено, что: «...личный состав ориентирован на пресечение деятельности лиц, негативно влияющих на несовершеннолетних, в том числе посредством сети Интернет. Выявлено 1,5 тыс. фактов их вовлечения в преступления и антиобщественные действия»[1]. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть меры по предупреждению вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств посредством Интернет-пространства.

Данная проблема исследуется многими учеными. Например, А.С. Смолякова в своих научных трудах выделяет несколько направлений применения информационно-телекоммуникационных технологий в сфере незаконного наркооборота: «...передача месторасположения тайника; реклама наркотических средств и психотропных веществ; получение сведений об оплате купленных наркотиков...» [1, с. 114–115].

Незаконная деятельность в данных направлениях осуществляется различными способами. Е.В. Демидова-Петрова отмечает: «В эпоху динамично развивающейся информационной глобализации возникшие современные информационные и коммуникационные технологии значительно облегчают и упрощают процесс влияния на формирование общественного мнения, на взгляды, установки, настроения различных возрастных, социальных групп населения» [2, с. 41]. В мире в настоящее время существует большое разнообразие программ, приложений и иных информационных ресурсов, которые позволяют их пользователям достичь преступной цели.

Находясь в интернет-пространстве, несовершеннолетние подвергаются значительному влиянию «опасного контента». Так, в результате проведенного авторского исследования среди лиц несовершеннолетнего возраста, было установлено, что в Интернете они встречались с «опасным контентом»: который склоняет пользователей к совершению противозаконных действий, в последствии которых причиняется вред жизни или здоровью, в том числе и самому себе — 53%, который побуждает пристрастие к употреблению наркотиков, табака, спиртных напитков, а также втягивающий пользователей в иную криминогенную сферу (проституцию, игорный бизнес и др.) — 37%, склоняющий к совершению самоубийства — 10%.

С использованием Интернета вовлечение несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств перешло на новый уровень. Развитие информационно-коммуникационных технологий отразилось на способах совершения

[1] См.: Расширенное заседание коллегии МВД России. 17 февраля 2022 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67795 (дата обращения: 23.02.2022).

преступлений, вследствие чего, появилась информационная (цифровая) торговля наркотическими средствами и психотропными веществами.

С.И. Земцова считает, что повышению уровня конфиденциальности в интернет-пространстве, прежде всего, способствуют:

применения программного обеспечения и приложений, с функцией VPN-соединения, позволяющие шифровать IP-адреса пользователей и обходить ограничения органов государственных власти;

применение электронных кошельков (WebMoney, QIWI, Wallet и др.), а также систем денежных переводов (WesternUnion, CONTACT);

применение приложений, поддерживающих Off-the-Record Messaging, а также имеющие специальный функцию по хранению данных с защитой от несанкционированного доступа;

приобретение помещений без соблюдения требований гражданско-правового законодательства в целях проживания членов преступного сообщества, хранения, фасовки, транспортировки наркотических средств, психотропных веществ;

«удаленный» характер приобретения и передачи наркотических средств, психотропных веществ, то есть отсутствие контакта между участниками;

использование nickname участников в процессе общения;

использование автоматизированных программ (чат-ботов) [3, с. 38–39].

Отдельное внимание уделяется такой части сетевого пространства как Darknet. А.В. Яшин, В.Р. Шикшеев считают, что Darknet — это определенно криминогенная сеть, как и сайты, расположенные там. Получить доступ к такой сети возможно с использованием специального программного обеспечения, например, TheOnionRouter. Такая программа предназначена для установления сетевого соединения, которое защищает от слежения и средств анализа интернет-трафика. Это дает возможность пользователям сохранять приватность при посещении сайтов и ведении торговых площадок в интернет-пространстве [4, с. 109]. Следовательно, Darknet является идеальным местом для осуществления преступной деятельности, в частности незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ. Преступники активно пользуются тем, что Darknet исключает возможность правоохранительных органов установить личность пользователя.

Таким образом, Darknet и Telegram-каналы выступают ведущими элементами сети, способствующими вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ. Стоит отметить, что они обладают значительным уровнем анонимности, в данных источниках присутствует функция VPN для всех пользователей мира, за счет данного шифрования IP-адрес и данные лица вычислить практически невозможно (к примеру, мобильное приложение VPN Master позволяет шифровать IP-адрес пользователя мобильного устройства, сохраняя конфиденциальность). Посредством использования VPN-программ пользователи получают доступ к скрытой сети Darknet, Tor и др. Так, Tor предлагает высочайший стандарт конфиденциальности. Onion-сайты — это упрощенные версии веб-сайтов, доступ к которым возможен только через Tor.

На наш взгляд, «преимуществом» скрытых ресурсов интернет-пространства, способствующих вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, является, в первую очередь, анонимность пользователей, поскольку данные ресурсы напрямую не собирает никаких данных об активности пользователей (по данному принципу функционирует Onion Browser, который не

использует стороннюю аналитику iOS). Сбор аналитических данных осуществляется по выбору и агрегируется и анонимизируется с использованием методов дифференциальной конфиденциальности, чтобы затруднить или сделать невозможным извлечение информации об отдельном пользователе из агрегированных данных. Именно данный аспект затрудняет деятельность правоохранительных органов в борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ посредством интернет-пространства.

Учитывая данные тенденции, выявление и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ посредством Интернета является сложной задачей, и как справедливо отмечали В.Ф. Васюков, А.Н. Колычева: «В большинстве случаев сопряжено со специальными знаниями в сфере сетевых технологий» [5, с. 120]. Помимо специальных знаний в сфере сетевых технологий, в целях эффективной борьбы с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств посредством интернет-пространства потребуется время, деньги и техника[1].

Однако, несмотря на сложности, возникающие перед правоохранительными органами в процессе противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, все же прослеживается возможность противодействия данному негативному явлению — наркопреступности в Сети. Так, в 2019 г. правоохранительные органы Германии и других стран, совместно с представителями Europol заявили о прекращении деятельности сразу двух торговых площадок, таких как: Wall Street Market и Valhalla (Silkkitie). В официальном заявлении говорится, что Генеральная прокуратура Frankfurt am Main и Федеральное управление уголовной полиции (совместно с Europol, Eurojust и коллег из Нидерландов и различных агентств США) задержали трех граждан, подозреваемых в организации и участие в Wall Street Market. На ряду с задержанием в Германии, в США были арестованы два крупнейших наркоторговца, использовавших WSM[2]. В 2020 г. Генеральная прокуратура Frankfurt am Main и Федеральное управление уголовной полиции раскрыли девять криминальных Telegram-каналов, занимавшихся торговлей оружием и наркотическими средствами, в которых были зарегистрированы около восьми тысяч пользователей[3].

Следующим положительным моментом является опыт Германии. Так, правоохранительные органы Германии закрыли крупнейшую в мире торговую площадку в Darknet под названием DarkMarket и отключили ее серверы. По сведениям прокуратуры, площадка DarkMarket занималась незаконной торговлей наркотическими средствами. Услугами платформы DarkMarket пользовались около полумиллиона пользователей, посредством DarkMarket было совершено более 320 000 сделок[4]. Следует отметить, что немецкие следственные органы сотрудничали с правоохранительными органами США, Дании, Австралии и др.

[1] См.: В структуре МВД создается киберполиция. URL: https://rg.ru/2020/12/18/v-strukture-mvd-sozdaetsia-kiberpoliciia.html (дата обращения: 23.02.2022).

[2] См.: Правоохранители сообщили о закрытии двух торговых площадок, включая Wall Street Market. 2019. URL: https://xakep.ru/2019/05/06/wsm-down/ (дата обращения: 23.02.2022).

[3] См.: В Германии раскрыли девять криминальных чат-групп в Telegram. 2020. URL: https://www.dw.com/ru/v-frg-raskryli-devjat-kriminalnyh-chat-grupp-v-telegram/a-55445171 (дата обращения: 23.02.2022).

[4] См.: В ФРГ закрыли крупнейшую в мире торговую площадку в даркнете. 2021. URL: https://www.dw.com/ru/v-frg-zakryli-krupnejshuju-torgovuju-ploshhadku-v-darknete/a-56204919 (дата обращения: 23.02.2022).

Europol отвечал за координацию взаимодействия между правоохранительными органами вышеуказанных стран.

Исследовав существующий зарубежный опыт борьбы с наркопреступностью в интернет-пространстве, необходимо отметить, что залогом эффективной борьбы является слаженное взаимодействие различных ведомств на региональном, федеральном и международном уровнях. Об этом также заявил Президент Российской Федерации В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России: «Нужно самым серьёзным образом совершенствовать порядок взаимодействия МВД с финансовыми организациями, операторами связи и другими структурами, работающими в цифровом пространстве и в области телекоммуникаций. В целом для укрепления кибербезопасности требуется более скоординированная работа правоохранительных органов, соответствующих государственных ведомств и регуляторов, экспертного сообщества и бизнеса»[1].

Крайне важно действовать на опережение, в том числе обновляя и совершенствуя правовую базу, укреплять технические возможности МВД России, поскольку информационно-коммуникационные технологии быстро развиваются, появляются новые риски, которые необходимо предотвращать, чтобы преступники не могли паразитировать на технологическом прогрессе.

Одним из основных направлений в борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ в интернет-пространстве является модернизация ведомственной инфраструктуры. Модернизация должна обеспечивать бесперебойное и беспрерывное функционирование систем, защиту информации, в том числе безопасный удаленный доступ к базам данных. Для этого требуется поддержка профильных ведомств — Минцифры и Минпромторга России — в разработке и приобретения необходимого оборудования.

Мониторинг интернет-пространства на предмет выявления деструктивных сообществ и ресурсов, содержащих в себе сведения о наркотических средствах детерминирует вовлечение несовершеннолетних в сферу незаконного оборота наркотиков.

Мониторинг интернет-пространства заключается в следующем:

1) анализ посредством поисковых систем (Google, Yandex, Mail.ru, Yahoo, Bing и др.) релевантных ключевых слов, которые могут быть связаны с деятельностью деструктивных информационных (цифровых) ресурсов, популяризирующих наркотические средства, психотропные вещества и вовлекающих несовершеннолетних в наркопреступность;

2) просмотр молодежных форумов, информационных ресурсов, включая социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Instagram, Twitter, Telegram-каналы), где, вероятнее всего, может проявляться информация разрешительного характера для несовершеннолетних пользователей, связанная с наркотическими средствами, психотропными веществами.

К сожалению, в настоящее время, мероприятия, направленные на формирование информационно-цифровой культуры личности несовершеннолетних в библиотеках и образовательных учреждениях, реализуются недостаточно, в основном через обучение информационно-коммуникационным технологиям,

[1] См.: Расширенное заседание коллегии МВД России. 17 февраля 2022 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67795 (дата обращения: 23.02.2022).

информационно-библиографической грамотности, через ликвидацию компьютерной безграмотности [6, с. 265].

Программы, разработанные в рамках проекта «Равные возможности», спроектированы с учетом междисциплинарного подхода организации просветительского процесса, и содействуют формированию у целевой аудитории не только технологического и когнитивного, но и мировоззренческого компонента цифровой культуры личности. Они не только предусматривают приобретение знаний, умений и компетенций, связанных с изучением определенных компьютерных программ, сетевых сервисов, языков программирования, основ криптографии, но и предполагают изучение проблемных вопросов, связанных с безопасностью несовершеннолетних в интернет-пространстве, содействие формированию у несовершеннолетних системы взглядов и представлений о путях для развития и самовыражения личности в условиях формирования современной социально-технологической реальности, о роли современных технологий в жизни общества, о проблемах, с которыми сталкивается несовершеннолетние, в процессе активной интеграции в интернет-пространстве.

А наиболее эффективное направление борьбы с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ посредством интернет-пространства — это использование искусственного интеллекта. Системы искусственного интеллекта на современном этапе развития общества позволяют не только выявлять интернет-ресурсы, популяризирующие наркопреступность, но и прогнозировать развитие вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Примером может послужит Big Data — система, позволяющая использовать фрагментированные сведения в целях получения общей картины «наркотической» активности в интернет-пространстве. В условиях значительного инновационно-технологического отставания отечественной практики от мирового опыта противодействия вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ происходит интеграция достижений научно-технического прогресса на наднациональном уровне, что предполагает активное использование инновационных технологий Big Data, алгоритм которых основан на деятельности с большим объемом цифровых данных из различных источников.

Рассмотрев опыт зарубежных стран по борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, мы пришли к выводу, что взаимодействие различных ведомств на региональном, федеральном и международном уровнях является одним из основных направлений предупредительной деятельности.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, резюмируем, что с развитием информационно-коммуникационных технологий, следует развивать средства и методы предупреждения преступных посягательств, связанных с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в том числе, совершаемые в интернет-пространстве. Комплексное применение вышеперечисленных предупредительных мер, на наш взгляд, эффективно отразится на борьбе с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в интернет-пространстве.

Библиографический список

1. *Смолякова А.С.* К вопросу о сущности способа совершения наркопреступлений с использованием сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5 (13). С. 110–116.

2. *Демидова-Петрова Е.В.* Молодежный экстремизм в условиях современного трансформирующегося российского общества // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 1(11). С. 39–43.

3. *Земцова С.И.* Интернет-магазины, осуществляющие незаконный сбыт синтетических наркотических средств: дифференциация и характерные признаки // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1(34). С. 36–41.

4. *Яшин А.В., Шикшеев В.Р.* Проблемы противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым посредством сети интернет // Вестник ПензГУ. 2020. № 3(31). С. 107–112.

5. *Колычева А.Н., Васюков В.Ф.* Отдельные аспекты судебной компьютерной экспертизы, назначаемой при расследовании преступлений, совершенных с использованием сети Интернет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3(25). С. 119–122.

6. *Кавалерчик Т.Б.* Развитие интеллектуального потенциала подрастающего поколения средствами образовательных программ, направленных на формирование информационной и цифровой культуры личности // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции (Хабаровск, 17 декабря 2020 г.). Хабаровск: Хабаровский государственный институт культуры, 2020. С. 263–273.

References

1. *Smolyakova A.S.* To the Question of the Essence of the method of Committing Drug-Related Crimes Using the Internet // Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. 2016. No. 5 (13). P. 110–116.

2. *Demidova-Petrova E.V.* Youth Extremism in the Conditions of the Modern Transforming Russian Society // Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. V. 6. No. 1(11). P. 39–43.

3. *Zemtsova S.I.* Online Stores that Carry Out Illegal Sales of Synthetic Drugs: Differentiation and Characteristic Features // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1 (34). P. 36–41.

4. *Yashin A.V., Shiksheev V.R.* Problems of Combating Crimes in the Field of Drug Trafficking Committed Through the Internet // Bulletin of PenzGU. 2020. No. 3 (31). P. 107–112.

5. *Kolycheva A.N., Vasyukov V.F.* Some Aspects of Forensic Computer Expertise Assigned in the Investigation of Crimes Committed Using the Internet // Crime Investigation: Problems and Ways to Solve Them. 2019. No. 3 (25). P. 119–122.

6. *Kavalerchik T.B.* Development of the Intellectual Potential of the Younger Generation By Means of Educational Programs Aimed at the Formation of Information and Digital Culture of the individual // Personality, Creativity, Education in the Socio-Cultural Space of the Far East of Russia and the Countries of the Asia-Pacific Region : Materials of the International Scientific and Practical Conference (Khabarovsk, December 17, 2020). Khabarovsk: Khabarovsk State Institute of Culture, 2020. P. 263–273.

КРИМИНАЛИСТИКА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-155-161
УДК 343.72

А.С. Волков, С.В. Митрошин, Н.А. Финогенов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСКИМ СХЕМАМ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «ДАЧНОЙ АМНИСТИИ»

Введение: *мошеннические действия с недвижимым имуществом довольно распространены. Разработанные в настоящее время механизмы противодействия различным мошенническим схемам безусловно препятствуют мошенничеству с недвижимостью, однако, не решают данную проблему в полном объеме. В действующем законодательстве имеются неурегулированные вопросы, которые позволяют использовать их для необоснованного обогащения предприимчивых граждан и недополучения доходов в казну государства. В частности, Закон о «дачной амнистии» и другие нормативные акты, регулирующие данную сферу деятельности в настоящее время позволяют недобросовестным гражданам идти по неправомерному пути.* ***Цель:*** *изучение механизма совершения мошеннических действий при оформлении земельного участка для возведения индивидуального жилого дома, пригодного для постоянного проживания и последующих действий нарушающих градостроительный регламент.* ***Методологическая основа:*** *диалектико-материалистический подход к познанию объективной действительности, взаимосвязи материальных и социальных явлений.* ***Результаты:*** *выявлен механизм совершения мошеннических действий при оформлении земельного участка по «дачной амнистии» для возведения индивидуального жилого дома, пригодного для постоянного проживания, приведены примеры таких действий.* ***Выводы:*** *на основании выявленных пробелов в законодательстве, с целью предотвращения мошенничества авторы предлагают внести изменения в Закон о «дачной амнистии».*

Ключевые слова: *мошенничество, мошеннические схемы, «дачная амнистия», противодействие мошенничеству, земельный участок, расследование мошенничества, механизм совершения преступления.*

© Волков Андрей Сергеевич, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: volkov-krim@yandex.ru
© Митрошин Станислав Вячеславович, 2022
Преподаватель кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mitroshin-69@mail.ru
© Финогенов Николай Александрович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: finogenovn@inbox.ru

© Volkov Andrei Sergeyevich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Criminalistics Department (Saratov State Law Academy)
© Mitroshin Stanislav Vyacheslavovich, 2022
Lecturer, Criminalistics Department (Saratov State Law Academy)
© Finogenov Nikolay Aleksandrovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Criminalistics Department (Saratov State Law Academy)

A.S. Volkov, S.V. Mitroshin, N.A. Finogenov

TOPICAL ISSUES OF COUNTERACTION TO FRAUDULENT SCHEMES IN THE USE OF „DACHA AMNESTY"

Background: *fraudulent actions with real estate are quite common. The currently developed mechanisms of counteraction to various fraudulent schemes certainly prevent fraud with real estate, but do not solve the problem in full. The current legislation has unresolved issues that allow their use for unjust enrichment of enterprising citizens and under-receipt of income to the state treasury. In particular, the Law on "dacha amnesty" and other normative acts regulating this sphere of activity currently allow unscrupulous citizens to follow an unjustified path.* ***Objective:*** *study of the mechanism of committing fraudulent actions when registering a land plot for the construction of an individual house, suitable for permanent residence and subsequent actions that violate city planning regulations.* ***Methodology:*** *dialectical-materialistic approach to cognition of objective reality, interrelation of material and social phenomena.* ***Results:*** *the mechanism of committing fraudulent actions when registering a land plot under "dacha amnesty" for the construction of an individual house suitable for permanent residence was revealed, and examples of such actions are given.* ***Conclusions:*** *based on the identified gaps in the legislation, in order to prevent fraud, the authors propose to amend the Law on "dacha amnesty".*

Key-words: *fraud, fraudulent schemes, "dacha amnesty", countering fraud, land plot, fraud investigation, the mechanism of committing a crime.*

Новые экономические условия жизнедеятельности нашего общества породили множество рисков, связанных с оборотом недвижимости, потребовали создания новых правовых механизмов, которые в большей степени гарантировали бы соблюдение прав и законных интересов участников рынка недвижимости [1, с. 34]. И данные изменения активно происходят в сфере оборота земельных участков. «Дачная амнистия», которая началась с 1 сентября 2006 г. позволяет в упрощенном порядке оформлять право собственности на отдельные объекты недвижимости. Ее значение обусловлено не только заботой о гражданах, но и существенным увеличением налоговых сборов и контролем за деятельностью подрядчиков. Неслучайно «дачная амнистия» регулярно продлевается и в настоящее время действует до 1 марта 2031 г.

Объекты недвижимости привлекают внимание инвесторов возможностью получения высокой прибыли за короткий промежуток времени. Несмотря на то, что инвестирование в землю — это довольно рискованная стратегия, на этом рынке достаточно инвесторов. Как правило, они свободно ориентируются на рынке земельных участков, обладают необходимой информацией о планируемой застройке тех или иных районов, связями (либо для достижения своих целей используют труд специалистов). А для достижения максимальной прибыли используют мошеннические схемы.

Различные мошеннические действия с недвижимым имуществом являются обыденным явлением. Мошеннические схемы при этом разнообразны и постоянно совершенствуются. При этом лица совершающие такие действия зачастую стараются использовать недостатки законодательства, чтобы уйти от уголовной ответственности. Таким образом, выявление таких преступлений осложняется

отсутствием видимых последствий преступлений, прикрытием преступления гражданско-правовой сделкой и т.д. [2, с. 11]

Согласно действующему земельному законодательству предоставление земельных участков для строительства объектов капитального строительства осуществляется на торгах, проводимых в форме открытых аукционов.

Заключение договоров аренды земельных участков по результатам торгов обеспечивает открытость и прозрачность сделок в области земельных правоотношений.

Вместе с тем органы местного самоуправления, уполномоченные на распоряжение земельными участками, в настоящее время сталкиваются с серьезной проблемой, вызванной недобросовестностью участников аукционов и пробелами в законодательстве.

Проблема заключается в следующем. В соответствии со ст. 39.11, 39.12 Земельного кодекса Российской Федерации по результатам аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, определяется ежегодный размер арендной платы. Предложенный победителем аукциона размер годовой арендной платы указывается в договоре аренды. Подписывая указанный договор, арендатор земельного участка принимает на себя обязательство по оплате арендной платы в указанном размере и по возведению на арендуемом земельном участке индивидуального жилого дома, пригодного для постоянного проживания.

Порядок размещения индивидуальных жилых домов на земельных участках регламентирован Градостроительным кодексом Российской Федерации.

Градостроительный кодекс РФ в ст. 51.1 четко регламентирует уведомительный характер планируемого строительства или реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома. В ней отмечается, что в целях строительства, реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства (за исключением строительства объектов индивидуального жилищного строительства с привлечением денежных средств участников долевого строительства в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации») или садового дома застройщик подает на бумажном носителе посредством личного обращения в уполномоченные на выдачу разрешений на строительство федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления, в том числе через многофункциональный центр, либо направляет в указанные органы посредством почтового отправления с уведомлением о вручении или единого портала государственных и муниципальных услуг уведомление о планируемых строительстве или реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома (далее также — уведомление о планируемом строительстве), содержащее следующие сведения: о планируемых параметрах объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома, в целях строительства или реконструкции которых подано уведомление о планируемом строительстве, в том числе об отступах от границ земельного участка; о том что объект индивидуального жилищного строитель-

ства или садовый дом не предназначен для раздела на самостоятельные объекты недвижимости[1].

Уполномоченные на выдачу разрешений на строительство федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в течение 7 рабочих дней со дня поступления уведомления о планируемой застройке проводит проверку соответствия указанных в уведомлении параметров объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома предельным параметрам разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, установленным правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, и обязательным требованиям к параметрам объектов капитального строительства, установленным настоящим Кодексом, другими федеральными законами и действующим на дату поступления уведомления о планируемом строительстве, а также допустимости размещения объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома в соответствии с разрешенным использованием земельного участка и ограничениями, установленными в соответствии с земельным и иным законодательством Российской Федерации, направляет застройщику способом, определенным им в уведомлении о соответствии указанных в нем параметров объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома установленным параметрам и допустимости размещения объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома на земельном участке либо о несоответствии указанных в уведомлении о планируемом строительстве параметров объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома установленным параметрам и (или) недопустимости размещения объекта индивидуального жилищного строительства или садового дома на земельном участке.

По окончании строительства индивидуального жилого дома застройщик обязан в соответствии со ст. 55 Градостроительного кодекса РФ получить от уполномоченного органа уведомление о соответствии построенного объекта индивидуального жилищного строительства требованиям законодательства о градостроительной деятельности, на основании которого и осуществляется государственная регистрация права собственности на вновь возведенный объект.

Вместе с тем одновременно с приведенными нормами Градостроительного кодекса РФ действуют нормы закона о так называемой «дачной амнистии», которые допускают осуществление государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на жилой дом, созданный на земельном участке, на основании только технического плана и правоустанавливающего документа на земельный участок. В этом случае сведения о соответствующем объекте недвижимости, его площади и местоположении на земельном участке, указываются в техническом плане на основании проектной документации (при ее наличии) или декларации. При этом наличие уведомления о планируемых строительстве или реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства, уведомления об окончании строительства или реконструкции объекта индивидуального жилищного строительства не требуется [3, с. 13].

[1] См.: Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 № 190-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. I, ст. 16; 2022. № 1, ч. I, ст. 45.

С учетом наличия возможности упрощенной регистрации права на объект индивидуального жилищного строительства, заключая договоры аренды земельных участков на крайне невыгодных для себя условиях (суммы годовой арендной платы по договорам составляют от нескольких сотен до нескольких миллионов рублей) заявители осознано идут на такие условия, не имея при этом намерений платить указанную сумму, а имея умысел — не возводить индивидуальные жилые дома в соответствии с процедурой, предусмотренной Градостроительным кодексом РФ, а воспользоваться «лазейкой» в законодательстве и зарегистрировать по декларации (по так называемой «дачной амнистии») строения, по сути не являющиеся жилыми домами, пригодными для постоянного проживания.

Поскольку процедура размещения индивидуального жилого дома предусматривает согласование с различными ведомствами и занимает продолжительное время, заявитель, не желая платить установленную им самим арендную плату за земельный участок, идет по неправомерному пути, нарушая при этом градостроительный регламент, установленный для размещения индивидуальных домов на земельных участках. Кроме того, такое несогласованное размещение объекта капитального строительства может повлечь нарушение требований законодательства, например, в области объектов культурного наследия, зон с особыми условиями использования территории и некоторых других. При этом заявитель вводит в заблуждение регистрирующий орган, указывая в декларации недостоверные сведения о возведенном строении.

Как показывает практика, право собственности на индивидуальные жилые дома регистрируются арендаторами земельных участков через месяц, а порой и через две-три недели после государственной регистрации права аренды на земельный участок. Очевидно, что за такой короткий срок согласовать, построить и зарегистрировать право на полноценный индивидуальный жилой дом, пригодный для постоянного проживания, не представляется возможным.

После государственной регистрации права на такой «объект индивидуального жилищного строительства «новоиспеченный» собственник обращается в уполномоченный орган с заявлением о предоставлении ему права собственности на земельный участок в силу наличия у него исключительного права на выкуп земельного участка. Получая земельный участок, занятый объектом индивидуального жилищного строительства в собственность, заявитель, таким образом, освобождается от обязанности выплачивать огромную арендную плату, указанную в договоре аренды земельного участка.

Таким образом, в описанной ситуации просматриваются признаки мошенничества со стороны арендаторов земельных участков, получивших право аренды по результатам аукционов, поскольку, приобретение права на земельный участок, находящийся в государственной собственности осуществлено путем обмана. Участник аукциона, имея намерение получить право на ликвидный земельный участок, предлагает явно завышенную, несоразмерную действительной стоимости земельного участка арендную плату, которая должна в дальнейшем поступить в местный бюджет. После государственной регистрации права аренды на земельный участок арендатором за считанные дни на участке возводится некое строение, имитирующее объект индивидуального жилищного строительства. Эти строения зачастую изготавливаются из фанерных листов, не имеют окон, полов, подключения к коммуникациям, то есть не имеют ничего общего с индивидуальными жилыми домами, пригодными для постоянного проживания.

На эти строения на основании декларации и договора аренды земельного участка органом кадастрового учета и государственной регистрации прав регистрируется право собственности на объект капитального строительства, которое порождает у собственника объекта право выкупа земельного участка, занятого таким объектом.

В результате местный бюджет не получает денежных средств, на которые он рассчитывал, а на земельном участке проявляется объект, не соответствующий градостроительным регламентам и другим установленным требованиям, а мошенника невозможно привлечь к ответственности.

Описанные ситуации, к сожалению, не единичны. За период 2020–2021 гг. на территории муниципального образования «Город Саратов» подобные случаи имели место как минимум 8 раз. Так, с гражданином С. по результатам аукционов по продаже права аренды земельных участков для индивидуального жилищного строительства были заключены три договора аренды на три земельных участка. Общая сумма годовой арендной платы по трем договорам составила более 21 млн рублей. Право аренды по договорам аренды земельных участков были зарегистрированы в Росреестре в августе 2021 г., а спустя месяц — в сентябре 2021 г. гражданином С. уже было зарегистрировано право собственности на три индивидуальных жилых дома, возведенных им на указанных земельных участках.

Очевиден тот факт, что за такой короткий срок согласовать, построить и зарегистрировать право на полноценный индивидуальный жилой дом, пригодный для постоянного проживания, не представляется возможным. Однако формально, согласно действующему законодательству, у арендатора земельных участков возникло исключительное право на приобретение этих земельных участков в собственность, как занимаемых объектами недвижимого имущества.

Зарегистрировав право собственности на возведенные строения, гражданин С. обратился в администрацию муниципального образования «Горд Саратов» с заявлениями о предоставлении ему в собственность арендуемых земельных участков. В предоставлении права собственности на земельные участки гражданину С. было отказано, поскольку строения, возведенные им на земельных участках, не являются объектами капитального строительства и не могут использоваться как индивидуальные жилые дома, пригодные для постоянного проживания.

Не согласившись с отказом, гражданин С. обратился в суд за защитой нарушенных прав. Таким образом, сам нарушая закон, гражданин С. жалуется на нарушение его прав.

В указанной ситуации мошенническим действиям со стороны покупателя препятствовали органы исполнительной власти. Вместе с тем существуют случаи, когда покупатель или его представитель входят в преступный сговор с представителями соответствующих служб органов власти и им удается довести свой преступный умысел до конца. Как показали исследования, на практике это также довольно популярный способ мошенничества [4, с. 37].

Выход из сложившейся ситуации видится в дополнении закона о «дачной амнистии» положениями:

устанавливающими временные ограничения для возможности регистрации права на объект индивидуального жилищного строительства в упрощенном порядке, например, если право на земельный участок возникло до 1 января 2020 г.;

запрещающими регистрацию права на объект индивидуального жилищного строительства в упрощенном порядке, если право на земельный участок приобретено на аукционе.

Второе условие может быть обосновано тем, что уполномоченный орган, образовывая земельный участок и выставляя его на аукцион, рассчитывает, что на данном земельном участке будет расположен объект капитального строительства определенного внешнего вида и соответствующий утвержденным градостроительным регламентам.

К сожалению, при отсутствии таких ограничений в законодательстве, описанные выше мошеннические схемы будут применяться еще неоднократно.

Библиографический список

1. *Илюшина М.Н.* Новеллы правового регулирования способов защиты прав участников договора купли-продажи жилой недвижимости в гражданском законодательстве // Семейное и жилищное право. 2016. С. 33–36.

2. *Юрин В.М.* Преступления в сфере экономики, маскируемые гражданско-правовыми отношениями: проблемы выявления и доказывания // Вестник Саратовской государственной академии права. 2001. № 5 (28). С. 10–14.

3. *Камышанский В.П.* О продлении «Дачной амнистии» // Власть закона. 2019. № 2 (38). С. 13–15.

4. *Артемьев А.А., Демичева М.Ю., Лепехин И.А., Матвеева А.А.* Актуальные вопросы противодействия мошенническим схемам при купле-продаже земельных участков // Нотариус. 2021. № 5. С. 35–40.

References

1. *Ilyushina M.N.* Novellas of Legal Regulation of Ways to Protect the Rights of Participants in the Contract of Sale of Residential Real Estate in Civil Legislation // Family and housing law. 2016. P. 33–36.

2. *Yurin V.M.* Crimes in the Sphere of Economy Masked by Civil Law Relations: Problems of Detection and Proof // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 2001. No. 5 (28). P. 10–14.

3. *Kamyshansky V.P.* On Prolongation of “Dacha Amnesty”// The power of law. 2019. No. 2 (38). P. 13–15.

4. *Artemyev A.A., Demicheva M.Yu., Lepekhin I.A., Matveeva A.A.* Topical Issues of Countering Fraudulent Schemes in the Purchase and Sale of Land Plots // Notary. 2021. No. 5. P. 35–40.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-162-172
УДК 343.9

И.Б. Воробьёва

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Введение: *появление систем искусственного интеллекта заставляет задуматься об этических аспектах их применения в процессе расследования преступлений.* ***Цель:*** *аналитическая — обозначить этические риски, возникающие при разработке систем; рекомендательная — с позиции этики дать рекомендации по использованию систем в процессе расследования.* ***Методологическая основа:*** *методы формальной и диалектической логики; методы сравнения, описания, интерпретации и др.* ***Результаты:*** *установлено, что системы искусственного интеллекта не лишены недостатков, в том числе сопряженных с этическими рисками. Нарушения этики могут быть заложены в процессе разработки систем, а также возникать в процессе использования их субъектами расследования. Содержатся рекомендации по работе субъекта расследования с данными, полученными с помощью систем искусственного интеллекта.* ***Выводы:*** *этические риски, возникающие при создании и использовании систем искусственного интеллекта, должны быть учтены при расследовании преступлений. Умение работать с такими системами является важным фактором эффективной деятельности не только субъектов расследования, но и правоохранительной системы в целом.*

Ключевые слова: *этика, этические принципы, этика искусственного интеллекта, искусственная нейронная сеть, прозрачность, достоверность, расследование преступлений.*

I.B. Vorobyova

ETHICAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN CRIME INVESTIGATION

Background: *the emergence of artificial intelligence systems forces us to think about the ethical aspects of their use in the investigation of crimes. emergence of the artificial intellect systems tends to bring about some thoughts relevant to the ethical aspects of their application for criminal investigation.* ***Objective:*** *analytical — to outline the ethical risks arising in the development of systems; recommendatory — from an ethical perspective to give recommendations for the use of systems in the process of investigation.* ***Methodology:*** *methods of formal and dialectical logic; methods of comparison, description, interpretation, etc.* ***Results:*** *it has been founded that artificial intelligence systems are not without flaws, including those associated with ethical risks. Ethical violations may be inherent in the design of systems, as well as arise during their use by the subjects of the investigation. Recommendations on the work of the subject of investigation with the data obtained with the help of artificial intelligence systems are given.* ***Conclusions:***

© Воробьёва Ирина Борисовна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: irinavorobyeva@yandex.ru
© Vorobyova Irina Borisovna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Criminalistics Department, (Saratov State Law Academy)

ethical risks arising from the creation and use of artificial intelligence systems must be taken into account in the investigation of crimes. The ability to work with such systems is an important factor in the effective activity of not only the subjects of the investigation, but also law enforcement system as a whole.

Key-words: *ethics, ethical principles, artificial intellect ethics, artificial neural network, transparency, reliability, criminal investigation.*

Достижениями в сфере информационных технологий пользуются представители практически всех сфер человеческой деятельности. Правительства и ученые многих стран[1] понимают, что внедрение систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) дает серьезные поводы для обсуждения этических проблем, возникающих в связи с этим процессом, и предприняли попытки выработать этические нормы по применению систем ИИ.

В России также считают, что развитие и внедрение систем ИИ неизбежно связано с созданием соответствующих этических норм. Так, целесообразность выработки и закрепления этических норм в области обработки информации регламентирована в «Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» Данный документ в качестве одной из ключевых целей определил формирование кодексов этических правил[2]. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[3] отмечается, что проводятся научные исследования, целью которых является прогнозирование этических аспектов использования технологий ИИ (п. 57), и подчеркивается необходимость разработки этических правил взаимодействия человека с ИИ (п. 49 ж). Был также разработан Кодекс этики в сфере ИИ[4], закладывающий общие этические принципы и стандарты поведения акторов (участников отношений в сфере ИИ) и определяющий риски и угрозы, возникающие при внедрении систем ИИ. Приоритетными направлениями развития ИИ, позволяющими минимизировать этические риски, являются: уважение фундаментальных прав личности; недо-

[1] Правительство Австралии создает национальную схему этики ИИ. Канада изучает этические последствия применения ИИ. Китай стремится возглавить мир в области этических норм, которые способствуют развитию ИИ. Комиссия ЕС стремится обеспечить наличие соответствующей этической и правовой базы. Германия выступает за содействие развитию прозрачного и этичного ИИ. Мексика рассматривает возможные варианты использования ИИ с учетом этики. Скандинаво-Балтийский регион призывает к разработке этических стандартов, принципов и ценностей. Швеция планирует разрабатывать правовые и этические рамки применения ИИ. Великобритания планирует изучить этические последствия достижений в области ИИ. В США сделаны конкретные рекомендации, касающиеся этики. См.: Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта.

[2] См.: Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-19082020-n-2129-r-ob-utverzhdenii/ (дата обращения: 21.03.2022).

[3] См.: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/Text/0001201910110003 (дата обращения: 24.03.2022).

[4] Кодекс подготовлен совместно Аналитическим центром при Правительстве РФ, Министерством экономики и развития РФ и Альянсом в сфере искусственного интеллекта, при участии представителей государства и научного сообщества. В октябре 2021 года в рамках форума: «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» был подписан Кодекс этики. См.: Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://berza.ru/wp-content/uploads/2021/10/kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

пустимость дискриминации; обеспечение качества и безопасности алгоритмов; обеспечение качества и понятности данных; прозрачность систем ИИ.

Необходимо отметить большую сложность конструирования систем ИИ с «вшитыми» в них этическими компонентами. Включение этических принципов в стандарты применения ИИ усугубляет тот факт, что сами стандарты могут существенно различаться в зависимости от государств, регионов, культурных особенностей, традиций и даже менталитета. Поскольку у принципов этики не может быть государственных границ, при разработке программ должны учитываться моральные и нравственные ценности людей по всему миру, а не только страны, откуда родом разработчик. Это особенно важно в контексте трансграничной преступности.

Нормы морали, действующие в обществе, приобретают специфику в зависимости от вида деятельности, а их соблюдение является важнейшим фактором в предотвращении нежелательных последствий. Это особенно касается процесса расследования преступлений, поскольку данная деятельность связана с вторжением в область свободы другого человека.

Основу деятельности по расследованию преступлений составляет: получение криминалистически значимой информации; анализ полученной информации и принятие решения о возможности ее использования в процессе расследования; использование полученной информации.

Значимая информация для криминалистики, по мнению Р.С. Белкина, — означает «любую информацию, используемую для решения криминалистических задач, вне зависимости от ее рода и источника» [1, с. 237]. Процесс определения значимости криминалистической информации для достижения целей расследования всегда субъективен. В условиях разнообразия современной преступности системы ИИ становятся важным ресурсом получения информации и могут быть полезны для поиска цифровых следов, выявления скрытых связей между различными объектами (людьми, мобильными телефонами, автомобилями, местами и т.п.) и т.д. Системы ИИ вполне могут выполнять функции классификатора, помогать в установлении наличия/отсутствие состава преступления, указывать на логические пробелы и коллизии в доказывании, могут рекомендовать проведение той или иной судебной экспертизы, помочь сформулировать вопросы экспертам, синтезировать доказательственную базу в обвинительное заключение и т.д. На основании информации, полученной с помощью ИИ можно выдвигать наиболее вероятные версии и определять направление расследования.

Системы ИИ можно использовать для создания различных криминалистических моделей, способствующих организации процесса расследования преступлений. Возможно создание ретроспективных моделей, что особенно важно на первоначальном этапе расследования, когда необходимо составить общее представление о фактической картине расследуемого события и выработать алгоритм расследования. Создание перспективных моделей может способствовать пресечению неправомерного и неэтичного воздействия на участников уголовного судопроизводства (например, путем анализа социальных связей участников расследуемого события). Возможно конструирование моделей поведения конкретного человека, разработка прогнозов относительно совершения преступления в определенное время и в определенном месте и тактически эффективного их пресечения. В практику правоохранительных органов уже внедрена программа, созданная на основе ИИ, позволяющая (по совокупности признаков совершенных

им преступлений) строить наиболее вероятный портрет серийного преступника[1]. Таким образом, использование систем ИИ, реализуемых с помощью различных устройств и приложений, может широко применяться при расследовании в сборе криминалистически значимой информации, но порождает и большое количество этических вопросов.

Информация[2], устанавливаемая в процессе расследования с помощью систем ИИ должна обладать определенными свойствами: значимостью для процесса расследования; достоверностью и она должна быть получена из устойчиво функционирующих систем хранения и обработки данных.

Достоверность — одно из основных свойств, характеризующих качество информации. Она предполагает, во-первых, объективное отражение устанавливаемых фактов, явлений, процессов или деятельности; а, во-вторых, доступность для понимания и восприятия информации, содержащейся в данных, обеспечиваемая надлежащими программными и техническими средствами обработки, не приводящими к ее изменению.

Можно выделить три этапа формирования данных с помощью систем ИИ, влияющих на их достоверность: создание программ (алгоритмов); обработка данных; принятие решений на основе рекомендаций программы. Нарушения этики могут быть как изначально заложены в процессе разработки и функционировании систем ИИ, так и быть допущены непосредственно субъектом расследования в процессе работы с данными, полученными с помощью этих систем.

Рассмотрим некоторые этические риски, возникающие в процессе создания и функционирования систем ИИ. Одна из этических проблем состоит в принятии ошибочных решений на основе недостоверных данных собранных с помощью программ, основанных на ИИ. Так, например, алгоритмы, используемые для распознавания или анализа лиц, работают по-разному в зависимости от пола, возраста и этнической принадлежности идентифицируемого человека. Необходимо обратить внимание на то, что алгоритмам ИИ присущ субъективизм, поскольку они создаются, обучаются и осуществляют принятие решения на основе тех данных, которые изначально выбрал и загрузил в систему человек, или система собрала сама. Возможны ситуации, когда в базе данных, на основе которой обучаются системы ИИ, могут отсутствовать сведения, стратегически важные для принятия решения, особенно если это связано не с обычным, а экстраординарным преступлением. Уже известны случаи допущенных ошибок данными системами и их негативные последствия. Вероятны и алгоритмические ошибки, возникающие из-за использования неверных данных. Так, из-за ошибок компьютерной системы 700 сотрудников почтовой службы Великобритании отбывали тюремный срок за действия, которые они не совершали[3].

Этический риск может иметь место и в случае алгоритмической предвзятости системы ИИ, которая может возникнуть как при наличии, так и отсутствии та-

[1] См.: Интервью руководителя НИИ криминалистики СК России А.А. Бессонова информационному агентству ТАСС. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1621439/?print=1 (дата обращения: 25.03.2022).

[2] Здесь и далее в том числе криминалистически значимая информация.

[3] См.: *Peachey K.* Post Office scandal: What the Horizon saga is all about // BBC News. URL: https://www.bbc.com/news/ business-56718036; Siddique H., Quinn B. Court clears 39 post office operators convicted due to 'corrupt data' // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2021/apr/23/court-clears-39-post-office-staff-convicteddue-to-corrupt-data (дата обращения: 06.03.2022).

ких намерений у ее создателей. Наличие скрытых дискриминационных компонентов (расовых, гендерных, религиозных и т.д.) может привести к нарушениям прав и свобод граждан. Так, например, из-за ошибки алгоритма, созданного в США для оценки вероятности совершения преступлений, система начала проявлять признаки расизма и оценивать афроамериканцев как лиц, наиболее подверженных данному риску[1]. Имели место случаи, когда алгоритм занижал оценки женщин, принимаемых на работу и т.д.

Уровень этического риска, возникающего при использовании данных, полученных с помощью систем ИИ, зависит от наличия или отсутствия прозрачности алгоритмов обучения и принятия решений. Системы ИИ могут быть объяснимые (прозрачные), позволяющие легко понять действия ИИ и необъяснимые (непрозрачные). Разработчики систем не заинтересованы в раскрытии алгоритмов, поскольку они являются их интеллектуальной собственностью. Но для того, чтобы в процессе расследования объективно оценивать полученную информацию необходимо понимать, как именно конкретная программа принимает решения. Объяснительная компонента, являющаяся неотъемлемым свойством прозрачных систем ИИ, при необходимости, должна показывать ход работы системы и всю цепочку рассуждений. Например, при расследовании аварии, совершенной с участием беспилотного автомобиля и установлением её причин система должна быть настолько прозрачна, чтобы можно было проследить, на основании каких процессов сделан тот или иной вывод.

Объяснительная компонента непрозрачных систем ИИ, созданных на основе искусственных нейронных сетей методом глубокого обучения, по мнению специалистов[2], представляет собой «черный ящик» и не может предъявить пользователю всю цепочку рассуждений, способствующих формированию вывода. Нельзя также быть уверенным в том, что программы, основанные на искусственных нейросетях и способные к самостоятельному извлечению информации из массива данных, в результате самообучения не создадут в дальнейшем собственный дискриминационный алгоритм. Так, стал общеизвестным факт, когда за сутки чат-бот Microsoft проявил неконтролируемое поведение и стал допускать нацистские и расистские высказывания, научился применять обесцененную лексику и писать посты порнографического характера. В итоге можно получить совершенно недостоверные данные, что является серьезным препятствием для применения информации, полученной с помощью таких систем в процессе расследования. Неслучайно в Национальной стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года отмечается, что «...Алгоритмы работы нейронных сетей крайне сложны для интерпретации, и, следовательно, результаты их работы могут быть подвергнуты сомнению и отменены человеком»[3]. Поэтому использование в качестве доказательств информации, полученной с помощью нейросетей, с позиции этики, является неприемлемым. Опора на данные, полу-

[1] См.: How We Analyzed the COMPAS Recidivism Algorithm — ProPublica. URL: https://www.propublica.org/article/how-we-analyzed-the-compas-recidivism-algorithm (дата обращения: 27.03.2022).

[2] См.: Ученые: ИИ превратился в черный ящик, и с этим нужно что-то делать. URL: https://itc.ua/blogs/uchenyie-ii-prevratilsya-v-chernyiy-yashhik-i-s-etim-nuzhno-chto-to-delat/ (дата обращения: 06.03.2022).

[3] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»). URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.03.2022).

ченные в результате самообучения программы, может привести к выдвижению необоснованных версий, неправильному принятию процессуального решения и выбору ошибочного направления всего процесса расследования. Вследствие этого, прежде чем использовать информацию, полученную с помощью систем ИИ в процессе расследования, необходимо выяснить механизм принятия решения конкретной программой.

Другим аспектом, влияющим на достоверность информации, является получение данных из надежно функционирующих систем хранения и обработки не приводящих к их изменению. Создаваемые программы должны обладать свойством робастности (устойчивости к внешним помехам). Отсутствие робастности может проявиться в некорректной работе программы, изменении результатов исследования, а также привести к извлечению конфиденциальных данных из обученных моделей. Не меньшей опасностью является возможность отравления (ML poisoning) машинного обучения заинтересованными лицами, т.е. манипулирование созданным алгоритмом с целью оказания влияния на принимаемые им решения. Для получения с помощью систем ИИ «...объективной криминалистически значимой информации необходимо не только их создание, но и обеспечение их защиты от многочисленных угроз путем разработки норм и правил, регламентирующих процесс создания и обработки информации» [2, с. 201].

Таким образом, условиями доверия к данным, получаемым с помощью систем ИИ, являются: использование качественных данных при создании алгоритмов; предоставление информации о механизме работы систем; соблюдение требований кибербезопасности; передача данных в доступном для понимания виде с информированием «об их сложности, точности и вероятностном интервале ошибок»[1].

Как уже отмечалось, нарушения этики могут быть допущены не только со стороны систем ИИ, но и непосредственно субъектом расследования в процессе расследования. Для предотвращения этических рисков необходимо основываться на совокупности норм права, общих этических принципов, принципов и стандартов поведения участников отношений в сфере ИИ, правил и требований к служебному поведению, которыми следует руководствоваться субъекту расследования в своей профессиональной деятельности. Этика в процессе расследования преступлений сочетает в себе не только нормы права, морали, но и криминалистические рекомендации по применению систем ИИ. Если совокупность правовых норм в общих чертах регламентирует этические аспекты правовых отношений, то криминалистика разрабатывает рекомендации по этичному решению задач правоохранительными органами.

Работа с данными состоит из следующих этапов: сбор данных, содержащих значимую информацию; интерпретация полученной информации и принятии решения о возможности ее применения; хранения и использовании информации. Поскольку этические аспекты в процессе расследования приобретают особую значимость, то при работе с данными, полученными с помощью систем ИИ, следует руководствоваться здравым смыслом.

Процесс расследования неизбежно связан с проникновением в частную жизнь участников расследования, изучением их личных данных, уклада жизни, семейных отношений, заболеваний, данных об их прошлом и т.д. Принимая

[1] ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» (п. 4.3.5.). URL: https://docs.cntd.ru/document/1200180276 (дата обращения: 26.03.2022).

решение о сборе и дальнейшем использовании информации важно учитывать нравственные аспекты, позволяющие предвидеть негативные последствия для участников расследования. Так, при необходимости установления причины смерти родственники потерпевшего не всегда позволяют исследовать тело умершего (по личным, религиозным или иным причинам). Такая проблема нередко возникает при необходимости вскрытия тела священнослужителя. Максимально этично помочь в установлении причины смерти без вскрытия тела позволяет криминалистическая томография или виртуальная аутопсия. Для проведения исследования тела в Швейцарии, США, Австралии уже начали применять компьютерную томографию, МСКТ (мультиспиральную компьютерную томографию) и 3D технологии[1].

Недопустимо собирать информацию без наличия законных оснований, с нарушением общих этических принципов, использованием противоправных методов и, в том числе с применением технологий, используемых для обхода систем защиты данных.

При интерпретации информации важно учитывать, что алгоритмы, с помощью которых были получены данные, являются лишь продуктами человеческой деятельности и не лишены субъективизма. Поэтому не надо забывать о том, что прогнозы, сделанные с помощью алгоритмов, могут быть не всегда объективны и подвержены влиянию как человеческого фактора, так и порокам машинного обучения. Сопоставляя различные данные системы ИИ могут предлагать наиболее приемлемые алгоритмы действий, но не могут планировать, рассуждать и принимать стратегические решения. К таким данным стоит относиться с определенной долей здравого сомнения и использовать их только во вспомогательных, ориентирующих целях. Субъект расследования обязан критично оценивать полученную информацию и не должен полностью полагаться на рекомендации, предложенные программой и тем более делегировать принятие решений пусть даже самым современным системам ИИ. Критичность субъекта расследования является важнейшей нравственной основой, способствующей объективному оцениванию полученных данных и принятии решения по их дальнейшему использованию.

Следует также обратить внимание и на то, что частое обращение за помощью к своему цифровому «помощнику» чревато усугублением клиповых начал в мышлении. Такие люди испытывают трудности при анализе поступающей информации, критическом её восприятии и формулировании выводов, что влечет за собой подверженность манипуляции и ослабление эмпатии. В перспективе это может повлечь принятие типизированных (неэтичных) решений, не основанных на тщательном исследовании фактических обстоятельств конкретного дела.

При хранении и использовании данных необходимо обеспечивать: надлежащий уровень защищенности данных; недопустимость несанкционированного доступа к данным; недопустимость неправомерного копирования, распространения и уничтожения информации; своевременное проведение служебного расследования инцидентов, связанных с несанкционированным доступом к данным и иных неправомерных действий. При обращении с информацией сотрудникам правоохранительных органов рекомендовано: «проявлять соразмерность, раз-

[1] См.: Криминалистика будущего. Какая она? // Центр экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики МЮ РФ. URL: https://ceur.ru/news/specproekty/item311872/ (дата обращения: 26.03.2022).

умность, корректность и сдержанность при реализации полномочий по обеспечению безопасности и конфиденциальности информации»[1], полученной в связи с выполнением служебных обязанностей.

Возникает также вопрос о том, способны ли системы ИИ в настоящее время успешно решать нелинейные задачи и можно ли допустить полностью автоматизированное принятие решения в рамках расследования преступлений? На данный момент на оба вопроса следует однозначно ответить отрицательно. Дело в том, что в настоящее время развитие технологий находится на уровне «слабого» ИИ. Он позволяет лишь «имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека при решении задач компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, поддержки принятия решений и других практически значимых задач обработки данных»[2]. Перспективы создания «сильного» ИИ, «...способного подобно человеку мыслить, взаимодействовать, адаптироваться к изменяющимся условиям и решать другие задачи в области обработки информации, ассоциирующиеся с естественным интеллектом человека...»[3] остаются неопределенными.

Внедрение систем ИИ, безусловно, уже сейчас может облегчить и ускорить процесс принятия важных процессуальных и тактических решений за счёт автоматизации этого процесса. Полученные с их помощью данные можно использовать при решении таких тактических задач расследования как планирование следственных и розыскных действий, так и расследования в целом, а также при выдвижении версий, составлении криминалистической характеристики преступления и в розыске.

Вопрос о возможности замены следователя системами ИИ уже неоднократно обсуждался. Если рассматривать эту проблему с точки зрения этики, то необходимо отметить следующее. Системы ИИ анализируют ситуацию только с учетом ранее введенных в нее данных. Системам ИИ не свойственно внутреннее убеждение, формирующееся под влиянием специфики конкретного дела. Машина в любом случае никогда не сможет мыслить как человек. В связи с этим возникает, например, вопрос о том, каким образом система ИИ сможет достоверно устанавливать мотив преступления, являющийся одним из ключевых аспектов, образовывающий состав преступления и влияющий на тяжесть приговора. Что касается формирования следователем доказательственной базы по многим категориям преступлений, то, по-прежнему, их основу составляют традиционные для криминалистики следы — материальные (следы рук, ног, следы биологического происхождения и пр.) и идеальные. Работа следователя на месте происшествия по их обнаружению, фиксации и изъятию не может быть выполнена ИИ, который можно рассматривать лишь как вспомогательный инструмент.

---

[1] Приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» (п. 14). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385622/ (дата обращения: 21.03.2022).

[2] ГОСТ Р 59276 – 2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения» (п. 3.6). URL: https://docs.cntd.ru/document/1200177291 (дата обращения: 26.03.2022).

[3] ГОСТ Р 59276 – 2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения» (п. 3.15). URL: https://docs.cntd.ru/document/1200177291 (дата обращения: 26.03.2022).

По мнению руководителя НИИ криминалистики СК РФ А.А. Бессонова, ИИ не может заменить субъекта расследования, поскольку «...работа следователя настолько многоаспектна, охватывает самые разнообразные проявления жизни и, более того, постоянно требует творческого подхода и креативного мышления, обусловленных уникальностью каждого преступления»[1]. В процессе расследования важны не только хорошее знание законодательства, сбор данных, тщательная обработка поступающей информации, но и сугубо «человеческие» качества, которые невозможно передать машине, как, например, следственная интуиция, а также знание человеческой психологии. Несмотря на то, что системы ИИ уже сейчас могут определять эмоциональное состояние человека путем анализа невербальных признаков поведения, нельзя им доверять производство вербальных следственных действий. При планировании следственных действий следователь должен заранее продумывать ход их проведения, формулировку вопросов к процессуальному участнику и определять их последовательность, а при опасности возникновения конфликтной ситуации вовремя предпринимать меры на устранение её причин. С целью установления истины и обстоятельств преступления, следователь старается проникнуть в душу человека, что не свойственно ИИ. К тому же интеллектуальные системы не обладают эмпатией. «Согласно положениям отечественной психологии субъект любого вида деятельности, в том числе профессиональной, носитель сознания. Именно благодаря сознанию следователь обладает системой убеждений, совестью, способен действовать с учетом этических норм. Таким образом, в категориях психологии деятельности искусственный интеллект не может быть субъектом никакого вида деятельности, в том числе следственной, но выполнять отдельные функции с большей эффективностью он способен» [3, с. 93].

Таким образом, наделение ИИ правосубъектностью недопустимо. Системы ИИ в будущем смогут взять на себя существенную часть интеллектуальной работы, которыми не располагает человеческий мозг, но говорить о полноценной замене следователя не представляется возможным. Следует согласиться с мнением о том, что «...даже при эффективной работе искусственного интеллекта, вряд ли общество в ближайшее время будет готово осудить преступника не на основе доказательств, а на основе вердикта компьютера, вынесенного на основании сложной математической программы, понять которую присяжные не могут» [4, с. 30–31].

Понятно, что деятельность правоохранительных органов в условиях всеохватывающей цифровизации невозможна без оперативного внедрения новых технологий, обеспечивающих эффективный анализ и оценку данных, сопоставление полученных результатов с помощью современного программного обеспечения. В этой ситуации этика в области цифровых технологий, связанных с получением, обработкой и использованием различных данных требует новой культуры работы с данными. Важно уметь работать в современной информационной сфере, взаимодействовать с IT- специалистами, знать как и где искать криминалистически значимую информацию, особенности ее фиксации, грамотно и этично строить диалог с участниками процесса расследования. По мнению В.С. Овчинского, «... для этичного использования ИИ правоохранительными органами предстоит

[1] Руководитель НИИ криминалистики СК РФ: идеальных преступлений не бывает. URL: https://tass.ru/interviews/12688681 (дата обращения: 26.03.2022).

создать систему государственного и общественного надзора. Ее задачи — предупредить превышение полномочий сотрудниками полиции и следователями и обеспечить верификацию данных, используемых для обучения алгоритмов ИИ» [5, с. 170].

Российская система правоохранительных органов пока не готова к широкому использованию систем ИИ при расследовании преступлений. У сотрудников наблюдается дефицит необходимых компетенций и навыков использования систем ИИ, отсутствует культура работы с данными. В результате из-за риска допустить непреднамеренное нарушение законодательства и создать этические проблемы сотрудники опасаются принимать решения на основе анализа данных, проведенного с применением систем ИИ. Поэтому необходимо периодически проводить обучение и переподготовку сотрудников с целью изучения возможностей работы системами ИИ, где можно отрабатывать необходимые навыки на реальных примерах и искать нестандартные подходы для решения задач в этой сложной, но интересной сфере.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод о том, что этичность систем ИИ вероятна, если: при создании программы не допущены (случайно или осознанно) ошибки; алгоритм программы не способен проявлять предвзятость и дискриминацию; созданная программа обладает свойством прозрачности; исключена опасность выхода системы из-под контроля человека; система хранения и обработки данных надежна и не может привести к изменению сохраняемой информации.

Соблюдение принципов этики со стороны субъекта расследования может зависеть от знания специфики и возможностей технологий ИИ, умения налаживать взаимодействие с IT-специалистами, способности критичности оценивать результаты работы систем ИИ. Субъект расследования должен быть в курсе развития новых технологий и понимать, какие последствия (правовые, этические и т.д.) может вызвать их применение. На конференции по искусственному интеллекту В.В. Путин отметил, что развитие ИИ действительно влечет за собой определенные риски, но именно «...от человека зависит, насколько аккуратно он будет распоряжаться этими возможностями»[1].

Таким образом, соблюдение этических правил должно служить ориентиром для тех, кто разрабатывает системы ИИ, а также пользуется их достижениями при выполнении своих профессиональных функций. Учет этических аспектов при расследовании преступлений является основой эффективной работы с данными, полученными с помощью систем ИИ, предпосылкой установления истинной картины расследуемого события и достижения целей расследования преступлений.

Библиографический список

1. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики М.: Норма, 2001. 240 с.

2. *Воробьева И.Б.* Применение больших данных (big data) при прогнозировании и расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 3 (140). С. 195–202.

[1] См.: Конференция по искусственному интеллекту // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545 (дата обращения: 21.03.2022).

3. *Воронова Ю.В.* К вопросу о применении искусственного интеллекта в следственной деятельности (психологический аспект) // Создание и развитие модели органов предварительного расследования в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 сентября 2020 года) / под общ. ред. Д.Н. Кожухарика. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. С. 91–94.

4. *Бабич В.Н., Кириллова Е.А.* Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта / под ред. В.С. Овчинского. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2019. 148 с.

5. *Овчинский В.С.* Этика цифровых технологий в полиции // Этика и «цифра»: Этические проблемы цифровых технологий. М.: РАНХиГС, 2020. 207 с.

References

1. *Belkin R.S.* Criminalistics: Problems of Today. Topical Issues of Russian Criminalistics. M.: publishing house Norma, 2001. 240 p.

2. *Vorobyova I.B.* Using the Big Data for Crime Prediction and Investigation // Herald of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 3 (140). P. 195–202.

3. *Voronova Yu.V.* To the Issue of Using Artificial Intellect for Investigative Activities (psychological aspect) // Generating and Developing a Model of Preliminary Investigation Organs in the Russian Empire: Materials of the All-Russia scientific-practical conference (Moscow, September 24, 2020) / Ed. By D.N. Kozhukharik. M.: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2020. P. 91–94.

4. *Babich V.N., Kirillova E.A.* Review of Individual Issues in the Field of the Big Data and Artificial Intellect. Ed. By V.S. Ovchinsky. M.: MIAC at the MIA of Russia, 2019. 148 p.

5. *Ovchinsky V.S.* Ethics of Digital Technologies on the Force // Ethics and Digital Means: Ethical Problems of Digital Technologies. M.: RANE and PA, 2020. 207 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-173-181
УДК 343.985.44

В.И. Галушкин

РЕКОНСТРУКЦИЯ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ КАК СРЕДСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Введение: *в юридической литературе на протяжении длительного времени продолжает оставаться дискуссионным вопрос о понятии и правовой природе реконструкции, используемой в уголовном судопроизводстве. В статье рассмотрены особенности ее применения при подготовке и проведении отдельных следственных действий. Несмотря на важность использования реконструкции для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, многие вопросы, касающиеся ее использования в уголовном процессе, остаются не урегулированными и требуют научного осмысления.* ***Цель:*** *проанализировать особенности применения реконструкции при производстве отдельных следственных действий для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу.* ***Методологическая основа:*** *при подготовке работы использовались как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция и т.д.), так и специальные методы исследования.* ***Результаты:*** *проанализированы и подвергнуты критическому анализу позиции ученых о понятии и правовой природе реконструкции, используемой в уголовном судопроизводстве. В результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу о том, что реконструкция обладает двойственной правовой природой. Ее возможно рассматривать как в качестве тактического приема при подготовке и производстве следственного действия, так и в качестве самостоятельного средства по созданию источника доказательственной информации.* ***Вывод:*** *в работе ставится вопрос о возможности признания реконструкции в качестве формирующегося следственного действия и необходимости законодательной регламентации вопросов, касающихся подготовки, осуществления реконструкции и фиксации полученных результатов. Расширение перечня процессуальных средств, используемых в ходе выявления и расследования преступлений, путем включения в их число реконструкции положительно отразится на осуществлении эффективной борьбы с преступностью.*

Ключевые слова: *реконструкция; следственное действие; тактический прием; следственный эксперимент; осмотр места происшествия; проверка показаний на месте.*

© Галушкин Виталий Иванович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vigalushkin@gmail.com
© Galushkin Vitaly Ivanovich, 2022
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminology (Saratov State Law Academy)

V.I. Galushkin

RECONSTRUCTION AT THE SCENE OF THE INCIDENT AS A MEANS OF ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF THE CRIME

Background: *the issue of the concept and legal nature of reconstruction used in criminal proceedings continues to be debated in the legal literature for a long time. The article discusses the features of its application in the preparation and conduct of individual investigative actions. Despite the importance of using reconstruction to establish the circumstances included in the subject of evidence in a criminal case, many issues concerning its use in criminal proceedings remain unresolved and require scientific understanding.* ***Objective:*** *to analyze the features of the use of reconstruction in the production of individual investigative actions to establish the circumstances included in the subject of evidence in a criminal case.* ***Methodology:*** *both general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.) and special research methods were used in the preparation of the work.* ***Results:*** *the positions of scientists on the concept and legal nature of reconstruction used in criminal court proceedings are analyzed and critically analyzed. As a result of the conducted research, the author of the article comes to the conclusion that reconstruction has a dual legal nature. It can be considered both as a tactical device in the preparation and production of an investigative action, and as an independent means to create a source of evidentiary information.* ***Conclusion:*** *the paper raises the question of the possibility of recognizing reconstruction as an emerging investigative action and the need for legislative regulation of issues related to the preparation, implementation of reconstruction and fixation of the results obtained. Expanding the list of procedural means used in the detection and investigation of crimes by including in their reconstruction will have a positive impact on the implementation of an effective fight against crime.*

Key-words: *reconstruction; investigative action; tactical technique; investigative experiment; inspection of the scene; verification of testimony on the spot.*

Как правило, одним из первоначальных процессуальных действий, в ходе осуществления которого получают важную информацию об обстоятельствах произошедшего деяния и лице, причастном к его совершению, является осмотр места происшествия. Однако в силу объективных либо субъективных факторов обстановка на месте совершения противоправного деяния претерпевает изменения.

В этой связи следователь использует различные способы, средства и методы для познания механизма преступления и установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Одним из таких средств является реконструкция, которую можно рассматривать в качестве разновидности метода моделирования. Необходимость в ее осуществлении может возникнуть в ходе расследования различных уголовных дел: о дорожно-транспортных происшествиях, повлекших причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека; поджогах; кражах; убийствах и т.д.

Несмотря на то, что многие авторы отмечают значимость и эффективность метода моделирования в деле установления обстоятельств преступления, в литературе высказываются различные точки зрения как по поводу понятия, так и правовой природы реконструкции.

По мнению В.В. Куванова, она «представляет собой процесс воссоздания существенных, с точки зрения задач расследования, признаков отсутствующего или изменившегося объекта (оригинала), связанного с изучаемым событием, по описаниям, изображениям или вещественным остаткам, в результате которого получают подобный оригиналу материальный объект, являющийся источником доказательственной информации и используемый взамен оригинала при проведении следственных действий либо судебных экспертиз» [1, с. 13]. Следует отметить, что она может осуществляться также с целью воссоздания схожей обстановки, условий, в которых происходило противоправное деяние.

В этой связи, более точным представляется понятие реконструкции, предложенное Е.В. Осиповой, Д.С. Санжаревским, которые определяют ее как «...особую форму метода моделирования, представляющую собой процесс как материального, так и мысленного ретроспективного воссоздания аналогов конкретного объекта, определенных условий или обстановки, направленных на определение их первоначального состояния или состояния в определенный момент времени и осуществляемый в ходе раскрытия и расследования преступления» [2, с. 83].

На протяжении длительного времени продолжает оставаться не решенным и вопрос о правовой природе реконструкции.

Р.С. Белкин утверждал, что она представляет собой не самостоятельное следственное действие, не разновидность следственного эксперимента, а тактический прием расследования, применяемый при производстве различных следственных действий [3, с. 24–25].

Наиболее ярко сущность реконструкции в качестве тактического приема, используемого при подготовке и производстве следственного действия, проявляется в ходе следственного эксперимента. Поскольку неоднократные опытные действия должны проводиться в условиях, максимально приближенных к тем, в которых происходило исследуемое событие.

Однако реконструкция в ходе производства этого процессуального действия не сводится лишь к воссозданию условий проведения опытных действий. Она может осуществляться и путем создания макета какого-либо объекта, когда проверяется наличие либо отсутствие у лица профессиональных или преступных навыков (например, проверяется возможность изготовить взрывное устройство и т.д.).

В то же время нельзя не отметить, что многие тактические приемы со временем преобразовались в самостоятельные следственные действия.

И.М. Комаров предлагает определять криминалистическую реконструкцию в качестве «технико-криминалистического метода практической деятельности следователя, который в соответствии со вспомогательной и обеспечивающей функциями способствует достижению частных задач расследования в системе производства сложных следственных действий и тактических операций» [4, с. 68–69].

Иной точки зрения придерживается М.Ю. Лакомская, которая понимает под реконструкцией «...связанную с расследованием преступления тактическую операцию, системная цель и структура которой соответствуют частной задаче, определенной следователем, чье решение необходимо связано с восстановлением первоначальной обстановки исследуемого события, прежнего состояния каких-либо предметов или создания подобного объекта». При этом частная следственная задача, по мнению автора, «...представляет собой элемент структуры

планирования и организации следственного действия, проведение которого без производства реконструкции невозможно» [5, с. 98–99].

Очевидно, что реконструкция может включать в себя различные действия следователя, при ее осуществлении могут учитываться показания участников уголовного судопроизводства, лиц, обладающих специальными знаниями, использоваться фотографии, видеозаписи, планы, схемы, чертежи и т.д. Но при этом определять ее в качестве тактической операции в криминалистическом понимании, на наш взгляд, некорректно. В литературе высказываются различные точки зрения о понятии тактической операции и ее соотношении с тактической комбинацией. Однако мы разделяем позицию А.Е. Михальчука, который под тактической операцией понимал «... комплекс согласованных и взаимосвязанных следственных действий, организационно-подготовительных, оперативно-розыскных, контрольно-ревизионных, технических и иных мероприятий, проводимых соответственно отраженной в плане тактической линии следователя и направленных на решение каких-либо конкретных задач, возникающих на определенном этапе расследования в той или иной следственной ситуации» [6, с. 19].

В качестве тактической операции, на наш взгляд, возможно рассматривать задержание взяткополучателя с поличным, розыск и задержание лица «по горячим следам» и т.д. Таким образом, трудно согласиться с позицией М.Ю. Лакомской, которая рассматривает реконструкцию, используемую для восстановления уничтоженных или пришедших в негодность объектов, в качестве тактической операции.

Несмотря на то, что УПК не содержит упоминания о реконструкции и не регламентирует порядок ее производства многие ученые, занимавшиеся исследованием вопросов о возможности ее использования в уголовном судопроизводстве, высказывали предложения о необходимости внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленных на придание ей статуса самостоятельного следственного действия [7, с. 57–59; 8, с. 90].

Противники признания ее процессуальным действием аргументируют собственную позицию по-разному. Однако основной аргумент заключается в том, что в результате ее производства не удается получить сведения, имеющие доказательственное значение [9, с. 61–62; 10, с. 75; 11, с. 9].

Противоречивым представляется утверждение о том, что ее «...результаты не имеют самостоятельного доказательственного значения, но они могут выступать в качестве составной части источников доказательств, регламентированных в ст. 74 УПК РФ» [5, с. 98]. Уязвимость подобной позиции заключается в том, что если результаты реконструкции находят отражение в протоколах следственных действий, то они не могут не иметь доказательственного значения.

Реконструкция может использоваться для создания макета объекта, который является источником доказательственной информации. В этой связи следует согласиться с утверждением о том, что «если бы модель не несла новой информации, метод моделирования потерял бы свой смысл, свое познавательное значение» [12, с. 36].

И.М. Лузгин, рассматривая один из примеров, подтверждающих необходимость признания реконструкции в качестве самостоятельного следственного действия, писал о том, что если реконструкция уничтоженного (разрушенного) объекта обеспечивает восстановление источника информации, то осмотр обеспечивает получение новой информации. При этом такая реконструкция не может

рассматриваться как отдельный тактический прием и не образует составной части другого следственного действия, поэтому ее необходимо выделять в качестве самостоятельного следственного действия [12, с. 34–35].

То обстоятельство, что извлечение доказательственной информации из реконструированных объектов происходит в ходе производства иных процессуальных действий, не может повлиять на возможность отнесения реконструкции к числу формирующихся следственных действий.

Многие авторы отмечают значимость реконструкции в деле установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и говорят о возможности ее использования в ходе производства различных процессуальных действий.

Одним из тактических приемов, используемых для восстановления в памяти забытых фактов, является допрос лица на месте, где было совершено преступление или с которого происходило восприятие произошедшего события. В этом случае реконструкция уничтоженных или видоизменившихся объектов, обстановки на месте совершения противоправного деяния, может предшествовать производству допроса и способствовать воспоминанию забытых фактов.

Использование реконструкции не ограничивается воссозданием обстановки на месте происшествия для последующего получения показаний. Она может применяться и для создания макета места происшествия, который в последующем может использоваться при допросе. Необходимость в этом возникает в том случае, если место, где было совершено преступление, после производства неотложных следственных действий перестало существовать (например, разрушили аварийный жилой дом). Тогда созданный макет может применяться в ходе допроса для полного уяснения всех обстоятельств произошедшего деяния.

В частности, это может позволить допрашиваемому восстановить в памяти важные обстоятельства преступления, а следователю помогает уяснить механизм преступления и отдельные его обстоятельства. На макете можно будет продемонстрировать местонахождение лиц, их действия до, во время и после совершения противоправного деяния, указать местонахождение следов преступления и объектов, имеющих значение для разрешения уголовного дела по существу.

Реконструкция способствует уяснению обстоятельств произошедшего деяния и при производстве проверки показаний на месте, в ходе осуществления которой возможно осуществлять как мысленную, так и натурную реконструкцию, поскольку рассказ лица о происходивших событиях может сопровождаться демонстрацией определенных действий с применением макетов, манекенов, муляжей.

Как свидетельствует практика, в ходе производства этого процессуального действия она может использоваться в качестве средства для разоблачения ложных показаний.

К сожалению, встречаются ситуации, когда граждане берут на себя вину в совершении преступления, к которому они не причастны. Причины подобных действий могут быть разные (подкуп, угрозы, шантаж и т.д.). Для разоблачения ложных показаний следователь перед началом проверки показаний на месте из тактических соображений может намеренно реконструировать обстановку с определенными искажениями. Во время рассказа лица, чьи показания проверяются, ему может быть задан вопрос о том, соответствует ли обстановка при производстве этого процессуального действия той, которая была в момент совершения преступления. Получение утвердительного ответа будет свидетельство-

вать о том, что этот участник уголовного судопроизводства возможно сообщает недостоверные сведения.

Кроме того, для разоблачения самооговора в ходе проверки показаний на месте лицу может быть предложено воспроизвести обстановку в том виде, в котором она была в момент совершения преступления (например, расставить мебель в квартире в том порядке, как это было при совершении противоправного деяния).

Можно привести и другой пример, позволяющий использовать реконструкцию при установлении истины по уголовному делу. В том случае, когда подозреваемый муляжом ножа демонстрирует на манекене каким образом наносились удары погибшему и если это не соответствует данным, полученным в результате производства судебно-медицинской экспертизы погибшего, у следователя появляются основания сомневаться в достоверности его показаний.

При необходимости предъявления для опознания участков местности и помещений, которые изменились после противоправных событий, они могут быть реконструированы (воссозданы) для приведения их в состояние, в котором они воспринимались лицами, причастными к расследуемому преступлению.

Обстановка на месте, где было совершено преступление, в том числе реконструированная, может являться объектом исследования и ситуационной экспертизы.

С.В. Экишева, рассуждая о возможности осуществления реконструкции в ходе осмотра места происшествия, приходит к выводу о том, что при производстве этого процессуального действия «...отдельные элементы обстановки после наблюдения и фиксации их в том виде, в каком они находились к моменту осмотра, могут наблюдаться и фиксироваться также и в измененном в результате действий следователя виде» [13, с. 160].

Представляется, что подобное утверждение противоречит положениям уголовно-процессуального законодательства. В ч. 2 ст. 180 УПК РФ прямо говорится о том, что в протоколе осмотра описывается обстановка в том виде, в котором она наблюдалась в момент производства этого процессуального действия. Если следовать буквальному толкованию закона, то можно сделать вывод о том, что следователь при помощи органов чувств воспринимает обстановку, которая была в момент совершения преступления или обнаружена им по прибытии на место происшествия и отражает ее в протоколе.

На наш взгляд, в ходе первоначального осмотра места происшествия возможно осуществлять лишь мысленную реконструкцию для формирования представления о механизме преступления, определения мест возможного нахождения следов противоправной деятельности и объектов, имеющих значение для расследуемого уголовного дела, а также для выдвижения и проверки следственных версий и т.д. В противном случае, осуществляя натурную (макетную) реконструкцию следователь привносит изменения в обстановку, которые могут не соответствовать действительному положению дел и его действия могут рассматриваться, по сути, как создание нового источника получения доказательственной информации.

И.Е. Быховский, И.М. Лузгин справедливо отмечали, что реконструкция в ходе первоначального осмотра места происшествия неприемлема и была бы грубым нарушением как уголовно-процессуального законодательства, так и научных рекомендаций криминалистики. По мнению авторов, «если при осмотре материальных последствий преступления следователь имеет дело с объективными фактами, порожденными действиями виновных и иных лиц, явлениями природы, не вносит в эту обстановку никаких изменений, а изучает и фиксирует

ее в том виде, в каком она сложилась, то при исследовании реконструированной обстановки мы встречаемся с качественно иным процессом. Обстановка на месте происшествия воссоздается такой, какой она была в соответствующий период времени. Естественно, что в данный процесс включаются элементы субъективных представлений о первоначальном положении и состоянии этой обстановки. Например, в ряде случаев базой для реконструкции служат показания свидетелей, обвиняемых и других лиц, причем эти показания могут быть точными и неточными, правдивыми и ложными» [14, с. 132–133].

В.В. Степанов также отмечал, что «...реконструированная обстановка не может являться объектом изучения во время осмотра места происшествия, будучи искусственно измененной и не отражающей реальные условия, в которых происходили определенные события» [15, с. 60].

На наш взгляд, натурная (макетная) реконструкция может осуществляться при производстве повторного осмотра на месте происшествия лишь с целью отображения местонахождения трупа, объектов и следов для приведения обстановки в состояние, которое воспринималось следователем в ходе первичного осмотра.

Проанализировав вопросы о возможности использования реконструкции в ходе осмотра места происшествия, С.В. Экишева считает необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 177 УПК РФ и дополнить норму указанием о том, что в труднодоступной местности допускается осмотр места происшествия с использованием дистанционно-технических средств наблюдения и фиксации и осуществление впоследствии криминалистической реконструкции места происшествия [13, с. 64–165].

Нам представляется нецелесообразной регламентация в УПК РФ соответствующей нормы с акцентированием внимания на возможности применения в ходе осмотра места происшествия, пусть даже в труднодоступной местности, каких-либо технических средств. Поскольку в ст. 166 УПК РФ уже содержится указание о том, что в протоколе должны быть указаны технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым они были применены и полученные результаты.

Предложение автора законодательно регламентировать возможность использования реконструкции в уголовном судопроизводстве, бесспорно, очень важный и прогрессивный шаг на пути признания значимости этого способа установления фактических данных. Но при этом подобный подход представляет собой половинчатое решение существующей проблемы, поскольку реконструкция может применяться и при производстве иных процессуальных действий.

Если исходить из позиции С.В. Экишевой, реконструкция должна проводиться после осмотра места происшествия и, по-видимому, для того, чтобы в ходе исследования воссозданной обстановки получить сведения, имеющие доказательственное значение. Но при этом остаются не решенными вопросы о том, в ходе какого процессуального действия она должна осуществляться, в каком процессуальном документе должны отражаться ее результаты, как обеспечить права лиц, интересы которых затрагиваются в ходе ее осуществления.

Очевидно, что следует различать два вида реконструкции. Одну из которых возможно рассматривать в качестве тактического приема, используемого при производстве следственных действий, другой вид реконструкции производится для создания самостоятельного источника доказательственной информации.

В литературе справедливо отмечается, что реконструкция «...необходима постольку, поскольку необходимы ее материальные результаты, которые служат источником информации, а получена эта информация может быть различными путями — осмотром или иным способом» [12, с. 37].

И.М. Лузгин наряду с элементарными реконструкциями, которые являются тактическим приемом проведения следственного действия, предлагал выделять и сложные «...в структуре которых несколько познавательных методов, но определяющим является моделирование. Сложная реконструкция — это комплекс познавательных средств и методов, включающих в себя множество разнообразных приемов и операций в зависимости от цели, характера объекта (ситуации), который должен быть реконструирован. Такая реконструкция обладает чертами самостоятельного следственного действия» [12, с. 30–31].

Принимая во внимание, что в результате производства реконструкции возможно установить или проверить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовному делу, и учитывая, что она отвечает и иным признакам следственного действия [16, с. 210–219], назрела явная необходимость придания ей статуса самостоятельного следственного действия и законодательной регламентации многих вопросов, касающихся подготовки, осуществления реконструкции и фиксации полученных результатов.

Вопросы о порядке ее использования в уголовном судопроизводстве нуждаются в дальнейшем научном обсуждении и законодательной регламентации. Полагаем, что расширение перечня процессуальных средств, используемых в ходе выявления и расследования преступлений, положительно отразится на борьбе с преступностью.

Библиографический список

1. *Куванов В.В.* Реконструкция при проведении криминалистических экспертиз: учебное пособие. Караганда, 1974. 83 с.

2. *Осипова Е.В., Санжаревский Д.С.* Использование метода моделирования в расследовании криминальных пожаров // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 76–85.

3. *Белкин Р.С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.

4. *Комаров И.М.* Понятие и виды криминалистической реконструкции в расследовании преступлений // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 66–70.

5. *Лакомская М.Ю.* Тактические операции группы «реконструкция» (операции планирования и организации отдельных следственных действий) // Общества и право. 2018. № 3 (65). С. 98–103.

6. *Михальчук А.Е.* Тактические комбинации при производстве следственных действий / под ред. В.В. Степанова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 128 с.

7. *Лузгин И.* Метод реконструкции в следственной практике // Социалистическая законность. 1970. № 7. С. 57–59.

8. *Степанов В.В., Денежкин Б.А.* Проблемы развития средств доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 1995. № 3. С. 85–93.

9. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.

10. *Гутерман М.П.* Следственные действия и некоторые спорные вопросы, связанные с их системой // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1985. Вып. 42. С. 72–75.

11. Тактика следственных действий: учебное пособие / под ред. В.И. Комиссарова. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2000. 202 с.

12. *Лузгин И.М.* Моделирование при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1981. 152 с.

13. *Экишева С.В.* Проблемы применения криминалистической реконструкции при осмотре места происшествия // Известия Тульского государственного ун-та. Экономические и юридические науки. 2014. № 2–2. С. 159–167.

14. *Быховский И.Е., Лузгин И.М.* Реконструкция как самостоятельное следственное действие // Правоведение. 1971. № 3. С. 132–135.

15. *Степанов В.В.* Расширение перечня средств собирания доказательств // Уголовный процесс. 2007. № 2. С. 55–61.

16. *Степанов В.В., Галушкин В.И.* Реконструкция — эффективное средство исследования обстоятельств преступления // Вестник саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 210–219.

References

1. *Kuvanov V.V.* Reconstruction during forensic examinations: textbook. Karaganda, 1974. 83 p.

2. *Osipova E.V., Sanzharevsky D.S.* The use of the modeling method in the investigation of criminal fires // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. 2015. Issue 9. P. 76–85.

3. *Belkin R.S.* Experiment in investigative, judicial and expert practice. M.: Legal literature, 1964. 223 p.

4. *Komarov I.M.* The concept and types of criminalistic reconstruction in the investigation of crimes // Society and law. 2020. No. 4 (74). P. 66–70.

5. *Lakomskaya M.Yu.* Tactical operations of the group "reconstruction" (operations of planning and organization of individual investigative actions) // Societies and law. 2018. No. 3 (65). P. 98–103.

6. *Mikhalchuk A.E.* Tactical combinations in the production of investigative actions / ed. by V.V. Stepanov. Saratov: Publishing house of Saratovsky University, 1991. 128 p.

7. *Luzgin I.* Method of reconstruction in investigative practice // Socialist legality. 1970. No. 7. P. 57–59.

8. *Stepanov V.V., Denezhkin B.A.* Problems of the development of means of punishment in criminal proceedings // Bulletin of the Saratov State Academy of Law. 1995. No. 3. P. 85–93.

9. *Shafer S.A.* Investigative actions. System and procedural form. Moscow: Yurlitinform, 2001. 208 p.

10. *Guterman M.P.* Investigative actions and some controversial issues related to their system // Issues of combating crime. Moscow: Legal Literature, 1985. Issue 42. P. 72–75.

11. Tactics of investigative actions: a textbook / edited by V.I. Komissarov. Saratov: Publishing House of the Saratov State Academy of Law, 2000. 202 p.

12. *Luzgin I.M.* Modeling in the investigation of crimes. M.: Legal literature, 1981. 152 p.

13. *Ekisheva S.V.* Problems of the use of forensic re-construction when examining the scene of an accident // News of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2014. No. 2-2. P. 159–167.

14. *Bykhovsky I.E., Luzgin I.M.* Reconstruction as an independent investigative action // Pravovedenie. 1971. No. 3. P. 132–135.

15. *Stepanov V.V.* Expanding the list of means of collecting evidence // Criminal proceedings. 2007. No. 2. P. 55–61.

16. *Stepanov V.V., Galushkin V.I.* Reconstruction - an effective means of investigating the circumstances of a crime // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. No. 2 (133). P. 210–219.

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-182-187
УДК 347.734.01

Е.Н. Пастушенко, Л.Н. Земцова, К.В. Мацюпа

ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Введение: *доверие потребителей финансовых услуг к предлагаемым финансовым продуктам на финансовом рынке (как в классическом варианте, так и в современном цифровом дистанционном формате), доверие клиентов к финансовой устойчивости финансовых организаций, эффективность защиты прав потребителей финансовых услуг уполномоченными публично-правовыми субъектами, повышение финансовой грамотности и финансово-правовой культуры участников финансовых правоотношений являются актуальными направлениями финансово-правовой политики российского государства, что свидетельствует о востребованности заявленной темы исследования с научно-теоретических и практических позиций.* ***Цель*** *заключается в разработке концептуальных основ финансово-правового обеспечения формирования доверительной среды на финансовом рынке, клиенториентированности финансовых организаций.* ***Методологическая основа:*** *диалектический, системный методы и методы формальной логики; сравнительно-правовой, формально-юридический методы исследования.* ***Результаты:*** *отмечены перспективы междисциплинарных исследований проблематики формирования доверительной среды на финансовом рынке, комплексного подхода к обеспечению режима законности и поддержания должного уровня правопорядка на финансовом рынке.* ***Выводы:***

© Пастушенко Елена Николаевна, 2022
Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: past_en@mail.ru
© Земцова Лариса Николаевна, 2022
Кандидат юридических наук, председатель суда общей юрисдикции в отставке, преподаватель колледжа (Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саратове); e-mail: zemcovanzemcovan@mail.ru
© Мацюпа Ксения Владимировна, 2022
Кандидат филологических наук, доцент, преподаватель английского языка кафедры иностранных языков (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kvmatsyupa@mail.ru

© Pastushenko Elena Nikolaevna, 2022
Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy
© Zemtsova Larisa Nikolaevna, 2022
Candidate of Law, retired Chairman of the Court of General Jurisdiction, college lecturer (Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov
© Matsyupa Ksenia Vladimirovna, 2022
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Teacher of English at the Department of Foreign Languages (Saratov State Law Academy)

обосновано рассмотрение формирования доверительной среды на финансовом рынке как вектора развития публичного права финансового рынка с позиций подотрасли финансового права, внесены предложения об отражении данной тенденции в программных правовых актах Центрального банка Российской Федерации.

Ключевые слова: *Центральный банк Российской Федерации (Банк России), финансовый рынок, доверительная среда, качественная правовая среда.*

E.N. Pastushenko, L.N. Zemtsova, K.V. Matsyupa

FORMATION OF A TRUST ENVIRONMENT AS A VECTOR OF DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW OF THE FINANCIAL MARKET

Background: *the trust of consumers of financial services to the financial products offered in the financial market (both in the classical version, and in the modern digital remote format), customer confidence in the financial stability of financial institutions, the effectiveness of protection of financial services of the consumers' rights by authorized public and legal entities, improving financial literacy and financial and legal culture of participants in financial legal relations are relevant areas of financial and legal policy of the Russian state.* ***Objective:*** *to develop conceptual foundations of financial and legal support for the formation of a trusting environment in the financial market, client-oriented financial institutions.* ***Methodology:*** *dialectical, systematic methods and methods of formal logic; comparative-legal, formal-legal methods of research.* ***Results:*** *the prospects of interdisciplinary research into the problems of fiduciary environment formation on the financial market, a comprehensive approach to ensuring the regime of legality and maintaining the proper level of law and order on the financial market were noted.* ***Conclusions:*** *the consideration of fiduciary environment formation on the financial market as a development vector of public law on the financial market from the standpoint of sub-branch of financial law have been grounded, suggestions on reflection of this tendency in program legal acts of the Central Bank of the Russian Federation have been made.*

Key-words: *Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), financial market, trust environment, quality legal environment.*

Массовый приход на российский финансовый рынок в последние годы неквалифицированных инвесторов требует усиленной защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, повышения их финансовой грамотности, исключения недобросовестных практик в деятельности финансовых организаций, развития поведенческого надзора Центрального банка Российской Федерации, что чрезвычайно важно в современный период. В Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 апреля 2022 г. № 1210-8 ГД «О годовом отчете Центрального банка Российской Федерации за 2021 год» подчеркивается необходимость Центральному банку Российской Федерации «проводить денежно-кредитную политику, направленную на обеспечение ценовой стабильности, защиту об обесценения доходов и сбережений граждан, содействие адаптации российской экономики к резкому усилению санкционного давления на финансовую систему и российскую экономику в целом и возвращению к сбалансированному и устойчивому экономическому росту в среднесрочной перспективе с учетом рисков для финансовой стабильности», а

также «обеспечить уменьшение зависимости национальной денежно-кредитной системы от колебаний конъюнктуры на международных финансовых и товарных рынках...», «продолжить работу по предотвращению продаж гражданам одного финансового продукта под видом другого (мисселинга), а также навязывания дополнительных платных услуг при заключении кредитных договоров, проводить мониторинг соответствующих показателей и осуществлять поведенческий надзор в отношении поднадзорных организаций», «продолжить работу по повышению финансовой грамотности граждан, в том числе лиц старшего возраста, в части разъяснения правил финансовой безопасности и защиты от мошеннических схем рисков, приводящих к чрезмерному росту долговой нагрузки» (п. 2 и 3, 10 и 11 пункта 2 названного постановления Госдумы)[1].

Это свидетельствует о востребованности на российском финансовом рынке качественной правовой среды, включая правовое обеспечение доверия инвесторов на финансовом рынке, особенно неквалифицированных инвесторов, и потребителей финансовых услуг к предлагаемым финансовыми организациями финансовым продуктам, в том числе оказываемым в цифровом формате, что объективно диктует внедрение в правоприменительную практику доступных и подробных разъяснений финансовыми организациями потенциальным клиентам и субъектам, вступившим в правоотношения с финансовой организацией, о сути финансового продукта, возможных рисках и последствиях.

Поэтому совершенно обоснованно в теории права уделяется внимание вопросам доверия в праве. Хотелось бы отметить одну из последних работ по данной тематике, опубликованной в Вестнике Саратовской государственной юридической академии в № 2, 2022 год. Речь идет о статье доктора юридических наук А.Г. Репьева «Доверие как основа культуры правовой коммуникации». Как справедливо отмечает автор, «... доверие — необходимый атрибут эффективного функционирования как устоявшихся государственно-правовых институтов, так и новых». По мнению автора, «оно первично в механизме реализации каких-либо правоотношений». Автор не без оснований полагает, «для того, чтобы вновь вводимый институт (норма) мог успешно существовать, необходимо доверие к нему, в противном случае социальное отторжение сделает свое дело...»; профессор А.Г. Репьев подчеркивает, что «в среде ученых-отраслевиков (специалистов в области административного, уголовного, гражданского и иных отраслей права) трактовка термина «доверие» не имеет универсального толкования и, как правило, рознится» [1, с. 20].

Принимая во внимание изложенное, представляется актуальным проанализировать вопросы теории, правового регулирования и правоприменительной практики в отношении доверия на российском финансовом рынке с позиций публичного права финансового рынка как формирующейся подотрасли финансового права.

Злободневным направлением финансово-правовой политики является поддержание режима законности в финансовых правоотношениях, обеспечение правомерного поведения на российском финансовом рынке, что подчеркивается в исследованиях представителей Саратовской школы финансового права имени Н.И. Химичевой [2; 3]. Уделяется внимание проблематике повышения финансовой грамотности как функции Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики и на страницах Вестника Саратовской государственной юридической академии [4].

[1] См.: Доступ по справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

При этом хотелось бы подчеркнуть значение научных исследований по теории права для отраслевых юридических наук, в данной ситуации — для публичного права финансового рынка как формирующейся подотрасли финансового права, когда особенно важны вопросы адекватности правового регулирования реалиям развития общественных отношений, а именно законодательного баланса и законодательного дисбаланса. Обращает на себя внимание предложенное С.А. Белоусовым определение законодательного дисбаланса.

Автор делает убедительный вывод, что «...законодательный дисбаланс — объективно обусловленный, детерминированный уровнем и условиями общественного развития, имманентно присущий законодательству динамичный процесс, выражающийся либо в несогласованности, несоответствии образующих его структуру и содержание элементов (подсистем), либо в неравновесии, неравнозначности используемых им средств, а также в диспропорции между тенденциями законодательства к устойчивости и стремлением к стабильности, специализацией и унификацией нормативно-правовой материи, в каждом из перечисленных случаев создающий препятствия в правовом урегулировании общественных отношений, что в совокупности при достижении им критических значений неравновесия в законодательстве существенно снижает потенциал поступательного развития всей правовой системы» [5, с. 228–229].

На избежание дисбаланса в правовом регулировании российского финансового рынка как на уровне федеральных законов, так и подзаконных нормативных правовых актов, в том числе нормативных актов Банка России, направлены подготовленные Центральным банком Российской Федерации (на основании закона и во исполнение закона) Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 г. и период 2023 и 2024 гг.

Как подчеркивается в данном стратегическом документе, «разработка и реализация политики по развитию финансового рынка осуществляется совместно Банком России и Правительством Российской Федерации, которые в первую очередь создают благоприятную среду — необходимые макроэкономические, институциональные и правовые условия — для формирования сбережений и перетока сбережений в кредиты и инвестиции», и «хотя Банк России и Правительство Российской Федерации занимают активную позицию в развитии финансового рынка, результат в значительной мере зависит от стратегий, культуры, мотивации его участников, действующих в конкурентной среде по рыночным принципам»; «...при этом возможности финансового рынка аккумулировать сбережения для трансформации в инвестиции зависят не только от доверия к финансовым институтам, их устойчивости, но и во многом от уровня доходов, наличия у участников экономических отношений средств для формирования сбережений», но доверие и конкурентное взаимодействие между участниками все же являются «важными факторами эффективной работы финансового рынка»; «укрепление доверия розничного потребителя и инвестора к финансовому рынку через усиление его защищенности, повышение финансовой грамотности и расширение доступности финансовых услуг» названо первой целью из трех среднесрочных целей политики по развитию финансового рынка; «развитие финансового рынка на основе свободной рыночной среды, конкуренции и доверия» обозначено как принцип политики по развитию финансового рынка; «Банк России и Правительство Российской Федерации во взаимодействии с органами законодательной власти ведут тесную работу по формированию правовой среды

для развития финансового рынка, в том числе созданию правовых основ для новых форм и видов деятельности, форматов взаимодействия поставщиков и потребителей финансовых услуг, каналов обслуживания в условиях внедрения передовых технологий»[1].

Поддержание должного правопорядка на финансовом рынке исследуется учеными с учетом междисциплинарного характера категории «финансовый рынок» [7; 8; 9; 10; 11; 12], что позволяет применить комплексный подход в теории и практике реализации правоотношений с элементами доверия, обеспечить плодотворное сочетание общих положений методологии теории права и специфики отраслевых юридических наук.

Вопросы доверия на финансовом рынке находят отражение в правоприменительной деятельности Банка России. Как сообщает регулятор, «в январе — марте 2022 года в Банк России поступило 94,9 тыс. жалоб, что на 38,1% больше, чем за такой же период 2021 года»; «одной из причин роста стали, по мнению регулятора, санкции и возникшая повышенная неопределенность. Значительная часть обращений была вызвана, как поясняет регулятор, необходимостью разъяснения мер поддержки населения и бизнеса, временного порядка операций с наличной валютой, приостановки торгов на бирже, работы платежных карт в условиях ограничений и так далее»; «Банк России оперативно не только объяснял суть изменений, используя разные каналы коммуникации, в том числе отвечая на вопросы граждан, но и восстанавливал права заявителей, когда подтверждались нарушения»[2].

Принимая во внимание изложенное, представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что формирование доверительной среды на финансовом рынке следует рассматривать как вектор развития публичного права финансового рынка в аспекте подотрасли финансового права, что весьма целесообразно отразить в программных правовых актах Центрального банка Российской Федерации, учитывая значительный опыт правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационой деятельности Банка России на финансовом рынке.

Библиографический список

1. *Репьев А.Г.* Доверие как основа культуры правовой коммуникации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 15–25.

2. *Химичева Н.И., Покачалова Е.В.* Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // Банковское право. 2013. № 6. С. 8–18.

3. *Пастушенко Е.Н.* Формирование доверительной среды на финансовом рынке как актуальное направление финансово-правовой политики в условиях цифровой экономики // Финансово-правовой форум «Финансовое право и современный миропорядок» 2020.1: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: РГ-Пресс, 2021. С. 257–263.

4. *Пастушенко Е.Н., Малыхина Е.А., Земцова Л.Н.* Повышение финансовой грамотности как функция Центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 227–233.

[1] Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (одобрены Советом директоров Банка России, размещены на официальном сайте Банка России 24 декабря 2021 г.). М., 2021. С. 5, 7, 9, 11, 14. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131935/onrfr_2021-12-24.pdf (дата обращения: 07.05.2022).

[2] Число жалоб в Банк России выросло более чем на треть в I квартале 2022 года. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=12860 (дата обращения: 04.05.2022).

5. *Белоусов С.А.* Законодательный дисбаланс // Актуальные проблемы права: учебник для магистрантов / под ред. В.Л. Кулапова. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2021. С. 222–242.

6. *Ручкина Г.Ф.* Противоправные практики на рынке ценных бумаг : к вопросу совершенствования правового регулирования // Банковское право. 2022. № 1. С. 22–29.

7. *Михеева И.Е.* Недобросовестное поведение банков как правонарушение // Банковское право. 2021. № 6. С. 15–23.

8. *Михеева И.Е.* Противоправность недобросовестного поведения в банковской деятельности // Банковское право. 2021. № 3. С. 16–24.

9. *Hanco М.Д., Hanco М.Б.* Тренды цифровой трансформации общества: актуальные проблемы реализации прав индивида в сфере информации // Журнал российского права. 2021. № 25.10. С. 85–97.

10. *Сабырбаева А.Б.* О мерах по противодействию мошенничеству (на примере фишинга) // Государство и право. 2021. № 12. С. 181–185.

11. *Bogoviz, A.V., Lobova, S.V., Ragulina, Y.V., Chernitsova, K.A.d, Shkodinsky, S.V.* Internet tools for development of knowledge economy: Essence, tendencies, and perspectives. Advances in Intelligent Systems and Computing Volume 726, 2019, Pages 39-45 5th National scientific and practical conference on Perspectives on the use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy, 2018; Pyatigorsk; Russian Federation; 1 February 2018 до 1 February 2018.

References

1. *Repyev A.G.* Trust as a Basis of Culture of Legal Communication // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2022. No. 2 (145). P. 15–25.

2. *Khimicheva N.I., Pokachalova E.V.* Principles of Russian Financial law as Basic Principles of Banking Activity // Banking law. 2013. No. 6. P. 8–18.

3. *Pastushenko E.N.* Formation of Trust Environment in the Financial Market as an Actual Direction of Financial and Legal Policy in the Digital economy // Financial and Legal Forum “Financial Law and Modern World Order” 2020.1: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference / ed. by E. Yu. Grachev. Moscow: RG-Press, 2021. P. 257–263.

4. *Pastushenko E.N., Malykhina E.A., Zemtsova L.N.* Increasing Financial Literacy as a Function of the Central Bank of the Russian Federation in the Digital Economy // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 5 (142). P. 227–233.

5. *Belousov S.A.* Legislative Imbalance // Actual Problems of Law: textbook for undergraduates / ed. by V.L. Kulapov. Saratov: Izd vo Saratov. gos. jurid. akad. 2021. P. 222–242.

6. *Ruchkina G.F.* Unlawful Practices at the Market of Securities: to a Question of Improvement of Legal Regulation // Banking law. 2022. No. 1. P. 22–29.

7. *Mikheeva I.E.* Unfair Behavior of Banks as an Offense // Banking law. 2021. No. 6. P. 15–23.

8. *Mikheeva I.E.* Contravency of Dishonest Behavior in Banking Activity // Banking law. 2021. No. 3. P. 16–24.

9. *Napso M.D., Napso M.B.* Trends of Digital Transformation of Society: Actual Problems of Realization of Individual Rights in the Sphere of Information // Journal of Russian Law. 2021. No. 25.10. P. 85–97.

10. *Sabyrbayeva A.B.* On Measures to Combat Fraud (on the example of phishing) // State and Law. 2021. No. 12. P. 181–185.

11. *Bogoviz A.V., Lobova S.V., Ragulina Y.V., Chernitsova K.A.d, Shkodinsky S.V.* Internet Tools for Development of knowledge economy: Essence, Tendencies, and Perspectives. Advances in Intelligent Systems and Computing Volume 726, 2019, Pages 39-45 5th National scientific and practical conference on Perspectives on the use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy, 2018; Pyatigorsk; Russian Federation; 1 February 2018 to 1 February 2018.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-188-199
УДК 342.951:346.62

К.В. Маслов

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Введение: *в Стратегии национальной безопасности России и законодательстве не предусмотрено как самой необходимости, так и порядка и принципов разработки и утверждения концептуальных документов в каждой из сфер безопасности. Единство взглядов на указанные проблемы отсутствует и в правовой науке. Такая ситуация особенно угрожает эффективному правовому обеспечению налоговой безопасности государства в силу значимости налоговых доходов бюджетов для функционирования всей системы государственного управления.* ***Цель:*** *обосновать систему стратегических документов, обеспечивающих налоговую безопасность государства, их признаки и принципы разработки.* ***Методологическая основа:*** *анализ доктринальных источников в области теории безопасности, теории права и отраслевых юридических наук, теоретические методы формальной и диалектической логики, дедукции и индукции, а также юридико-догматический и метод толкования правовых норм.* ***Результаты:*** *определено соотношении концепций, доктрин, стратегий, основных направлений государственной политики, государственных программ, Посланий Президента РФ применительно к обеспечению налоговой безопасности государства. Проанализированы подходы к правовой форме и содержанию концептуального документа в области налоговой безопасности государства.* ***Выводы:*** *стратегия налоговой безопасности (в виде отдельного документа либо раздела более общей стратегии) призвана постулировать национальные интересы в налоговой сфере, угрозы налоговой безопасности и сценарии их преодоления с участием различных органов публичного управления. Значение государственной программы и иных документов прогнозирования — в фиксации конкретных функций и мероприятий по обеспечению налоговой безопасности, сроков реализации последних, индикаторов состояния каждой угрозы.*

Ключевые слова: *налоговая безопасность, Стратегия национальной безопасности, стратегическое планирование, угроза безопасности, экономическая безопасность, государственное управление, налоги.*

K.V. Maslov

LEGAL FORMS OF STRATEGIC PROVISION OF TAX SECURITY OF THE STATE

Background: *the Russian National Security Strategy and legislation do not provide for both the very need and the order and principles of development and approval of conceptual documents in each of the areas of security. There is no unity of views on*

© Маслов Кирилл Владиславович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права (Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского)
© Maslov Kirill Vladislavovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law (Dostoevsky Omsk State University)

these problems in legal science as well. This situation threatens particularly effective legal provision of tax security of the state, due to the importance of tax revenues of budgets for the functioning of the entire system of public administration. ***Objective:*** *to substantiate the system of strategic documents that ensure the national tax security, their features and principles of development.* ***Methodology:*** *analysis of doctrinal sources in the field of security theory, theory of law and branch legal sciences, theoretical methods of formal and dialectical logic, deduction and induction, as well as legal-dogmatic and method of interpretation of legal norms.* ***Results:*** *the correlation of concepts, doctrines, strategies, main directions of state policy, state programs, Missives of the Russian President in relation to ensuring the national tax security of the state is determined. The approaches to the legal form and content of the conceptual document in the field of national tax security are analyzed.* ***Conclusions:*** *the national tax security strategy (as a separate document or a section of a more general strategy) is designed to postulate national interests in the tax sphere, threats to tax security and scenarios for overcoming them with the participation of various public administration bodies. The significance of the state program and other forecasting documents is in fixing specific functions and measures to ensure tax security, the timing of the implementation of such measures, indicators of the state of each threat.*

Key-words: *tax security, National security strategy, strategic planning, security threat, economic security, public administration, taxes.*

В юридической науке справедливо отмечается особая роль актов концептуального и доктринального типа в правовом обеспечении национальной безопасности, поскольку они закрепляют его приоритетные задачи и основные направления, а также верно указывается на необходимость разработки теоретико-методологических основ создания таких документов и повышения ответственности за их неисполнение [1, с. 14].

Многие концептуальные вопросы обеспечения безопасности различных видов определены в актах, именуемых Стратегиями. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Особенностью этого документа является верный акцент на обеспечении безопасности через развитие. Однако упущением представляется игнорирование угроз и интересов в сфере налогообложения. Косвенно эта проблематика затронута через определение экономической безопасности как одного из стратегических национальных приоритетов, упоминание недобросовестной конкуренции государств и противодействия преступности в кредитно-финансовой сфере, укрепления суверенитета финансовой системы страны, постановку задачи обеспечения сбалансированности бюджетной системы.

Вопросам управления налогообложением не уделено значительного внимания в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г. При том, что оптимизация налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития экономики страны и модернизации ее производственно-технологической базы отнесена к числу основных задач государственного управления экономикой.

Стратегия национальной безопасности РФ не предусматривает как самой необходимости, так и порядка и принципов утверждения концептуальных документов по каждой из выделенных ею сфер. Такая лаконичность, с одной стороны, провоцирует лакуны в противодействии всему спектру угроз, а с

другой — создает основу для появления концептуальных документов на ведомственном уровне, не имеющих системных взаимосвязей ни со Стратегией, ни друг с другом, содержащих неоправданные повторы либо противоречивые формулировки [2, с. 18–19]. «Термины «концепция», «стратегия», «доктрина», «концептуальное направление», «федеральная программа» и другие используются без должного обоснования, а их взаимная увязка и ранжирование пока ещё не осуществлены» [2, с. 18–19]. Закон о безопасности, который приоритетно применяется к отношениям по стратегическому планированию в области безопасности, в качестве основы государственной политики в этой сфере в ч. 3 ст. 4, наряду со Стратегией национальной безопасности, упоминает абстрактные концептуальные и доктринальные документы, разрабатываемые Советом Безопасности РФ и утверждаемые Президентом РФ. Профильный Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» также не вносит ясности в решение данного вопроса. К документам, разрабатываемым в рамках целеполагания, закон, помимо Стратегии национальной безопасности, относит «основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» (п. «в» ч. 3 ст. 11), не предлагая ни исчерпывающего перечня, ни специфических признаков даже перечисляемых документов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Стратегии отдельных видов безопасности (а именно так в российской практике часто именуются целеполагающие документы) прямо не выделены ни законом о безопасности, ни законом о стратегическом планировании, в отличие от основ государственной политики, доктрин и концептуальных документов.

В такой ситуации очевидна необходимость разработки общих принципов составления стратегических документов и их иерархии, в первую очередь, в целях эффективного правового обеспечения налоговой безопасности, которая создает условия для функционирования всей системы государственного управления.

Под налоговой безопасностью государства можно понимать уровень развития системы государственного управления, выражающийся в защищенности жизненно важных интересов государства и налогоплательщиков посредством минимизации внутренних и внешних угроз сбору такого количества налоговых доходов, которое соответствует запланированному с учетом необходимости полного финансирования всех функций и задач государства и муниципальных образований как в текущем периоде, так и в целях перспективного развития.

А.А. Цвилий-Букланова указывает, что в основе обеспечения налоговой безопасности должна лежать «законодательная база, концепция налоговой безопасности государства, государственная стратегия обеспечения налоговой безопасности» [3, с. 21]. Однако смешивать приведенные акты представляется нецелесообразным, поскольку они имеют иерархию как по юридической силе, так и по целям регулирования, а также степени конкретизации правовых механизмов. Некоторые ученые разделяют концепции, доктрины и стратегии по степени конкретизации принципов и направлений государственной политики в той или иной сфере, начиная с их обозначения в концепциях и заканчивая оформлением механизмов их реализации и индикаторов оценки достигнутых результатов в стратегиях [4]. С.Н. Максимов полагает, что стратегия: «...это официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной

безопасности» [5, с. 136]. То есть, в содержание стратегии ученым включаются не только политические приоритеты и цели, но также и меры.

Насколько оправданна и эффективна регламентация безопасности, включая конкретные меры ее обеспечения, именно на уровне таких правовых актов, как «программные» (или, иначе говоря, концептуальные) документы: стратегии, концепции и доктрины? Их значение состоит не в гибкости, позволяющей в упрощенном порядке корректировать их при изменении ситуации (как полагают некоторые исследователи [6, с. 48]), а, напротив, в закреплении закономерностей и базовых постулатов регулирования и, следовательно, стабильности. Концепция любого вида безопасности обязана отражать систему ясных представлений о жизненно важных национальных, региональных и глобальных интересах России в соответствующей сфере [7].

Стратегия должна быть не «основным нормативным актом, обязательным для исполнения государственными органами и всем обществом» [8, с. 10] (это функция профильного федерального закона), а ориентиром, направленным на упорядочение исключительно самой системы государственного управления отношениями в области обеспечения безопасности. Именно в этом состоит основная задача концептуального документа. Он не должен быть подвержен влиянию конъюнктурных интересов и сиюминутных порывов, а предназначается для перспективного применения. Исходя из требований к стратегии национальной безопасности в целом [9, с. 28], концептуальный документ в области налоговой безопасности должен содержать анализ не только существующих реальных угроз государственным интересам, но также и закономерностей их влияния на дальнейшее развитие общественных процессов. В литературе встречаются предложения о принятии стратегий ежегодно с конкретизированной программой практических действий по обеспечению безопасности [10, с. 30]. Однако при таком подходе стирается грань между стратегиями, которые по определению не должны отражать тактических мер, и ординарными федеральными законами, а также текущими управленческими планами ведомств.

Полагаем, что концептуальный документ в области любого вида безопасности предназначен для определения национальных приоритетов, угроз их реализации, а также обусловленных ими целей государственного управления. В том числе концептуальный документ позволяет сформировать унифицированный понятийно-категориальный аппарат в соответствующей сфере обеспечения безопасности. Такая позиция, в целом подтверждается и положениями Федерального закона «О стратегическом планировании». Данный закон, выделяя обеспечение национальной безопасности как одну из основных сфер государственного управления и, соответственно, предмет стратегического планирования, принципиально разделяет документы стратегического планирования по реализуемым ими функциям (целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования) и уровням принятия (федеральный, региональный, местный). Документы целеполагания (исходя из приведенных в законе дефиниций — см., например, п. 4, 24, 26 ст. 3) должны содержать систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления. Документы прогнозирования — оценку угроз национальной безопасности и сценарии их преодоления (см., например, ч. 2 ст. 23). Между тем угрозы безопасности и особенно сценарии их преодоления неразрывно связаны с приоритетами и целями государственного управления. Правильное определение целей государственного управления невозможно без

адекватной оценки угроз безопасности и их развития. И, напротив, сценарии преодоления угроз безопасности обусловлены управленческими целями и приоритетами. Потому в области обеспечения безопасности (в том числе налоговой) разделение функций прогнозирования и целеполагания между разными документами, как минимум, непродуктивно, а как максимум, чревато потерей управляемости системы.

Разумным представляется принятие концептуального документа в области налоговой безопасности в форме не федерального закона (как предлагает ряд ученых [11, с. 22]) или постановления Правительства РФ, имеющего упрощенный порядок корректировки (на чем настаивают иные [12, с. 19]), а Указа Президента РФ как высшего должностного лица, возглавляющего Совет Безопасности РФ и определяющего внутреннюю политику страны. Вопреки мнению некоторых исследователей [13, с. 22], Правительство Российской Федерации должно принимать лишь первоочередные и тактические (но не стратегические) меры по обеспечению безопасности в различных сферах. Потому Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ верно относит принятие документов стратегического планирования в области национальной безопасности к компетенции Президента РФ (ст. 17).

Президентом РФ в рамках полномочий в области обеспечения безопасности утверждаются, наряду со Стратегиями, Основы государственной политики в области отдельных видов безопасности. Концептуальные различия в содержании между двумя видами документов отсутствуют (большинство из них предусматривают одинаковые разделы: цели, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной политики в области обеспечения соответствующего вида безопасности[1]; некоторые — также разделы: оценка состояния системы безопасности, порядок взаимодействия органов власти[2]). Единство содержания обусловливает необходимость их унифицированного наименования. Полагаем, учитывая целеполагающий характер таких документов и нацеленность на прогнозирование развития угроз безопасности в соответствующей сфере, более подходящим семантически является термин «Стратегии». Отсутствие прямого указания в законах о безопасности и о стратегическом планировании на разработку стратегий отдельных видов безопасности, наряду со Стратегией национальной безопасности, полагаем, не исключает такой возможности, поскольку, как уже отмечалось выше, приведенные законодательные акты позволяют принимать различные концептуальные и доктринальные документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

---

[1] См., например: Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (утверждена Указом Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020, № 44, ст. 6970; Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности (утверждены Указом Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 16, ч. I, ст. 2746.

[2] См., например: Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20, ст. 2902; Основы государственной политики Российской Федерации в области пожарной безопасности на период до 2030 года (утверждены Указом Президента РФ от 1 января 2018 г. № 2) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 2, ст. 411; Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 17, ст. 2546.

Среди источников обеспечения безопасности, наряду с целеполагающими и прогнозными документами стратегического планирования (концепции, доктрины, стратегии, основные направления), обоснованно выделяют акты ресурсного обеспечения (федеральные целевые программы, государственные программы, программы субъектов Российской Федерации и ведомственные программы) [14, с. 84].

Особую роль среди документов планирования играют государственные программы. Имеющие более прикладной характер в сравнении со стратегиями и концепциями, они позволяют эффективно организовать государственное управление подведомственной сферой с точки зрения как управленческих технологий, так и технического обеспечения. Анализ Закона о стратегическом планировании позволяет отнести к содержанию документов планирования и программирования конкретные направления деятельности органов управления, задачи, сроки реализации мероприятий, их исполнителей, а также необходимые ресурсы и инструменты государственной политики (см. п. 31, 32 ст. 3, ст. 27, 28 данного Закона).

Потому сложно согласиться с авторами, которые предлагают вносить в содержание государственных программ не только перечень основных мероприятий (включая меры правового регулирования), показатели (индикаторы), ресурсное обеспечение, но также и приоритеты и цели государственной политики, в том числе субъектов федерации, в области обеспечения соответствующего вида безопасности [14, с. 86]. Закрепление последних элементов должно происходить в Стратегиях, выступающих основой для составления государственных программ.

Ряд ученых настаивает на закреплении вопросов обеспечения экономической безопасности в профильном приоритетном национальном проекте как необходимом условии модернизации экономики [15; 16, с. 15]. Полагаем, в обеспечении налоговой безопасности государственные программы должны иметь приоритет с учетом наметившейся тенденции на интеграцию национальных проектов в их состав (с выделением проектной и процессной частей)[1]. Кроме того, именно государственные программы прямо предусмотрены Законом о стратегическом планировании как приоритетная форма документов планирования и программирования.

Безопасность выступает в большей степени целью публичного управления, которой должны быть подчинены управленческие решения (в рассматриваемом случае — в налоговой сфере), нежели самостоятельной областью управления. Потому государственная программа обеспечения налоговой, либо шире — экономической безопасности должна быть именно комплексной, предметом которой выступает минимизация угроз, затрагивающих сферы реализации нескольких государственных программ. Отнесение обеспечения национальной безопасности к предмету исключительно «обычных» государственных программ и отсутствие упоминания об этом в описании предмета программ комплексных в Положении о системе управления ими[2] является безусловным упущением.

[1] См.: Положение о системе управления государственными программами Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.05.2021).

[2] См.: Положение о системе управления государственными программами Российской Федерации (утверждено Постановлением Правительства РФ от 26 мая 2021 г. № 786) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.05.2021).

Комплексная государственная программа обеспечения экономической безопасности, составной частью которого являлась бы налоговая безопасность, могла бы гарантировать последовательную реализацию иных государственных программ и национальных проектов, заложив основу их стабильного финансирования.

В случае отсутствия такой комплексной программы крайне важным представляется определение мероприятий по противодействию угрозам налоговой безопасности в соответствующих сферах в абсолютном большинстве существующих государственных программ. Наиболее значимые среди них применительно к обеспечению налоговой безопасности — государственные программы: «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Обеспечение государственной безопасности», «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», «Развитие внешнеэкономической деятельности», «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами».

На сегодняшний день наиболее значимые мероприятия по противодействию угрозам налоговой безопасности, правда, в иных формулировках, отражены лишь в программе «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», в рамках подпрограммы «Развитие налоговой и таможенной системы и регулирование производства и оборота отдельных видов подакцизных товаров»[1].

Некоторые ученые предлагают утвердить аналогичные программы государственного управления налоговой безопасностью на уровне субъектов федерации [17, с. 225], однако с учетом федерального подчинения основных органов налогового администрирования подобные программы в субъектах федерации окажутся беспредметными.

Тактические задачи в области обеспечения налоговой безопасности для системы государственного управления должны ставиться в ежегодном послании Президента РФ Федеральному Собранию. Сложно согласиться с решением законодателя, характеризующего такое послание как документ стратегического планирования (п. «а» ч. 3 ст. 11, ст. 15 одноименного закона), основу для определения стратегических, а не тактических, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности. Ежегодный характер послания априори исключает возможность фиксации в нем стратегических целей и приоритетов. Послание должно содержать лишь важнейшие задачи публичного управления на очередной год и актуальные направления их достижения. В бюджетных отношениях такое послание имеет юридическое значение, выступая одним из важнейших документов для бюджетного планирования на очередной год (ч. 2 ст. 172 Бюджетного кодекса РФ). В налоговых отношениях Послание Президента должно быть закреплено в актах Правительства РФ как обязательное к учету при составлении Основных направлений налоговой политики и подготовке заключений по поступающим на согласование законопроектам. Такая юридически значимая расстановка приоритетов будет способствовать стабилизации законотворчества и правоприменения в русле единой политики.

[1] См.: Государственная программа Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/03/main/Gosudarstvennaya_programma_RF_2021-2023.docx (дата обращения: 26.07.2021).

Разнообразие сфер применения плановых документов и решаемых ими задач требует возложения ответственности за их разработку на гораздо большее число органов власти и должностных лиц помимо Президента РФ, но это касается краткосрочных, тактических планов. Потому в обеспечении налоговой безопасности, наряду с концептуальными документами, востребованным (и взаимоувязанным с ними) инструментом должны быть Планы действий Правительства РФ[1], Минфина, ФНС и ФТС России, а также Основные направления налоговой политики, разрабатываемые подведомственным ему Министерством финансов (последние годы в составе более общего по содержанию документа — Основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики[2]).

Закон о стратегическом планировании относит основные направления деятельности Правительства РФ и планы деятельности федеральных органов исполнительной власти к документам стратегического планирования и предусматривает их разработку на шесть лет вперед[3]. Представляется, что с учетом цикличности и динамизма экономического развития планы действий органа власти на столь длительный период с высокой степенью вероятности могут оказаться набором «общих фраз». Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 г. (утв. Правительством РФ 29 сентября 2018 г.) является лишним тому подтверждением, поскольку содержат два раздела: «Национальные цели развития РФ и приоритеты деятельности Правительства РФ» и «Меры государственной политики по достижению национальных целей развития», — концептуально дублирующие содержание профильных стратегий и государственных программ. План деятельности органа власти, особенно в экономической сфере, представляется правильным утверждать на срок не более трех лет как синтетический документ, конкретизирующий компетенцию органа по реализации мероприятий, предусмотренных государственными программами и относимых к сфере его полномочий в рамках определенных стратегическими документами целей, сроки осуществления мероприятий, а также критерии эффективности органа в достижении таких целей. Такой подход подтверждается и практикой: в последнее время как ФНС России, так и ФТС России разрабатывают как ежегодные[4], так и трех-, четырехлетние планы[5].

---

[1] Такие, как, например: План действий Правительства России, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году (утвержден 1 марта 2016 г.); Общенациональный план действий обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13-60855 от 2 октября 2020 г.)

[2] См., например: Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно- тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2020/10/main/ONBNiTTP_2021_2023.pdf (дата обращения: 27.07.2021).

[3] См. ст. 31 Закона о стратегическом планировании; п. 2 Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации планов деятельности федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации (утвержден Постановлением Правительства РФ от 26 декабря 2015 г. № 1449) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1, ч. II, ст. 254.

[4] См., например: План деятельности ФНС России на 2021 год (утвержден Министром финансов РФ 19 февраля 2021 г.). URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/analit/pg2021.pdf (дата обращения: 29.07.2021).

[5] См.: Приказ ФНС России от 5 марта 2021 г. № ЕД-7-1/173@ «Об утверждении Стратегической карты ФНС России на 2021–2023 годы». URL: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/docs/about_fts/str21_23.xlsx (дата обращения: 29.07.2021); План мероприятий на период 2021–2024 годов по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года (последняя, несмотря даже на требования Закона о стратегическом планировании утверждена сразу на 10 лет).

Основные направления налоговой политики выступают специфическим для обеспечения именно налоговой безопасности документом краткосрочного планирования. Они должны основываться на Стратегии, утвержденной Президентом, и развивать ее положения применительно к угрозам текущего бюджетного года. Основное назначение данного документа в заблаговременном информировании участников экономических отношений о планируемых управленческих новеллах и получении обратной связи со стороны экспертного и профессионального сообщества.

Таким образом, Стратегия — неотъемлемый и самостоятельный (наряду с документами планирования и программирования) элемент механизма обеспечения безопасности соответствующего вида. Ее разработка и утверждение — насущная управленческая потребность в процессе эффективной минимизации угроз налоговой безопасности силами системы государственного управления.

Существующая Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года, обладая определенными достоинствами, имеет существенные недостатки в вопросах обеспечения именно налоговой безопасности. Многие ее положения носят декларативный характер, отсутствуют определение национальных интересов и угроз в налоговой сфере, системы обеспечения налоговой безопасности, включая ее основополагающие принципы, уровни и сферы, особенности разграничения полномочий между субъектами. Вопросы налогообложения прямо упоминаются в ней лишь при постановке одной из задач в рамках направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики: «оптимизация регулятивной и налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития экономики страны и модернизации ее производственно-технологической базы». Ученые справедливо отмечают также нехватку положений о государственном управлении в правоохранительной сфере в посвященных экономической безопасности концептуальных документах [18, с. 9].

Исходя из изложенного, насущно необходимой представляется разработка Стратегии налоговой безопасности Российской Федерации. Она может существовать в форме самостоятельного документа либо одного из разделов особенной части предлагаемой учеными Концепции финансовой безопасности [19, с. 53]. В таком документе на основе объективного анализа угроз с учетом состояния текущего законодательного регулирования были бы отражены основные организационные, правовые, методические и научно-технические механизмы деятельности субъектов обеспечения этого вида безопасности, определена конструкция взаимодействия между ними. Основные принципы, на которых должна строиться такая Стратегия: системный подход к структурированию элементов налоговой безопасности; внутренняя непротиворечивость элементов; консолидированный характер разработки, принятия и реализации предусматриваемых ею мер; направленность мер на предвидение, предотвращение угроз и восстановление в случае их реализации; долгосрочность; обусловленность положениями Конституции РФ и ратифицированных международных договоров.

Такая Стратегия должна отражать:

критерии региональных и глобальных национальных интересов в налоговой сфере на текущем этапе развития страны и их наиболее полный перечень;

характеристики актуальных для текущего этапа развития страны и перспективных угроз налоговой безопасности разного вида;

принципы, уровни и сферы, а также объекты обеспечения налоговой безопасности;

описание институтов и органов, обеспечивающих налоговую безопасность, а также основ разграничения полномочий между ними;

цели, задачи и общие функции субъектов публичного управления по предотвращению и минимизации воздействия угроз налоговой безопасности (сценарии их преодоления);

основы формирования государственной политики в налоговой сфере.

Стратегия должна сопровождаться программой (либо подпрограммой в рамках программы «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков») обеспечения налоговой безопасности, закрепляющей:

конкретные направления деятельности субъектов публичного управления по устранению или смягчению воздействия факторов, угрожающих налоговой безопасности и подрывающих устойчивость системы ее обеспечения;

мероприятия по обеспечению налоговой безопасности и сроки их реализации;

индикаторы состояния каждой угрозы и эффективности мер по их минимизации с количественными показателями пороговых значений.

Таким образом, роль стратегии в обеспечении налоговой безопасности государства состоит в том, что она призвана постулировать национальные интересы в налоговой сфере, угрозы налоговой безопасности и сценарии их преодоления с участием различных органов публичного управления. Значение государственной программы и иных документов прогнозирования — в фиксации конкретных функций и мероприятий по обеспечению налоговой безопасности, сроков реализации последних, индикаторов состояния каждой угрозы на момент начала и окончания действия программы.

Указанные документы сами по себе, безусловно, не являются достаточными для эффективного обеспечения налоговой безопасности, необходим четкий механизм их реализации в правовых актах и публичной управленческой деятельности в целом.

Библиографический список

1. *Редкоус В.М.* Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах — участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 47 с.

2. *Чапчиков С.Ю.* Теоретико-правовые аспекты защиты экономической безопасности Российской Федерации как функции государства: автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

3. *Цвилий-Букланова А.А.* Налоговый контроль в системе обеспечения налоговой безопасности государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 32 с.

4. *Кононов Л.А.* Роль официальных документов: концепций, доктрин и стратегий в политическом управлении Российской Федерации // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 55–66.

5. *Максимов С.Н.* Административно-правовое обеспечение экономической безопасности в Российской Федерации: концептуальные и методологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 298 с.

6. *Гордиенко В.В.* Безопасность России в условиях глобализации: Криминологические и социально-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 61 с.

7. *Осипов В.А.* Механизм правовой безопасности в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 22 с.

8. *Чернигова Н.К.* Правовое обеспечение внутренней безопасности страны в современных условиях: на опыте Соединенных Штатов Америки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

9. *Колокольцев В.А.* Обеспечение государственных интересов России в контексте концепции национальной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 53 с.

10. *Кардашова И.Б.* МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 57 с.

11. *Халиуллин Р.Г.* Структурно-функциональный анализ экономической безопасности России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 26 с.

12. *Сойников М.А.* Разработка и реализация государственной стратегии экономической безопасности России: теоретические аспекты: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 23 с.

13. *Рыжак Н.И.* Правовое регулирование деятельности спецслужб в системе обеспечения национальной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 41 с.

14. *Болотин В.С., Носовский А.Г.* Современная модель административно-правового регулирования обеспечения безопасности в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4(34). С. 83–89.

15. *Гончаров В.В.* Экономическая безопасность Российского государства как перспективный приоритетный национальный проект // Российский следователь. 2010. № 8. С. 25–29.

16. *Погодина И.В.* Правовое обеспечение экономической безопасности Российской Федерации: учебное пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. 96 с.

17. *Бутылин Д.В.* Проблемы обеспечения налоговой безопасности // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. С. 224–227.

18. *Тропин С.А.* Государственное управление в правоохранительной сфере в механизме обеспечения экономической безопасности России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. 47 с.

19. *Хабриева Т.Я.* Правовые проблемы финансовой безопасности России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 48–54.

References

1. *Redkous V.M.* Administrative and Legal Provision of National Security in the Member States of the Commonwealth of Independent States: extended abstract. dis. ... doct. of law. Moscow, 2011. 47 p.

2. *Chapchikov S.Yu.* Theoretical and Legal Aspects of the Protection of the Economic Security of the Russian Federation as a Function of the State: extended abstract. dis. ... cand. of law. Moscow, 2006. 26 p.

3. *Tsviliy-Buklanova A.A.* Tax Control in the System of Ensuring the Tax Security of the State: extended abstract. dis. ... cand. of law. Chelyabinsk, 2011. 32 p.

4. *Kononov L.A.* The Role of Official Documents: Concepts, Doctrines and Strategies in the Political Management of the Russian Federation // Law and modern states. 2017. No. 2. P. 55–66.

5. *Maksimov S.N.* Administrative and Legal Provision of Economic Security in the Russian Federation: Conceptual and Methodological Aspects: dis. ... doct. of law. Moscow, 2014. 298 p.

6. *Gordienko V.V.* Russia's Security in the Context of Globalization: Criminological and Socio-Legal Problems: extended abstract. dis. ... doct. of law. Moscow, 2005. 61 p.

7. *Osipov V.A.* The Mechanism of Legal Security in Modern Society: extended abstract. dis. ... cand. of law. Moscow, 2009. 22 p.

8. *Chernigova N.K.* Legal Provision of Internal Security of the Country in Modern Conditions: on the Experience of the United States of America: extended abstract. dis. ... cand. of law. Moscow, 2007. 28 p.

9. *Kolokoltsev V.A.* Ensuring the State Interests of Russia in the Context of the Concept of National Security: extended abstract. dis. ... doct. of law. St. Petersburg, 2005. 53 p.

10. *Kardashova I.B.* The Ministry of Internal Affairs of Russia in the System of Ensuring National Security of the Russian Federation: extended abstract. dis. ... doct. of law. Moscow, 2006. 57 p.

11. *Khaliullin R.G.* Structural and Functional Analysis of Russia's Economic Security: extended abstract. dis. ... cand. of law. Nizhny Novgorod, 2008. 26 p.

12. *Soynikov M.A.* Development and Implementation of the State Strategy of Economic Security of Russia : theoretical aspects: extended abstract. dis. ... cand. of economics. Moscow, 2008. 23 p.

13. *Ryzhak N.I.* Legal Regulation of the Activities of Special Services in the System of Ensuring National Security: extended abstract. dis. ... doct. of law. Moscow, 2000. 41 p.

14. *Bolotin V.S., Nosovsky A.G.* Modern Model of Administrative and Legal Regulation of Security in the Russian Federation // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2014. No. 4(34). P. 83–89.

15. *Goncharov V.V.* Economic Security of the Russian State as a Promising Priority National Project // Russian investigator. 2010. No. 8. P. 25–29.

16. *Pogodina I.V.* Legal Support of Economic Security of the Russian Federation: textbook. Vladimir: Publishing House of VlSU, 2015. 96 p.

17. *Butylin D.V.* Problems of Ensuring Tax Security // Bulletin of South-Urals State University. 2006. No. 13. P. 224–227.

18. *Tropin S.A.* Public Administration in the Law Enforcement Sphere in the Mechanism of Ensuring Economic Security of Russia: extended abstract. dis. ... doct. of law. Ryazan, 2004. 47 p.

19. *Khabrieva T.Ya.* Legal Problems of Financial Security of Russia // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2016. No. 10. P. 48–54.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-200-207
УДК 347.73

А.Ю. Сафонов

ОЦЕНКА НАЛОГОВЫХ РАСХОДОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Введение: *рассмотрено нормативно-правовое регулирование в сфере оценки налоговых расходов, выявлены исключительные полномочия субъектов РФ и органов местного самоуправления, реализуемые в процессе нормотворчества и непосредственной оценки налоговых расходов.* ***Цель:*** *рассмотреть правовое регулирование, регламентирующего процесс оценки налоговых расходов на федеральном и региональном уровнях, а также проанализировать полномочия, реализуемые в процессе оценке исполнительными органами субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.* ***Методологическая основа:*** *анализ действующего нормативно-правового регулирования в указанной сфере, совокупность формально-логического, формально-юридического и сравнительно-правового методов.* ***Результаты:*** *рассмотрено нормативно-правовое регулирование в сфере оценки налоговых расходов, выявлены исключительные полномочия субъектов РФ и органов местного самоуправления, реализуемые в процессе нормотворчества и непосредственной оценки налоговых расходов.* ***Выводы:*** *субъектами РФ может быть установлен широкий перечень преференций для отдельных категорий плательщиков, но в пределах, определенных федеральным законодательством. Нормативными актами Правительства РФ установлен общий порядок оценки налоговых расходов, при этом отдельные положения могут быть конкретизированы органами субъектов РФ и местного самоуправления.*

Ключевые слова: *налоговые расходы, оценка налоговых расходов, налоговые льготы, полномочия субъектов, расходы государства.*

A.Yu. Safonov

ASSESSMENT OF TAX EXPENDITURES OF REGIONAL AND LOCAL BUDGETS: LEGAL REGULATION AND PRACTICE OF ITS IMPLEMENTATION

Background: *the normative-legal regulation in the sphere of tax expenses estimation was considered, the exclusive powers of the subjects of the Russian Federation and local authorities, realized in the process of rulemaking and direct estimation of tax expenses, were revealed.* ***Objective:*** *to consider the legal regulation regulating the process of assessment of tax expenditures at the federal and regional levels, as well as to analyze the powers exercised in the process of assessment by the executive authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government.* ***Methodology:*** *analysis*

© Сафонов Андрей Юрьевич, 2022
Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: andrey48_2011@mail.ru
© Safonov Andrey Yurievich, 2022
Postgraduate student of the of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

of the current legal regulation in this area, a set of formal-logical, formal-legal and comparative-legal methods. ***Results:*** *the normative-legal regulation in the sphere of tax expenses estimation was considered, the exclusive powers of the subjects of the Russian Federation and local authorities, realized in the process of rulemaking and direct estimation of tax expenses, were revealed.* ***Conclusions:*** *subjects of the Russian Federation may establish a broad list of preferences for certain categories of taxpayers, but within the limits determined by the federal legislation. Regulatory acts of the Government of the Russian Federation establish a general procedure for assessing tax expenditures, while individual provisions may be specified by bodies of constituent entities of the Russian Federation and local government.*

Key-words: *tax expenditures, assessment of tax expenditures, tax benefits, powers of subjects, state expenditures.*

В данной статье рассматривается действующее нормативное регулирование относительно порядка оценки на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований с описанием успешных практик применения концепции.

В этой связи актуальной научной задачей является разработка рекомендаций по формированию нормативной базы института налоговых расходов, закрепления соответствующих полномочий по ведению учета налоговых расходов и оценки их эффективности и результативности. Особенно актуальна эта задача применительно к региональным и местным бюджетам, формируя основу для распределения дотаций и иных мер федеральной поддержки исходя из эффективности/неэффективности преференциальной политики субъекта РФ или муниципального образования.

Нормативными положениями предусмотрено, что оценка налоговых расходов, установленных законами субъектов РФ осуществляется исполнительными органами власти. Процесс оценки налоговых расходов субъектов РФ, расходов регламентирован правилами, разработанными исполнительными органами власти субъектов РФ и муниципальных образований.

Постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» устанавливает общий порядок и критерии проведения оценки налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, определяет виды налоговых расходов, а также методологию проведения оценки налоговых расходов в субъектах РФ и муниципальных образованиях, позволяющий исполнительным органам проводить оценку налоговых расходов соответствующего субъекта или муниципального образования.

Субъекты Российской Федерации в то же время обладают широкими полномочиями по установлению налоговых преференций. Согласно п. «и» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ к вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относится установление общих принципов налогообложения в Российской Федерации. Налоговый Кодекс РФ в абз. 3 ч. 3 ст. 12 закрепляет положение о том, что законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации могут быть установлены особенности при определении налоговой базы, разработаны преференциальные положения для определенных категорий населения по региональным налогам и сборам.

В соответствии с ч. 2. ст. 361 Налогового Кодекса РФ налоговые ставки по транспортному могут быть уменьшены региональными органами власти путем принятия соответствующих нормативных положений не более чем в десять раз. В соответствии со ст. 356 НК РФ при установлении транспортного налога законами субъектов Российской Федерации быть приняты иные налоговые льготы и основания их применения. Особенности определения налоговой базы также могут быть предусмотрены при установлении налога на имущество организаций законами субъектов РФ в соответствии с ч. 2 ст. 372 НК РФ[1].

В Российской Федерации существует практический опыт создания особых экономических зон (ОЭЗ), преследующих цели привлечения инвестиций иностранных и местных компаний, развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, совершенствования технологической обеспеченности, развития инноваций. Для реализации данных целей субъектами РФ издаются нормативные акты, в соответствии с которыми отменяются местные налоги, вместо которых установлен ежегодный сбор, устанавливаются особые ставки по региональным налогам, а федеральные уменьшены до разрешенного законом минимума. К примеру, в данных зонах действует особый режим налогообложения в размере 2% в части федерального налога на основании ст. 284 НК РФ, за исключением туристических и технических зон, для которых установлена нулевая ставка. К подобным актам относится Закон Липецкой области от 18 августа 2006 г. № 316-ОЗ «Об особых экономических зонах регионального уровня». В ст. 10 приведен перечень мер региональной поддержки организаций, расположенных на данных территориях. К подобным мерам отнесены пониженные налоговые ставки по налогу на прибыль организаций, в части зачисляемой в бюджет субъекта, налоговые льготы по налогу на имущество организаций, транспортному налогу[2]. Указанные меры конкретизируются в законах об установлении региональных налогов. Законом Липецкой области от 25 ноября 2002 г. № 20-ОЗ «О транспортном налоге Липецкой области» предусмотрено освобождение от уплаты транспортного налога организациям-резидентам особой экономической зоны на транспортные средства в течение 10 лет с момента их регистрации.

В соответствии с Законом Московской области от 24 ноября 2004 г. «О льготном налогообложении в Московской области» (в ред. от 27 декабря 2017 г.) предусмотрено освобождение для организаций-резидентов особой экономической зоны в части уплаты транспортного налога в течении пяти лет с момента их регистрации. По налогу на прибыль организаций установлена прогрессивная ставка в зависимости от даты начала осуществления деятельности: нулевая ставка в течении первых восьми лет, 5% с 2009 по 2014 гг., 13,5% после 14 лет осуществления деятельности[3].

---

[1] См.: Налоговый Кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.02.2022).

[2] См.: Закон Липецкой области от 18 августа 2006 г. № 316-ОЗ «Об особых экономических зонах регионального уровня» // Липецкая газета. 2006. № 165.

[3] См.: Закон Московской области от 24 ноября 2004 года «О льготном налогообложении в Московской области» (в ред. от 27 декабря 2017 г.) // Вестник Московской областной Думы. 2004. № 12. Ежедневные новости. Подмосковье. 2018. № 8.

Органы местного самоуправления также наделены правом установления налоговых льгот в отношении местных налогов. По земельному налогу в соответствии со ст. 394 НК РФ налоговые ставки устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований. По налогу на имущество физических лиц в соответствии с ч. 2 ст. 399 НК РФ также муниципальные образования определяют налоговые ставки в пределах, установленных Налоговым Кодексом.

Таким образом, субъектами РФ может быть установлен широкий перечень преференций для отдельных категорий плательщиков, но в пределах определенных федеральным законодательством.

Оценка налоговых расходов является многосложным процессом с большим количеством участников в виде государственных органов. В процессе реализации полномочий по оценке налоговых расходов субъекты РФ принимают нормативные акты с установленным порядком осуществления оценки и основными принципами отнесения преференций к налоговым расходам. Также Правительством РФ разрабатываются методические рекомендации, устанавливающие общие критерии и разъясняющие установленный порядок оценки. Рекомендации также необходимы для единообразного подхода к определению основных характеристик налоговых расходов субъектами РФ.

Процесс оценки налоговых расходов состоит из следующих этапов:

определение перечня налоговых расходов;

распределение налоговых расходов по государственным программам;

проведение оценки объема предоставленных преференций;

проведение оценки эффективности налоговых расходов;

формирование отчета о проведенной оценке с выводами о необходимости сохранения предоставленных преференций либо их отмене.

Согласно п. 3 Постановления Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» в целях утверждения определенного порядка проведения оценки налоговых расходов субъекта Российской Федерации (муниципального образования) высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации (органы местного самоуправления) принимают нормативные акты, определяющие механизм формирования перечня налоговых расходов субъекта Российской Федерации, порядок проведения оценки и обобщения ее результатов[1].

К таким актам относятся: Постановление Администрации Липецкой области от 7 октября 2019 г. № 430 «Об утверждении порядков формирования перечня налоговых расходов Липецкой области и оценки налоговых расходов Липецкой области»[2], Постановление Правительства Москвы от 21 января 2020 г. № 26-ПП «Об утверждении Порядка формирования перечня и оценки налоговых расходов города Москвы»[3], Постановление Правительства Саратовской области от 15

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 26, ст. 3450.

[2] См.: Постановление Администрации Липецкой области от 7 октября 2019 г. № 430 «Об утверждении порядков формирования перечня налоговых расходов Липецкой области и оценки налоговых расходов Липецкой области» // Липецкая газета. 2019. № 203.

[3] См.: Постановление Правительства Москвы от 21 января 2020 г. № 26-ПП «Об утверждении Порядка формирования перечня и оценки налоговых расходов города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 5.

ноября 2019 г. № 789-П «Об утверждении Положения о порядке осуществления оценки налоговых расходов Саратовской области»[1], Постановление Правительства Новгородской области от 25 мая 2020 г. № 220 «Об утверждении Порядка оценки налоговых расходов Новгородской области»[2].

Письмом Министерства Финансов РФ от 12 июля 2017 г. № 23-05-07/44458 представлены рекомендации по оценке налоговых расходов в субъектах РФ, которые содержат предложения по разработке нормативно-правовых актов, субъекта РФ. В соответствии с данными рекомендациями типовая структура нормативно-правового акта включает следующие разделы: общие положения, порядок оценки эффективности налоговых расходов, методику проведения оценки и формирование отчетности[3].

Раздел «Общие положения» включает понятийный аппарат нормативного акта, распределение полномочий по уполномоченным органам субъекта Российской Федерации, ответственных за формирование перечня налоговых расходов, за проведение непосредственной оценки и за обобщение результатов оценки эффективности налоговых расходов.

Раздел «Порядок оценки эффективности налоговых расходов» устанавливает последовательность и сроки проведения отдельных мероприятий необходимых для проведения оценки, к которым относятся мероприятия по анализу данных о предоставленных преференциях за отчетный период, направление данных курирующим органам, проведение оценки и формирование отчетности, направление результатов проведенной оценки для обобщения результатов, предоставление предложений по отдельным налоговым расходам о сохранении либо отмене преференции.

Раздел «Методика проведения оценки налоговых расходов» устанавливает критерии проведения оценки, то есть те показатели, по которым производится анализ эффективности налогового расхода, а также порог, при котором налоговый расход будет признан неэффективным.

Итоговый раздел «Результаты оценки эффективности налоговых расходов» закрепляет форму представления результатов проведенной оценки эффективности налоговых и неналоговых расходов по итогам определения качественных и расчетных критериев оценки эффективности налоговых и неналоговых расходов.

Первоначальным этапом в процессе оценки налоговых расходов выступает процесс формирования перечня налоговых расходов. Управления Федеральной налоговой службы по субъектам Российской Федерации ежегодно направляют информацию о предоставленных налоговых расходах, установленных субъектами РФ, с указанием их объема и количества лиц ими воспользовавшихся в уполномоченный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Ответственный за формирование перечня налоговых расходов орган исполнитель-

---

[1] См.: Постановление Правительства Саратовской области от 15 ноября 2019 г. № 789-П «Об утверждении Положения о порядке осуществления оценки налоговых расходов Саратовской области» // Собр. законодательства Саратовской области. 2019. № 14, ст. 2403.

[2] См.: Постановление Правительства Новгородской области от 25 мая 2020 г. № 220 «Об утверждении Порядка оценки налоговых расходов Новгородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.12.2021).

[3] См.: Письмо Министерства Финансов РФ от 12 июля 2017 г. № 23-05-07/44458 // Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=119015-pismo_minfina_rossii_ot_12.07.2017__23-05-0744458_finansovym_organam_subektov_rossiiskoi federatsii_po_voprosu_otsenki_effektivnosti_nalogovykh_lgot_i_preferentsii_byudzhetov (дата обращения: 17.12.2021).

ной власти субъекта РФ определяется высшим исполнительным органом самостоятельно. Так, в Новгородской, Саратовской областях перечень формируется Министерством финансов, в Липецкой области перечень формируется совместно Министерством финансов с Управлением экономического развития, в столице РФ перечень налоговых расходов на очередной формируется Департаментом экономической политики и развития города Москвы. На основании перечня определяются кураторы налоговых расходов. Основываясь на данных полученных из налоговых органов уполномоченные органы по формированию перечня передают кураторам налоговых расходов субъектов РФ, которые проводят оценку в соответствии с правилами, утвержденными местной администрацией. Критерии оценки аналогичны с теми, что приняты на федеральном уровне и закреплены в Постановлении Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. № 439. Региональные органы исполнительной власти вправе установить дополнительные критерии оценки, так как их перечень не является закрытым.

Федеральная налоговая служба в определенные постановлением сроки направляет в Министерство финансов аналогичную информацию о предоставленных налоговых расходах, установленных субъектами РФ, с указанием их объема и количества лиц ими воспользовавшихся. Ответственный за формирование перечня налоговых расходов орган исполнительной власти субъекта РФ направляет указанную информацию согласно сформированному перечню налоговых расходов, после чего Министерство финансов Российской Федерации осуществляет сверку предоставленной информации на предмет соответствия данных, представленных исполнительными органами субъекта и ФНС. Сверка информации о налоговых расходах субъекта РФ осуществляется по критериям соответствия целевым характеристикам и соответствия принадлежности налоговых расходов субъекта Российской Федерации, его полномочиям. Сроки предоставления информации и итоговой отчетности по налоговой расходам, установленные постановлениями Правительства РФ, связаны с бюджетным процессом РФ и обязательных к соблюдению, поскольку указанная информация учитывается при формировании расходной части бюджета РФ для поддержи отдельных регионов.

Таким образом, вопрос о круге полномочий субъектов РФ по установлению собственных налоговых расходов является открытым. Процедура сверки налоговых расходов субъектов РФ с данными ФНС может привести к ограниченному толкованию понятия налоговых расходов и пониманию их в качестве налоговых льгот.

В части исключительных полномочий субъектов РФ при проведении оценки из анализа нормативных актов, принятых субъектами РФ следует, что региональные органы власти в своих нормативных актах могут устанавливать собственные положения о периоде проведения оценки налоговых расходов, но в рамках временного периода, установленного в постановлении Правительства РФ. К примеру, в Новгородской области кураторы налоговых расходов до 25 июля текущего финансового года направляют в министерство финансов Новгородской области результаты оценки эффективности налоговых расходов за отчетный год, в Липецкой области кураторы проводят оценку до 20 мая, в Санкт-Петербурге до 22 мая.

Субъекты РФ также самостоятельно принимают решение в части необходимости составления паспортов налоговых расходов. Согласно принятым постановлениям кураторы налоговых расходов составляют паспорта расходов в

г. Санкт-Петербург, в Ленинградской области, в Тверской области. При этом в Москве, Московской, Липецкой, Саратовской, Новгородской и других областях данная обязанность не регламентирована.

Субъекты РФ самостоятельно выбирают принцип оценки налоговых расходов. Существует 2 подхода к оценке налоговых расходов в виде единого порядка оценки для всех налоговых расходов и отдельных методик оценки по каждому налоговому расходу. Большинство субъектов использует единый подход, однако, к примеру, Постановлением Правительства Московской области от 15 октября 2019 г. № 719/36 регламентирован порядок оценки отдельно для каждой преференции, разделяется порядок оценки результативности льгот по транспортному налогу, льгот, предоставляемых организациям, применяющим труд инвалидов и лиц, получающих пенсию по старости, льгот, предоставляемых участникам региональных инвестиционных проектов и других, что безусловно свидетельствует об эффективном подходе к оценке[1].

Субъекты РФ вправе самостоятельно определить в нормативно-правовых актах необходимость размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет результатов оценки налоговых расходов для обеспечения принципа финансовой прозрачности. В Постановлении Администрации Липецкой области от 7 октября 2019 г. № 430 «Об утверждении порядков формирования перечня налоговых расходов Липецкой области и оценки налоговых расходов Липецкой области» установлена обязанность Управления экономического развития по публикации перечня налоговых расходов. Министерство финансов Новгородской области ежегодно до 10 сентября публикует сведения о результатах оценки налоговых расходов, при этом в г. Санкт-Петербург данная обязанность не закреплена[2].

Как правило при отсутствии необходимых данных в налоговой отчетности по объемам использованных преференций, налоговый расход признается неэффективным, при этом субъекты РФ вправе установить порядок оценки данных преференций, их вклад в изменение значения показателя, такой порядок установлен в г. Санкт-Петербург.

Органы местного самоуправления также наделены полномочиями по проведению оценки налоговых расходов, установленных нормативными актами представительных органов власти местного самоуправления. Налоговый Кодекс РФ в абз. 7 ч. 4 ст. 12 закрепляет положение о том, что представительными органами муниципальных образований (законодательными (представительными) органами государственной власти городов федерального значения Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) в определенных пределах могут быть установлены налоговые льготы, особенности определения налоговой базы и иные преференции.

Местными налогами являются налог на имущество физических лиц, земельный налог и торговый сбор. Основной перечень категорий граждан и юридических лиц, которым предоставляются льготы по земельному налогу закреплен

[1] См.: Постановление Правительства Москвы от 21 января 2020 г. № 26-ПП «Об утверждении Порядка формирования перечня и оценки налоговых расходов города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 5.

[2] См.: Постановление Администрации Липецкой области от 7 октября 2019 г. № 430 «Об утверждении порядков формирования перечня налоговых расходов Липецкой области и оценки налоговых расходов Липецкой области» // Липецкая газета. 2019. № 203.

в ст. 395 НК РФ. Местные органы власти могут определить дополнительные категории лиц, имеющих право воспользоваться налоговой льготой.

Субъекты РФ в соответствии с п. 7 Общих требований оценки налоговых расходов направляют разъяснения органам местного самоуправления по вопросам оценки эффективности налоговых расходов для единообразного подходу к ее проведению[1]. Муниципальные образования также в установленном порядке принимают нормативные акты по оценке налоговых расходов, круг полномочий местных органов власти аналогичен полномочиям субъектов РФ. Помимо вышеуказанных полномочий субъектов РФ муниципальные образования вправе принять нормативный акт, регулирующий порядок проведения оценки налоговых расходов на уровне муниципального района, а не на уровне городских и сельских поселений. Такой порядок оценки реализован в Добринском, Данковском муниципальных образованиях Липецкой области; в Чудовском муниципальном районе Новгородской области реализован порядок оценки на уровне городских и сельских поселений. Еще одним отличием от порядка оценки налоговых расходов субъектов РФ является обязанность направления ее результатов в федеральные и региональные органы власти, в связи с чем можно сделать вывод, что органы местного самоуправления проводят оценку для собственного понимания в части эффективного использования косвенных инструментов налогового стимулирования.

Таким образом, правила оценки, закрепленные Постановлением Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» регламентируют общий обязательный порядок оценки налоговых расходов. Субъекты РФ и муниципальные образования наделены узким кругом полномочий, находящихся в самостоятельном ведении. В ходе анализа были выявлены особенности в части оценки неиспользуемых преференций, публикации перечня и результатов оценки в открытом доступе, особенности в части выбора подхода к оценке, необходимости составления паспортов налоговых расходов, и периода проведения оценки.

Подводя итог, можно сделать вывод, что нормативно-правовое регулирование направлено в большей части на закрепление механизма определения перечня налоговых расходов и их оценки, при этом роль налоговых расходов в бюджетном процессе не определена в полной мере, также в процессе оценки не регламентировано участие представительных органов власти. В вопросе федеративного разграничения полномочий, федеральными органами власти устанавливается общий порядок оценки налоговых расходов, субъектами РФ могут быть предусмотрены особенности касаемо сроков формирования отчетности и установления дополнительных критериев оценки.

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 26, ст. 3450.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-208-213
УДК 347.73

О.В. Содель

ПОЛНОМОЧИЯ БАНКА РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ И КРИПТОВАЛЮТЫ

Введение: *актуальность выбранной темы исследования объясняется обсуждением в российском научном и экспертном сообществе роли Центрального банка РФ при осуществлении регуляторных процедур в области цифровых финансовых активов, а также дискуссии о статусе криптовалют: их законодательном запрете либо регулировании. При этом в настоящее время нет единого нормативно-правового подхода к регулированию обращения частных криптовалют.* ***Цель:*** *предметом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу нормативно-правового регулирования цифровых финансовых активов и криптовалюты.* ***Методологическая основа:*** *формально-логический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования были использованы при анализе основных подходов к классификации полномочий Банка России в области цифровых финансовых активов.* ***Результаты:*** *дан краткий анализ нормативных и программных актов Банка России, касающихся вопросов использования криптовалюты в гражданском обороте.* ***Выводы:*** *в статье предложен авторский подход к классификации полномочий Центрального банка РФ в области обращения цифровых финансовых активов.*

Ключевые слова: *Банк России, цифровые финансовые активы, финансовый рынок, криптовалюта, цифровизация, транзакция, цифровая валюта, полномочия.*

O.V. Sodel

POWERS OF THE BANK OF RUSSIA IN THE CIRCULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND CRYPTOCURRENCY

Background: *the relevance of the chosen research topic is explained by the discussion in the Russian scientific and expert community of the role of the Central Bank of the Russian Federation in the implementation of regulatory procedures in the field of digital financial assets, as well as the discussion about the status of cryptocurrencies: their legal prohibition or regulation. At the same time, there is currently no unified regulatory approach to the regulation of private cryptocurrencies.* ***Objective:*** *the subject of the study are the social relations arising from the regulatory and legal regulation of digital financial assets and cryptocurrency.* ***Methodology:*** *formal-logical, comparative-legal and formal-legal methods of research were used to analyze the main approaches to the classification of the powers of the Bank of Russia in the field of digital financial assets. Results: a brief analysis of regulatory and policy acts of the Bank of Russia concerning the use of cryptocurrency in civil circulation is given.* ***Conclusions:*** *the article offers the*

© Содель Олег Викторович, 2022
Соискатель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: o-novikov@yandex.ru
© Sodel Oleg Viktorovich, 2022
Applicant degree, Department of Financial, Banking and Customs Law named after Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

author's approach to the classification of the powers of the Central Bank of the Russian Federation in the field of circulation of digital financial assets.

Key-words: *Bank of Russia, digital financial assets, financial market, cryptocurrency, digitalization, transaction, digital currency, authority.*

В эпоху цифровизации и поступательного движения к внедрению в оборот цифровых финансовых активов, а также набирающих популярность криптовалют, все острее встают вопросы о роли Центрального банка РФ при осуществлении регуляторных процедур и достаточности инструментов регулятора в указанной сфере. Исходя из анализа нормативно-правовой базы, можно сделать вывод о том, что полномочия в сфере обращения цифровых финансовых активов (далее — ЦФА) являются одним из элементов финансово-правового статуса Центрального банка РФ.

Законодательная база, устанавливающая полномочия Банка России в области цифровых финансовых активов, состоит из Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Вместе с тем важную роль играют принятые Банком России нормативные акты: Положение от 16 декабря 2020 г. №746-П, Указание от 19 ноября 2020 г. № 5625-У, Указание от 3 декабря 2020 г. № 5646-У[1].

Безусловно, по мере развития ЦФА будут корректироваться и полномочия Центрального банка РФ как основного регулятора данной сферы общественных отношений. Тем не менее уже сейчас возможно провести классификацию его соответствующих полномочий.

В финансово-правовой науке можно встретить деление полномочий Банка России в сфере обращения ЦФА на регулятивные и контрольно-надзорные [1, с. 187]. Регулятивные полномочия в области цифровых финансовых активов касаются различных видов отношений, связанных с их выпуском, обращением, контрольно-надзорной деятельностью [1, с. 188]. К области контрольно-надзорной деятельности относятся полномочия, связанные с порядком ведения реестров, установлением требований к операторам информационных систем, изменением порядка согласования правил информационной системы, применением императивных требований (выдачей предписаний) Банком России.

Соглашаясь с обозначенной точкой зрения, представляется возможным в свою очередь предложить классификацию указанных полномочий по двум различным основаниям: в зависимости от субъектов, к которым они обращены, и от содержания полномочий.

В зависимости от субъектов, к которым они обращены, полномочия Банка России в области ЦФА предлагается подразделить на направленные в отношении:

лиц, выпускающих (выпустивших) ЦФА и их должностных лиц;

операторов информационных систем, в которых осуществлен выпуск ЦФА, и их должностных лиц (в информационной системе одновременно могут быть выпущены как ЦФА, так и иные цифровые права);

[1] См.: Банк России // Официальный сайт. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/117547/746p.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

операторов инвестиционной платформы и их должностных лиц (при этом оператором информационной системы и оператором инвестиционной платформы может быть одно и то же лицо, в том случае, когда владелец информационной системы решит создать в ней свою информационную платформу и на ней осуществить выпуск ЦФА, либо различные лица, в том случае, когда инвестиционная платформа находится в информационной системе, принадлежащей другому лицу);

операторов обмена ЦФА и их должностных лиц (закон предусматривает случаи, когда оператором обмена ЦФА могут быть одновременно, как операторы информационных систем, в которых осуществлен выпуск ЦФА, операторы инвестиционных платформ, так и иные лица, внесенные в соответствующий реестр операторов обмена ЦФА);

бенефициарных владельцев ЦФА;

инвесторов ЦФА (квалифицированных и неквалифицированных).

Полномочия Банка России в области обращения ЦФА в зависимости от их содержания можно подразделить на следующие: регулятивные (нормативно-правовое и экономическое регулирование); контрольно-надзорные (функция контроля, надзора); мониторинговые (отслеживание финансовой устойчивости операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, а также операторов обмена ЦФА); экспериментальные (по введению экспериментальных правовых режимов в сфере инноваций на финансовом рынке).

Следует отметить, что предложенные классификации полномочий Банка России в области обращения ЦФА не являются исчерпывающими как по самим основаниям (поскольку могут быть предложены и другие основания для соответствующих классификаций), так и внутри предложенных классификаций. В частности, отношения в области обращения ЦФА только формируются, и внутри указанных отношений могут появляться иные субъекты либо существующие субъекты могут наделяться дополнительным правовым статусом. Также может расширяться либо сужаться и содержание самих полномочий Банка России, с помощью которых он может осуществлять и иные дополнительные функции, помимо ранее указанных.

Некоторые представители научного сообщества, понимая цифровые финансовые активы в широком смысле и включая в них криптоввалюту, предлагают закрепить за Банком России следующие полномочия: «квалифицировать цифровые валюты в порядке, установленном Банком России, и определять их виды; устанавливать порядок осуществления операций с цифровыми валютами; устанавливать требования к субъектам, эмитирующим цифровые валюты и организующим их обращение» [2, с. 49]. Существует мнение, что организационных мер, принимаемых Центральным банком РФ для обеспечения комплексного развития индустрии, недостаточно, поскольку рынок альтернативных финансов, представленный криптовалютами, используемыми как для инвестирования, так и для расчетов, является одним из сегментов международного рынка финансовых технологий. При этом обобщая зарубежный опыт по регулированию рынка криптовалют и выпуску рядом стран национальных цифровых валют и фиатных криптовалют, некоторые авторы, в том числе и со ссылкой на Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» Центрального банка Российской Федерации, делают вывод о том, что власти в России заинтересованы в выпуске «крипторубля» [2, с. 49].

Однако в настоящее время делать вывод о том, что власти России заинтересованы в выпуске «крипторубля» как прямого средства расчетов, без финансовых посредников по типу модели B, представляется преждевременным, так как в настоящее время одобрена и с 2022 года начнет тестироваться концепция цифрового рубля по типу модели D. Модель B, при которой Банк России взял бы на себя функцию клиентского обслуживания, включая ведение клиентских счетов и расчетно-кассовое обслуживание, была отвергнута Банком России, поскольку по сути эта модель формирует одноуровневую финансовую систему[1].

При этом в рамках реализации имеющихся полномочий, представленных Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», Банку России следует более активно использовать и внедрять в реальную жизнь экспериментальные правовые режимы на финансовом рынке в целях активного роста финансовых технологий в экономике России. Отмечая недостаточную активность Банка России на данном направлении, К.Б. Раздорожный предлагает создать под руководством Центрального банка РФ «специальный кластер финансовых технологий», основой которого мог бы стать научно-технический инновационный комплекс «Сколково». Видится правильной позиция, согласно которой в рамках полномочий по введению экспериментальных правовых режимов Банку России было бы целесообразно начать прорабатывать и пилотировать по типу одноуровневой розничной B-модели платформу цифровой фиатной криптовалюты — «крипторубля» на основе технологии распределенного реестра. В этих целях в Проект Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 гг. Банка России следовало бы внести изменения, отразив указанное направление и начать составлять перечень мероприятий дорожной карты одновременно с разработкой дорожной карты цифрового рубля по типу D-модели. Одновременная разработка указанных направлений позволит на практике, в реальных условиях экспериментальных правовых режимов финансового рынка понять преимущества и недостатки модели, и в будущем, на основе их анализа, выработать либо оптимальный режим их совокупного использования, либо соединить их в одну, но более совершенную модель.

Однако исходя из вышедшего в январе 2022 г. Доклада для общественных консультаций «Криптовалюты: тренды, риски, меры»[2], Центральный банк РФ предлагает ограничить операции с криптовалютами в России.

Так, Банк России предлагает:

ввести меры ответственности за факты нарушения запрета на использование криптовалюты в качестве средства платежа резидентами Российской Федерации (физическими и юридическими лицами);

ввести запрет на организацию выпуска и собственно выпуск криптовалюты, а также запрет на организацию криптообменниками, криптобиржами, P2P-платформами и другими лицами обращения и обмена криптовалюты на территории Российской Федерации и установления ответственности за нарушение указанного запрета;

---

[1] См.: Концепция цифрового рубля // Центральный банк Российской Федерации. М., 2021. С. 8. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

[2] См.: Доклад для общественных консультаций: «Криптовалюты: тренды, риски, меры» // Центральный банк Российской Федерации. Москва, 2022. URL: cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 22.02.2022).

ввести запреты для всех финансовых организаций на собственные вложения в криптовалюты и в финансовые инструменты, связанные с ними; на осуществление функций финансовых посредников при осуществлении любых операций с криптовалютами и для способствования осуществления операций с ними (осуществление переводов и платежей с помощью криптовалют, их приобретение и отчуждение, оказание услуг по хранению и содействие принятию рисков через деривативы и другое).

При этом следует отметить, что в данном Докладе Центральным банком РФ сделана оговорка, что предметом в нем выступают необеспеченные криптовалюты и стейблкойны. Цифровые банковские валюты Центрального банка (ЦВЦБ) не входят в указанные предложения для запрета. Кроме того, Банком России указывается, что в октябре 2021 г. выпущенное в 2019 г. Руководство ФАТФ по рискориентированному подходу к виртуальным активам и деятельности провайдеров услуг в сфере виртуальных активов было обновлено. ФАТФ предложены два подхода: 1) регулирование деятельности с виртуальными активами (ВА) и деятельности провайдеров услуг в сфере виртуальных активов (ПУВА); 2) запрет/ограничение такой деятельности.

Очевидно, что Банком России выбран курс на второй подход запрета деятельности, о чем свидетельствуют указанные предложения и вопросы для консультаций.

Однако, как представляется, применять подход запрета обращения криптовалют в России — не выход из сложившейся ситуации. Достаточно проблематично будет правоохранительным органам наработать практику выявления нарушений таких запретов в случае их принятия на законодательном уровне. Более продуктивно и целесообразно следовать по первому предложенному ФАТФ пути регулирования деятельности с ВА и деятельности ПУВА, одновременно при этом разрабатывая, апробируя и осуществляя внедрение на практике не только проект ЦВЦБ — электронного рубля, но и проект центробанковской криптовалюты — крипторубля, на основании технологий распределенного реестра, без участия в схеме финансовых посредников, как это предложено в проекте электронного рубля.

В завершение хочется добавить, что несмотря на то, по какому направлению продолжат развиваться цифровые финансовые активы и криптовалюты в нашей стране, в данный момент полномочия Центрального банка РФ в этой области находятся в стадии становления и формирования. Процесс этот небыстрый, займет не один год, и для того, чтобы он завершился как можно быстрее, руководству, стоящему во главе финансового блока нашей страны, следует завершить формирование стратегии и приступить к ее реализации.

Библиографический список

1. *Беликов Е.Г.* Финансово-правовые аспекты выпуска и обращения цифровых финансовых активов // Научные труды по финансовому праву «Деньги: цифровая перезагрузка»: материалы восьмой Международной научно-теоретической конференции «Худяковские чтения по финансовому праву». Алматы: ТОО Налоговый эксперт, 2021. С. 185–191.

2. *Раздорожный К.Б.* Банк России как регулятор на рынке финансовых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 45–51.

References

1. *Belikov E.G.* Financial and Legal Aspects of the Issuance and Circulation of Digital Financial Assets. Collection of scientific papers on financial law "Money: Digital Reset". Materials of the eighth international scientific-theoretical conference "Khudyakov's readings on financial law". Almaty: Tax Expert LLP, 2021. P. 185–191.

2. *Razdorozhny K.B.* The Bank of Russia as a Regulator in the Financial Technology Market. Actual Problems of Russian Law, 2021, No. 3. P. 45–51.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-214-228
УДК 346.545

М.В. Васильева, А.Ю. Рожкова, А.С. Валевко

АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ КОМПЛАЕНС КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Введение: *необходима гармонизация применения правовых норм на основе сравнительно-правового анализа национальных механизмов противодействия недобросовестной конкуренции в Российской Федерации и Беларуси.* ***Цель:*** *конструирование механизма антимонопольного комплаенса и социально-ответственного поведения на основе норм корпоративных программ.* ***Методологическая основа:*** *установлена историческая и правовая преемственность публичных и частных компонентов. Применен междисциплинарный подход в отражении модели корпоративных программ института антимонопольного комплаенса, корпоративно-правового порядка по распределению обязательств, соблюдению стандарта конкурентного, антикоррупционного поведения и социальной ответственности, а также экономических аспектов, связанных с показателями концентрации.* ***Результаты:*** *проведен анализ взаимосвязи уровня социальной ответственности и добросовестности конкуренции, а также элементов социальной ответственности, реализуемых хозяйствующими субъектами в рамках бизнес проектов. Даны рекомендации по нормотворчеству программ антимонопольного комплаенса.* ***Выводы:*** *уточнена двойственность природы института антимонопольного комплаенса, межотраслевой правовой подход в проектировании корпоративных программ комплаенса. Показан механизм взаимных обязательств по противодействию недобросовестной конкуренции и антимонопольного комплаенса для выработки корпоративных программ на основе*

© Васильева Мария Владимировна, 2022
Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной безопасности и правозащитной деятельности (Псковский государственный университет); email: solndolina@yandex.ru
© Рожкова Анна Юрьевна, 2022
Кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, магистр юриспруденции (Псковский государственный университет); email: annroz80@yandex.ru
© Валевко Александра Сергеевна, 2022
Магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права и государственного управления (Полоцкий государственный университет); email: a.nuzhdina@psu.by

© Vasilyeva Maria Vladimirovna, 2022
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of National Security and Human Rights Activities (Pskov State University)
© Rozhkova Anna Yurievna, 2022
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Master of Jurisprudence (Pskov State University)
© Valevko Alexandra Sergeevna, 2022
Master of Law, Senior Lecturer, Department of Constitutional Law and Public Administration (Polotsk State University)

критериев и принципов социальной ответственности в преодолении недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: *институт «антимонопольный комплаенс», пределы института, корпоративные обязательства, принципы социально ответственного поведения, программа комплаенса.*

M.V. Vasilyeva, A.Yu. Rozhkova, A.S. Valevko

ANTITRUST COMPLIANCE AS A TOOL TO OVERCOME UNFAIR COMPETITION

Background: *it is necessary to harmonize the application of legal norms based on a comparative legal analysis of national mechanisms for countering unfair competition in the Russian Federation and Belarus.* ***Objective:*** *to construct a mechanism of antimonopoly compliance and socially responsible behavior based on the norms of corporate programs.* ***Methodology:*** *historical and legal continuity of public and private components has been established. An interdisciplinary approach was applied to reflect the model of corporate programs of the Institute of Antimonopoly compliance, the corporate legal order for the distribution of obligations, compliance with the standard of competitive, anti-corruption behavior and social responsibility, as well as economic aspects related to concentration indicators.* ***Results:*** *the analysis of the relationship between the level of social responsibility and the integrity of competition, as well as elements of social responsibility implemented by economic entities in the framework of business projects. Recommendations on the rule-making of antimonopoly compliance programs are given.* ***Conclusions:*** *the duality of the nature of the institute of antimonopoly compliance, the intersectoral legal approach in the design of corporate compliance programs is clarified. The mechanism of mutual obligations to counter unfair competition and antimonopoly compliance for the development of corporate programs based on criteria and principles of social responsibility in overcoming unfair competition is shown.*

Key-words: *antitrust compliance Institute, limits of the institute, corporate obligations, principles of socially responsible behavior, compliance program.*

Актуальность исследования обусловлена положениями правового толка и правовой преемственностью частного и публичного права в части баланса корпоративного подхода антимонопольного комплаенса по разработке программ и антимонопольного публичного регулирования как механизма преодоления недостаточного публично-правового регулирования, при доминировании контрольно-надзорных и административных мер для гармонизации правопреемственности союзных стран, России и Беларуси. Причиной разработок явилось то, что прежние правовые институты носят инерционный, ситуационный, догоняющий характер, где нет системности правового регулирования, завершения правового закрепления и алгоритмизации правового толкования цифровых институтов и инструментов по управлению конкурентными процессами хозяйствующих субъектов.

Институт «антимонопольный комплаенс» как наследие общего (прецедентного) права западного мышления, где в основе данного института заложено договорное наследие римского права и применение «мягкого права» [1, с. 1], и является одним из инструментов корпоративной модели управления, как внесудебный механизм снятия правовых рисков и споров. Институт носит диспозитивную

природу, доступную для любого участника на рынке в форме автономии правовых режимов, распределения антимонопольных обязательств.

В исследовании предусмотрен сравнительно-правовой подход применения национальных механизмов противодействию недобросовестной конкуренции Российской Федерации и Республики Беларусь. При установлении факта недобросовестной конкуренции результатом явится требование прекратить нарушение. Такое обязательство фиксируется или в судебном решении, или в предписании антимонопольного органа. Государствам-членам ЕАЭС и Республике Беларусь уместнее использовать опыт Российской Федерации в использовании двух правовых механизмов противодействия недобросовестной конкуренции: адвокатировании и применении антимонопольного комплаенса.

Присутствует историко-правовая преемственность в обосновании института антимонопольного комплаенса как инструмента профилактики по противодействию монопольным действиям хозяйствующих субъектов в условиях правового кризиса при цифровой трансформации правовых институтов союзных государств. Так, труды мыслителей с X–III вв. до н. э. греческой цивилизации, учения классиков (А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Милля, А. Курно) и неоклассиков (К. Маркса, С. Сисмонди, А. Маршалла, Дж. Робинсон) посвящены генезису теории о конкуренции, природе происхождения и процессу выстраивания отношений между хозяйствующими субъектами. В передовых научных и правовых трудах стран Европейского Союза, США: Д. Койла [2], К. Ритца [3], М. Ярсулича [4], Т. Бенксом и Дж. Мурфи [5], В. Робертсон [6], А. Герберта и Д. Алекса [7], а также ведущих практиков Bloomberg Law юридических компаний и Антитрестовского отдела Министерством юстиции США раскрываются организационно-правовые аспекты, связанные с правовой природой новых «цифровых» институтов и экономических явлений для разработки сети корпоративных программ по антимонопольному комплаенсу как стратегическому инструменту управления конкурентным поведением участников корпоративных правоотношений. А.В. Денисевич пишет о «...взаимном сближении национальных экономико-правовых механизмов и хозяйственных систем...» [8, с.57].

Двойственность природы института антимонопольного комплаенса выражена признаками публично-корпоративной преемственности норм, наступлением социальной ответственности, аудитом индикаторов и традиционных, присутствием цифровых критериев эффективности программ комплаенса, где обозначены пределы и полезность комплаенса, правовой кредит и смягчение мер наказания. Присутствует и экономическая эффективность, достигается она путем минимизации публично-правовых затрат (например, судебных и процессуальных расходов, а также возможной потери деловых связей). Понятие «публично-частный институт» связано как с первичностью публичных норм, так и с их коллизионностью, с частными правовыми нормами [9, с. 47]. Например, коллизии проявляются на предприятиях, где комплаенс применяется как инструмент ухода от юридической ответственности. Сокрытие данных мониторинга под видом конфиденциальности и неразглашения корпоративной информации обосновано отсылкой на нормы (ч. 4 ст. 65.2 ГК РФ, ст. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25)[1], применения нормы коммерческой

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602 /ef8b3fc29212d069e19db14fe2edc70b3d6bc37c/#dst100103 (дата обращения: 13.07.2021).

тайны (ч. 1,2 ст. 3 Закона № 98-ФЗ). И наоборот, когда пределы института, установленные публично законодательно, могут нести правовые риски декларативности, связанные с жестким регулированием и неисполнимостью законов, и как следствие, проявлением правового «оппортунизма» с экономическим умыслом противоправного характера. Возникает риск замены публично-правовой модели на корпоративную модель правовой системы, что, как следствие, влечет за собой доминирование частных корпоративных основ, несущих черты экономических лобби корпораций, в том числе с государственным участием.

Двойственность института связана с установлением для хозяйствующих субъектов императива применения индикатором рыночной концентрации VCR-3 более 50%, где неисполнение АМК по нормам законов № 135-ФЗ, № 273-ФЗ, № 44-ФЗ, № 223-ФЗ (или бездействие) может быть наказуемо административными мерами. Тем не менее, диспозитивно могут быть корпоративно закреплены индивидуальные индексы ICR-3(lim) по распределению корпоративных обязательств внутри предприятия, где применимы меры наказания гражданско-правового толка.

Двойственность проявления института выражена антиконкурентными и коррупционными деяниями, где, по мнению В.Ф. Попондопуло [9, с. 105], правовое регулирование конкуренции может обеспечиваться законами о защите конкуренции № 135-ФЗ[1] и противодействием коррупции № 273-ФЗ[2], а также выявлением составов административных правонарушений и уголовных преступлений, когда очевидна применимость корпоративного подхода правоустанавливающих норм и правоприменения.

Преимуществом двойственности природы института может служить следствие экономического эффекта, где обеспечение антимонопольного поведения может носить экономический характер в виде льготных ставок НДС или вычетов НДС, льготных ставок на государственные пошлины и сборы производственного характера. Применение института предполагает компромисс публичного и частного регулирования, имеющий не только правовой баланс, но и социальный эффект.

Значимо поведение социальной ответственности, выраженные исполнением «социального заказа» перед государством и обществом, когда присутствует дилемма выбора прибыли или общественной пользы, социального гаранта. Внедрение социально-ориентированных обязательств на корпоративном уровне обеспечит «мягкие» права конкурентного поведения как один из инструментов баланса публичного и частного регулирования.

Так, укажем, что конкурентные начала обусловлены экономической категорией «полезности» [10, с.720], выраженной пределом, который наступает, когда отдача каждой последней привлеченной единицы равна нулю. Применяя теорию полезности, предположим, что «предельная полезность» антимонопольного комплаенса представляет собой некую сумму единиц организационно-правовых полезностей, например, как число привлеченных корпоративных участников, предел правовых полномочий, предел распределения корпоративных обязательств, доля транзакционных затрат по мониторингу соответствия — каждая из которых имеет единицу измерения для расчета экономического эффекта корпоративной модели. Е. К. Симаковой [11, с. 100] анализируются современные

[1] См.: Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 19.07.2021).

[2] См.: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 19.07.2021).

подходы М. Треси и Ф. Вирсема, основанные на отраслевой и рыночной специализации хозяйствующего субъекта. Согласно концепции «сотрудничество и взаимозависимость» (Дж.Ф. Мур, А.М. Бранденбургер) можно предусмотреть диверсификацию корпоративных стратегий как одна из форм добросовестной конкуренции (Г. Хэмэл, К.К. Прахалад), например, минимизацию затрат масштабированием, расширением целевой аудитории за счет внедрения цифровых и платформенных решений для продвижения. Ф. Хусаинов [12, с. 46–47] предлагает классификацию рынков, где на традиционных рынках действуют компании с рыночной долей концентрации (CR-3) и индексом Херфиндаля-Хиршмана (HHI). При этом существует зависимость показателя концентрации от числа операторов, входящих в корпоративную структуру или рыночной доли каждого (например, по данным ГВЦ ОАО «РЖД» в среднем на каждого оператора приходится 4,38% концентрации, или: в топе 4 — по 8,15%; в топе 10 — 3,84%; в топе 30 — 1,16%). Тогда как, согласно нормам немецкого законодателя (§18 para 3a GWB; §18 para 3b GWB; §18 para 3 nr 2 GWB) предложены цифровые критерии, например, сетевые эффекты, инновационное давление, уровень левериджа и самореферирование, доступ Big Data [5, с. 10, 14].

Представлена этимология и эволюция развития института «социальной ответственности» [13, с. 7,8]. Важнейшими можно назвать работы зарубежных ученых таких, как А. Керолла[1], Г. Боуена[2], К. Девиса[3], Р. Бломстрома, Дж. Магтуира, С. Сети, М. Шварца [14, с.3-26], Р. Фримена[4]. Их особое внимание было обращено к проблемам социальной ответственности. Актуальными в рамках темы следует назвать труды Л. Эрхарда, который утверждал, что «...рыночное хозяйство ... не предоставляет предпринимателю свободу исключать конкуренцию путем создания картельных соглашений, напротив, оно обязывает предпринимателя путем собственных достижений, соревнуясь с конкурентами, заслужить благосклонность потребителя. <...> экономическая политика может называться социальной только в том случае, если она способствует тому, что хозяйственный прогресс, повышение производительности и увеличение продукции идут на пользу потребителю» [15, с. 124, 131]. Исследования модели социально ответственного поведения широко представлены в трудах зарубежных ученых Д. Маттена, Дж. Муна, Р. Вэлфорда, Л. Сотторио, М. Рахима, российских авторов Л.Н. Дробышевской, Н.Ю. Воеводкиной, А.Г. Дементьевой. Основной критерий отличия моделей включает «уровень государственного вмешательства/регулирования» в систему взаимоотношений бизнес-структуры и всех заинтересованных лиц [16, с. 162]. В целом научные экономические школы определяли поведение социальной ответственности общественных отношений. Включая в обсуждение взаимосвязь модели социально ответственного поведения бизнеса и идей теории предельной полезности в процесс построения бизнес-моделей к началу XXI века сформировано понимание того, что поведение бизнеса будет эффективным только в случае органичного присутствия социального эффекта [17, с. 15, 17].

[1] Трактовал социальную ответственность как систему, включающую экономико-правовой аспект, этику и филантропию.

[2] Основоположник теории социальной ответственности, автор труда «Социальная ответственность бизнесмена» (1953).

[3] Автор идеи «корпоративного альтруизма», автор труда «Стратегический менеджмент: стейкхолдерский подход» (1984).

[4] Автор теории стейкхолдеров (1984) Стейкхолдер в отечественной практике понимается как «причастная сторона».

В ходе исследования удалось сформулировать положения, раскрывающие черты антимонопольного регулирования, противодействия недобросовестной конкуренции, комплаенса зарубежного опыта и достижения социального эффекта, где предложены критерии и принципы.

Так, при выявлении правовой природы, отметим, что институт противодействия недобросовестной конкуренции в Республике Беларусь начал свое формирование в начале 1990-х годов с момента перехода на рыночную модель экономики. В настоящее время антимонопольное законодательство Беларуси претерпело немало изменений: с 2016 года Правительство Республики Беларусь начало приводить в соответствие с принципами и правилами, заложенными в Договоре ЕАЭС о национальном антимонопольном законодательстве.

Одним из первых шагов явилось создание белорусского антимонопольного органа. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 3 июня 2016 г. № 188 «Об органах антимонопольного регулирования и торговли» на базе Министерства торговли Республики Беларусь создан единый антимонопольный орган — Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее — МАРТ).

В соответствии с подп. 5.1-5.2. Положения о Министерстве антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь утвержденным Постановлением Совета Министров от 6 сентября 2016 г. № 702 к задачам МАРТ относятся: проведение государственной политики в области противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции; регулирование деятельности субъектов естественных монополий, ценообразования, торговли, общественного питания, бытового обслуживания населения; защита прав потребителей, рекламы, государственных закупок товаров (работ, услуг); принятие мер по противодействию монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, по выявлению и пресечению нарушений законодательства в области противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции содействию развитию добросовестной конкуренции.

Начала свою работу Комиссия по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства состоящая из специалистов МАРТ. При этом хозяйствующие субъекты вправе определять альтернативу для противодействия недобросовестной конкуренции: за защитой нарушенных прав можно обратиться в антимонопольный орган или непосредственно в суд.

Судебное разбирательство имеет место в двух случаях:

1) обращение в Верховный Суд Республики Беларусь, как в инстанцию по пересмотру решений МАРТ;

2) обращение в экономические суды областного уровня и г. Минска на основании ст. 1029–1030 Гражданского кодекса Республики Беларусь (исключение: иски по действиям, связанные с приобретением исключительных прав на товарный знак, рассматриваются в судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь).

В вопросе выбора хозяйствующим субъектом административного или судебного порядка защиты от недобросовестной конкуренции следует опираться на следующие аспекты: территория, сроки и процедура рассмотрения дела, финансовые затраты.

Рассмотрение дел о пересмотре решения Комиссии МАРТ по установлению наличия (отсутствия) акта недобросовестной конкуренции в Верховном Суде

требуют временных и финансовых издержек, к тому же решение Верховного Суда сразу вступает в законную силу, а возможности его пересмотра ограничены. Процедура рассмотрения дела в экономических судах также осуществляется на уровне областей. В этом вопросе административный порядок рассмотрения дел о недобросовестной конкуренции не выигрывает: Комиссия МАРТ работает в г. Минске.

Сроки рассмотрения дел в Верховном Суде регламентированы процессуальными нормами, до двух месяцев установлен срок и для рассмотрения дел в экономических судах. В соответствии с ч. 2 ст. 40 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее — Закон о конкуренции) составляют до трех месяцев. Как утверждает В.В. Рачковский [18, с. 66] «...возможности продления срока широкие, формально не имеют ограничений, они зависят от полноты и достаточности проведенных антимонопольным органом действий, а также от полученной им информации, позволяющей установить наличие (отсутствие) нарушения антимонопольного законодательства». Полагаем, что белорусский законодатель в рамках развития практики противодействия недобросовестной конкуренции снизит сроки рассмотрения такой категории дел.

Рассмотрение дел о недобросовестной конкуренции в антимонопольном органе в Республике Беларусь начинается с подачи заявления хозяйствующего субъекта, у которого имеются основания полагать, что в отношении него совершены акты недобросовестной конкуренции. Источниками доказательств может служить данные других госорганов; доказательства, полученные самим антимонопольным органом; другие источники. Как правило, дело в МАРТ рассматривается заочно, так как неявка заинтересованных и (или) приглашенных лиц на заседание комиссии не препятствует рассмотрению вопросов членами комиссии.

Финансовые затраты при обращении в суд или в МАРТ имеют немаловажное значение для хозяйствующих субъектов, желающих отстоять свои права. Как показывает практика, привлечение профессионального представителя сторон значительно облегчает процедуру рассмотрения дел о недобросовестной конкуренции (как в суде, так и в МАРТ) в силу специфики затрагиваемых вопросов. Целесообразно обращаться в суд, так как антимонопольный орган такие вопросы не регулирует. Однако санкции со стороны МАРТ для недобросовестного хозяйствующего субъекта являются существенными: не меньше 400 базовых величин для юридического лица.

Различие инстанций обращения с позиции финансовых затрат кроется в уплате государственной пошлины. Так, обращение в суд будет облагаться государственной пошлиной, в антимонопольном органе — подача и рассмотрение дела осуществляется на безвозмездной основе.

Приходим к выводу, что при сравнении двух порядков рассмотрения дел о недобросовестной конкуренции по законодательству Республики Беларусь можно констатировать, что при установлении факта недобросовестной конкуренции результатом явится требование прекратить нарушение. Такое обязательство фиксируется или в судебном решении, или в предписании антимонопольного органа.

Институты противодействия недобросовестной конкуренции в Российской Федерации и Республике Беларусь являются схожими по своему правовому регулированию и становлению. В сфере государственного управления Федеральная

антимонопольная служба (далее — ФАС) как антимонопольный орган (в сравнении с Республикой Беларусь) сформировалось достаточно давно в 2004 году.

При обращении потерпевшей стороны в антимонопольный орган для пресечения недобросовестной конкуренции ФАС вправе:

1) возбуждать и рассматривать дела о нарушениях антимонопольного законодательства, принимать заключения об обстоятельствах дела, выносить предупреждения, определения, решения, предписания;

2) привлекать виновных к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

Не углубляясь в сходство механизмов противодействия недобросовестной конкуренции Республики Беларусь и Российской Федерации, остановимся на различиях.

Одним из основных преимуществ, на наш взгляд, является отсутствие в российском административном законодательстве заявительного принципа при обнаружении обстоятельств, свидетельствующих о совершении акта недобросовестной конкуренции. ФАС как антимонопольный орган возбуждает и рассматривает дело исходя из:

1) поступления из государственных органов, органов местного самоуправления материалов, указывающих на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства;

2) заявления юридического или физического лица, указывающего на признаки нарушения антимонопольного законодательства;

3) обнаружения антимонопольным органом признаков нарушения антимонопольного законодательства;

4) сообщения средства массовой информации, указывающего на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства.

Таким образом, в зависимости от обстоятельств, в обнаружении нарушений антимонопольного законодательства могут участвовать четыре субъекта, что позволяет своевременно и эффективно отреагировать на такие нарушения.

Адвокатирование конкуренции должно стать постоянным видом деятельности для всех антимонопольных органов государств-членов ЕАЭС. Для решения задач адвокатирования конкуренции, направленных на пропаганду преимуществ конкуренции, разъяснения методов современного антимонопольного регулирования, в зависимости от целей аудитории используются различные механизмы информационного взаимодействия с хозяйствующими субъектами, представителями органов власти государств-членов ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии:

размещение в средствах массовой информации государств-членов ЕАЭС и телекоммуникационной сети Интернет информации о состоянии конкуренции и мерах, принимаемых антимонопольными (конкурентными) органами государств-членов ЕАЭС для ее защиты и развития;

издание печатных материалов с разъяснением целей и задач современного антимонопольного (конкурентного) регулирования в государствах-членах ЕАЭС и Комиссии;

взаимодействие с бизнес-сообществом и органами власти государств-членов ЕАЭС, в том числе путем участия представителей Комиссии в различных конференциях, семинарах и круглых столах по направлениям деятельности антимонопольного (конкурентного) органа.

Еще одной новеллой в антимонопольном регулировании в России явилось принятие Федерального закона от 1 марта 2020 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции», который официально ввел термин «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» или в общеупотребимой терминологии — «антимонопольный комплаенс».

Согласно Докладу о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2020 год «антимонопольный комплаенс» (англ.: *«compliance»* — соответствие) в качестве системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства является эффективным способом предупреждения антимонопольных правонарушений для хозяйствующих субъектов, способствует снижению количества нарушений за счет их самоконтроля, и обеспечивает своевременное восстановление нарушенных прав. На законодательном уровне в Российской Федерации закреплено право внедрения хозяйствующими субъектами антимонопольного комплаенса, перечень требований к внутреннему акту антимонопольного комплаенса, возможность его согласования с ФАС России. Полагаем, что такой опыт может быть реализован в Республике Беларусь.

В свою очередь, установление пределов обязательств (рис. 1) комплаенса (императивности или добровольности) может быть связано с наступлением предела корпоративного индекса рыночной концентрации (CR-3; сетевой эффект) в зависимости от индивидуального индекса концентрации участников (HHI).

В рамках противодействия антимонопольным проявлениям (рис. 2) по нормам КоАП РФ (ст. 14.40 ч. 6; 14.34; 14.33; 14.32; 14.31; 14.31.1; 14.31.2) наблюдается значительный прирост правонарушений на период 2016–2017 гг.

Рисунок 1.

Конструкция института антимонопольного комплаенса

Большинство противоправных действий квалифицируются уголовным правом, как «по наиболее тяжкому преступлению» коррупционного проявления (ст. 204; 289–291.2; 178; 179 УК РФ), связанного с коммерческим подкупом, взяточничеством, ограничением конкуренции и склонению к картельным сделкам.

Рисунок 2.

Динамика административных правонарушений

На 2020 год общая сумма наказаний составила в размере 142,5 трлн руб. Сложность составов противоправных деяний обусловлено еще вероятностью публичных коллизий или пробелов в рамках законов № 44-ФЗ, № 223-ФЗ в области государственных закупок. В целом в правоприменительной практике усложняется процесс объективного правового толкования и квалификации как со стороны антимонопольного органа, правоохранительных органов, так и юридических лиц. Такие публичные коллизии и возникающие конфликты требуют решения путем внедрения антимонопольного комплаенса как инструмента профилактики по снятию правовых рисков при условии публично-частной правовой преемственности на основе принятой корпоративной программы (концепции) хозяйствующего субъекта.

Так, в практике Антимонопольного отдела Министерства юстиции США[1] «Оценка корпоративных программ комплаенс в уголовных антимонопольных расследованиях» дается оценка применимости антимонопольного комплаенса в реализации корпоративных программ (табл.). По предложенным компонентам дана суммарная оценка эффективности программы в целях обоснования смягчающих обстоятельств при наступлении уголовной ответственности компании (или участника) (согласно нормам Свода законов США: 18 U.S.C. §3572). Также по нормам США (U.S.S.G. §8C2.5(f)) предусмотрены «правовые кредиты» в целях применения исправительных действий (например, ненаступление рецидивов, или обновление программы) и снижения уровня виновности на несколько баллов (снижения суммы штрафа, срока наказания (U.S.S.G. §8C2.8; 18 U.S.C. §3572)).

[1] U.S. Department of Justice Antitrust Division. (2019). Evaluation of Corporate Compliance Programs in Criminal Antitrust Investigations. U.S. Department of Justice Antitrust Division.P. 1–17.

Таблица

Соотношение компонентов эффективности применения института

Действия по применению	Критерии и показатели
– мониторинг корпоративных программ платформенной модели на основе цифровых решений	– вид носителя: программное обеспечение, бумажный вид; – полнота, объективность положений на основе правовых отсылок; – интегрированность программы в специализацию предприятия; – уровень правовой преемственности в области правотворчества и правоприменения; – отчетность;
– обзор изменений «под протокол»	– периодичность обновления программы и регулярность мониторинга;
– регистрация и уведомительный порядок в случае изменения условий соглашения; о наступлении пороговых значениях рыночной доли	– динамика количества уведомлений и обратной связи;
– учет всех соглашений	– периодичность корпоративного аудита антимонопольных рисков при правотворчестве, заключении договорных отношений и иных организационно-правовых действиях; – динамика заключенных контрактов, договоров, соглашений с антимонопольной и коррупционной оговоркой;
– квалификация и установление юридической ответственности риск-менеджера конкретного соглашения	– соотношение юридической ответственности участников правоотношений; – методологическая доступность в объективном толковании правовых норм;
– непрерывное обучение сотрудников с применением цифровых решений и профессиональных площадок	– уровень обученного персонала, руководства, должностных лиц ; – уровень правовой культуры; – уровень цифровой этики и культуры; – добросовестность соблюдения (отсутствие правового оппортунизма и нигилизма); – уровень самоконтроля и заинтересованности всех участников;
– проведение рейдов и следственных действий на предмет риска антимонопольного и коррупционного проявления	– комплексность и динамика профилактических мероприятий; – динамика обращений, жалоб в связи с рисками наступления правонарушения; – динамика количества неправомерных квалификаций. – динамика и оперативность санаций, следственных действий и дознания; – соотношение систем поощрений и ограничительных мер;
– внутренний аудит и аудит контрагентов	– карта организационно-правовых рисков; – уровень автоматизации накопления, оперативности обработки и криптозащиты баз данных; – объемы финансовых, технологических, кадровых и транзакционных затрат; – объективность и полнота чек-листов мониторинга по персоналиям и компании.

Примечание — составлено авторами.

Значимым правовым признаком эффективности программы комплаенса является «опровержимая» презумпция невиновности, если доказана вина (бездействие, умысел, незнание о преступных деяниях участников, задействованных в транзакциях) руководства или администрации компании (U.S.S.G. §8A1.2, application note 3(B)–(C)). По существу, «опровержимая» презумпция невиновности зависит от добросовестности и соблюдения уведомительного порядка об угрозе наступления антимонопольных рисков и проявлений. Согласно норме

U.S.S.G. §8B2.1 в случае выявления неэффективности или отсутствия программы и несоблюдения испытательного срока по созданию программы при наступлении уголовной ответственности может быть назначен повышенный штраф («Штраф плюс»).

В российской практике сложилась ситуация, что уже недостаточно «отчислять средства» на социальные сферы (здравоохранение, образование, социальное обеспечение), чтобы демонстрировать социальный эффект и справедливую конкуренцию. Тренд на цифровизацию активизировал процесс формирования новых требований для создания социальной ответственности. Так, анализ социально ответственного поведения российских компаний[1] в период COVID-19 позволяет сделать вывод о том, что лидерами стали крупнейшие российские и зарубежные[2] компании финансовой сферы и IT-технологии, энергетики и розничной торговли, производства и транспорта. Например, поддержка медицинских работников: АФК Система, Банк Открытие, Toyota; закупка медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты: Московская Биржа, Газпром нефть, НЛМК, Норильский никель, РусГидро; помощь населению — волонтерство, снабжение продуктами питания: Доброфлот, Магнит, Балтика; частные инвестиции в области поддержки населения и медицинских работников, строительство медицинских центров, приобретение оборудования: руководители компаний — О.В. Дерипаска, В.О. Потанин, Г.Н. Тимченко): обеспечивали, с одной стороны, доступность и качество определенных товаров и услуг, с другой, — демонстрировали социальный эффект при расширении корпоративных связей и обязательств. Однако сектор малого бизнеса не смог «включиться» в исполнение антимонопольных обязательств в силу понимания идеи о социально ответственном поведении как «излишнем финансовом бремени».

В современных стандартах социальной ответственности[3] установились такие принципы, как: «этичное поведение» как «честность, справедливость и добросовестность», «уважение интересов заинтересованных сторон» при равенстве прав; «соблюдение верховенства закона». Так, в отчете аналитического центра при Правительстве РФ[4] по итогам опроса более 1,5 тыс. российских компаний, указывается модель социально ответственного поведения как основная мера повышения конкурентоспособности (37%), уровень доверия (21%), а также доступность и качество товаров и услуг (19%). В качестве экономических мер конкурентоспособности можно указать энергоменеджмента и рециклинга (58,5%), «репутационный» маркетинг (45,3%). По итогам исследований РСПП[5], наибольший интерес у компаний вызывает возможность применения экономической меры как налоговое стимулирование. Однако имеющиеся исследования [19, с. 67–73] показывают, что данная мера может стать способом формализации

[1] См.: Отчет аналитического центра при Правительстве РФ Оценка состояния конкурентной среды в России 2020. URL: file:///D:/Downloads/Konkurenciya_doklad_2020.pdf (дата обращения: 26.08.2021).

[2] Имеются в виду компании международного масштаба, собственность нерезидентов РФ.

[3] См.: ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по социальной ответственности (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 29 ноября 2012 г. № 1611-ст). URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.08.2021).

[4] См.: Отчет аналитического центра при Правительстве РФ Оценка состояния конкурентной среды в России 2020 г. URL: file:///D:/Downloads/Konkurenciya_doklad_2020.pdf (дата обращения: 26.08.2021).

[5] См.: Сайт Российский Союз промышленников и предпринимателей. URL: http://rspp.ru/simplepage/biblioteka-praktik-rossiyskogo-biznesa-po-podderzhke-obshchestva-v-borbe-s-covid-19/ (дата обращения: 16.08.2021).

действий социально ответственного поведения, и вызвать «налоговую агрессию» что может привести к потере конкурентного имиджа и социального эффекта.

Таким образом, полученные выводы не исчерпывают вопросы о применимости антимонопольного комплаенса, тем не менее позволяют предложить рекомендации (рис. 3) по проектированию концепций (программ).

Рисунок 3

Принципы антимонопольной комплаенс-программы

Предложенные принципы могут нести практическую значимость при гармонизации норм союзных государств России и Беларуси по взаимному признанию правового режима антимонопольного комплаенса и стандартов поведения социальной ответственности.

Библиографический список

1. *Кванина В.В.* Антимонопольный комплаенс и его правовая природа // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2019. С. 46–50.

2. *Diane, Coyle.* Practical competition policy implications of digital platforms. Bennett Institute for Public Policy working paper. 2018. № 1. P. 1–20.

3. *Christian, Ritz & Falk, Schuning.* Digital avant-garde: Germany's proposed «digital antitrust law». 2019

4. *Marc, Jarsulic.* Using Antitrust Law To Address the Market Power of Platform Monopolies. Center for American Progress. Antitrust Law To Address the Market Power of Platform Monopolies. 2020

5. *Ted, Banks & Joe, Murphy.* The International Law of Antitrust Compliance. Vol. 40. 2020. N 1.

6. *Viktoria, H.S.E. Robertson.* Antitrust Law and Digital Markets A Guide to the European Competition Law Experience in the Digital Economy. Electronic copy available at. 2020

7. *Allen, Herbert & DiCunzolo, Alexa.* 8 Key Elements Of An Effective Antitrust Compliance Program. Portfolio Media. Inc. 2019

8. *Денисевич А.В.* Повышение эффективности защиты национальных экономических интересов Республики Беларусь в рамках ЕАЭС // Право.by. 2019. №5(61). С. 57–61.

9. *Попондопуло В.Ф., Петров Д.А.* Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 1. С. 102–114.

10. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд, 1994. 720 с.

11. *Симакова Е.К.* Теории конкуренции в истории экономических учений: основные подходы // Управление экономическим развитием. 2016. С. 96–102.

12. *Хусаинов Ф.* Можно ли измерить конкуренцию? // РЖД Партнер. 2019. С. 46–49.

13. *Старикова Е.А.* Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика. 2017. Т. 25. № 1. С. 7–17.

14. *Благов Ю.Е.* Эволюция концепции КСО и теория стратегического управления // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер.: «Менеджмент». 2011. Вып. 1. С. 3–26.

15. *Эрхард Л.* Благосостояние для всех. Картели — враги потребителя. Тайна рыночного хозяйства. М.: Начала-Пресс, 1991.

16. *Воронцов П.Г.* Развитие модели российской корпоративной социальной ответственности на примере крупной корпоративной структуры // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. Вып. 1. С. 160–173.

17. *Орехов Д.Б.* Потребительская ценность как феномен теории предпринимательства // Известия Санкт-Петербургского государственного ун-та. 2014. № 5. С. 15–20.

18. *Рачковский В.В.* Выбираем инстанцию для обжалования недобросовестной конкуренции// Промышленно-торговое право. 2018. № 6. С. 65–67.

19. *Калинкин К.И.* Эффективность государственного стимулирования корпоративной социальной ответственности среди компаний РФ за счет налоговых льгот // Russian economic bulletin. 2020. № 5. С. 67–73.

References

1. *Kvanina V.V.* Antimonopoly Compliance and Its Legal Nature. // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2019. P. 46–50.

2. *Diane, Coyle.* Practical Competition Policy Implications of Digital Platforms. Bennett Institute for Public Policy working paper. 2018. No. 1. P. 1–20.

3. *Christian, Ritz & Falk, Schuning.* Digital Avant-Garde: Germany's Proposed "Digital Antitrust Law." 2019.

4. *Marc, Jarsulic.* Using Antitrust Law to Address the Market Power of Platform Monopolies. Center for American Progress. Antitrust Law to Address the Market Power of Platform Monopolies. 2020.

5. *Ted, Banks & Joe, Murphy.* The International Law of Antitrust Compliance. Vol. 40. 2020. No 1.

6. *Viktoria H.S.E. Robertson.* Antitrust Law and Digital Markets a Guide to the European Competition Law Experience in the Digital Economy. Electronic Copy Available at. 2020.

7. *Allen, Herbert & DiCunzolo, Alexa.* 8 Key Elements of an Effective Antitrust Compliance Program. Portfolio Media. Inc. 2019.

8. *Denisevich A.V.* Enhancing the Efficiency of Protection of National Economic Interests of the Republic of Belarus within the EAEU // Pravo.by. 2019. No. 5 (61). P. 57–61.

9. *Popondopulo V.F., Petrov D.A.* Compliance as a Legal Tool for Minimizing Risks and Preventing Offences // Vestnik (Herald) of Saint Petersburg University. Law. 2020. Vol. 11. Ed. 1. P. 102–114.

10. *Blaug M.* Economic Thought in Retrospect. Moscow: Delo Ltd, 1994. 720 p.

11. *Simakova E.K.* Theories of Competition in the History of Economic Doctrine: Basic Approaches // Management of Economic Development. 2016. P. 96–102.

12. *Khusainov F.* Is It Possible to Mmeasure Competition? // Russian Railways Partner. 2019. P. 46–49.

13. *Starikova E.A.* Modern Approaches to the Interpretation of the Concept of Sustainable Development // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. 2017. Vol. 25. No. 1. P. 7–17.

14. *Blagov Yu.E.* Evolution of CSR Concept and Strategic Management Theory // Bulletin of Saint Petersburg University. Management Series. 2011. Edit. 1. P. 3–26.

15. *Erhard L.* Welfare for All. Cartels Are the Enemies of the Consumer. The Mystery of Market Economy. Moscow: Nachala-Press, 1991.

16. *Vorontsov P.G.* Development of the Model of Russian Corporate Social Responsibility on the Example of a Large Corporate Structure // Economic Analysis: Theory and Practice. 2017. Vol. 16. Ed. 1. P. 160–173.

17. *Orekhov D.B.* Consumer Value as a Phenomenon in the Theory of Entrepreneurship // Izvestiya St. Petersburg State University. 2014. No. 5. P. 15–20.

18. *Rachkovsky V.V.* Choosing an Instance to Appeal Against Unfair Competition // Industrial and Commercial Law. 2018. No. 6. P. 65–67.

19. *Kalinkin K.I.* Efficiency of State Stimulation of Corporate Social Responsibility Among Russian Companies Through Tax Incentives // Russian economic bulletin. 2020. No. 5. P. 67–73.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-229-236
УДК 343.2

С.А. Корнеев

ЛЕГИТИМНОСТЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Введение: *освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, на которое возлагалось решение определенных социально-правовых задач, с течением времени трансформировалось в легальный откуп лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести и возместившего причиненный ущерб, от уголовного преследования. Представляется, что это стало возможным по причине пробельности законодательства, а также ряда теоретико-практических сложностей, возникающих при реализации рассматриваемых норм-новелл.* ***Цель:*** *определение допустимости освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа на примере конкретных составов преступлений.* ***Методологическая основа:*** *общенаучные и частные методы научного познания: системно-структурный, индуктивный, дедуктивный и контент-анализа.* ***Результаты:*** *проведенное исследование позволило определить вариативность способов возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного экологическим преступлением; проанализировать субъективность судебной оценки конкретного посткриминального позитивного действия лица, совершившего экологическое преступление, в качестве способа компенсации нарушенных законных интересов общества и государства; дать оценку соразмерности причиненного ущерба и его возмещения (заглаживания).* ***Выводы:*** *теоретико-прикладные сложности, возникающие в процессе реализации норм-новелл о судебном штрафе, могут быть решены путем законодательного изменения статуса рассматриваемой меры уголовно-правового характера.*

Ключевые слова: *уголовная политика; судебно-уголовная политика; освобождение от уголовной ответственности; судебный штраф; экономические преступления.*

S.A. Korneev

LEGITIMACY OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL CRIMES WITH THE IMPOSITION OF A COURT FINE

Background: *exemption from criminal liability with the imposition of a court fine, which was entrusted with the solution of certain social and legal tasks, has been transformed over time into a legal payoff of a person who committed a crime of small or medium gravity and who has compensated the damage caused, from criminal prosecution.*

© Корнеев Сергей Александрович, 2022
Кандидат юридических наук преподаватель кафедры уголовного права (Академия права и управления ФСИН России (Рязань); e-mail: kornei_lam@mail.ru
© Korneev Sergey Aleksandrovich, 2022
Candidate of Law Lecturer, Department of Criminal Law Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)

It seems that this has become possible due to the permeability of legislation, as well as a number of theoretical and practical difficulties arising in the implementation of the norms-novelties under consideration. ***Objective:*** *to determine the admissibility of exemption from criminal liability with the appointment of a court fine for specific elements of crimes.* ***Methodology:*** *general scientific and private methods of scientific knowledge: system-structural, inductive, deductive and content analysis.* ***Results:*** *the conducted study allowed to determine the variability of methods of compensation or other redress of harm caused by environmental crime; to analyze the subjectivity of judicial evaluation of a particular post-criminal positive action of a person who committed an environmental crime, as a way of compensation for violated legitimate interests of society and the state; to assess the proportionality of the damage caused and its compensation (redress).* ***Conclusions:*** *the theoretical and applied difficulties arising in the process of implementing the norms-novelties on a judicial fine can be solved by legislative changes in the status of the considered measure of a criminal nature.*

Key-words: *criminal policy; judicial and criminal policy; exemption from criminal liability; judicial fine; economic crimes.*

В соответствии с позицией высших органов государственной власти, тенденцией развития уголовного судопроизводства в России является его либерализация (гуманизация). В этой связи ежегодно сокращается количество лиц, имеющих судимость, значительная доля обвиняемых освобождается от уголовной ответственности в рамках досудебного и судебного производств, ограничивается применение строгих мер государственного принуждения. В то же время нельзя не констатировать возникающие теоретико-прикладные трудности при реализации норм-новелл УК РФ. В частности, речь идет об освобождении от уголовной ответственности с назначением иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Накопленный на сегодняшний день эмпирический материал в доктрине уголовного права, а также опыт следственно-судебной практики позволяют произвести всесторонний анализ заявленных норм и привести научное обоснование по ряду актуальных проблем.

Из текста пояснительной записки к проекту федерального закона, касающегося потенциальных изменений положений УК, следует, что искомая мера уголовно-правового характера является:

превентивной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой уполномоченными органами государственной власти в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести впервые;

мерой государственного принуждения, реализацию которой необходимо рассматривать вне рамок уголовной ответственности;

дополнительной возможностью компенсации нарушенных преступлением прав потерпевших;

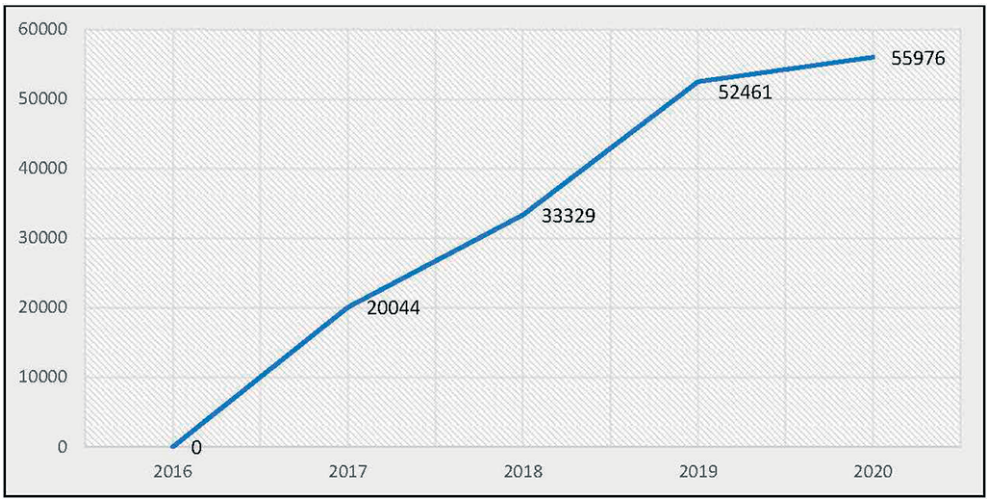
субсидиарным видом освобождения от уголовной ответственности, способствующим лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет, избежать негативных последствий, связанных с судимостью;

способом расширения диапазона возможностей судебно-следственных органов по освобождению от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести[1] [1, с. 104].

В специализированной литературе сторонники рассматриваемых норм-новелл (ст. 76[2]; гл. 15[2] УК РФ) констатировали возможность реализации сразу нескольких социально-правовых задач. В частности, речь идет о противодействии преступности; тотальном сокращении числа лиц, имеющих судимость; [2, с. 114]; субсидиарном источнике финансирования бюджета страны и сокращении расходов на содержание правоохранительных и судебных органов [3, с. 80]. В связи с этим, иная мера уголовно-правового характера, введенная в Уголовный кодекс РФ в 2016 г., гармонично вписалась в проводимую политику гуманизации уголовного законодательства и стала востребованной в правоприменительной практике (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Количество случаев реализации норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, в период с 2016 по 2020 гг.[2]



Широкая востребованность искомой меры государственного принуждения в правоприменительной деятельности стала предметом критической оценки со стороны представителей высших органов государственной власти. Так, по мнению Генерального прокурора РФ, судебный штраф «стал своего рода ла-

[1] См.: пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172932-7 (дата обращения: 21.02.2022).

[2] См.: Форма 10.2 Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2016–2021 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 01.02.2022).

зейкой для тех, кому он не должен назначаться». И.В. Краснов констатировал факты освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лиц, обвиняемых в преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в совершении должностных преступлений, в том числе коррупционной направленности, в преступлениях по неосторожности, повлекших смерть человека. Все это, по мнению главы надзорного ведомства, требует принятия неотложных мер, а также внесения законодательных изменений, касающихся сокращения возможности назначения судебного штрафа [4; 5, с. 124].

Действительно, в настоящее время реализация судебного штрафа зависит от двух критериев, на которые акцентировал внимание председатель Верховного суда Верховного суда России Вячеслав Лебедев: «...преступление нетяжкое, совершено впервые и обвиняемый компенсировал ущерб» [6].

Вопреки сказанному, стоит отметить, что далеко не каждый ущерб, причиненный преступлением, может быть возмещен, в том числе, в денежном эквиваленте. Компенсация же способна лишь сгладить негативные для потерпевшего последствия.

Более того, неисчерпывающий перечень способов компенсации нарушенных преступлением прав, представленный руководящими разъяснениями Верховного Суда РФ, даровал определенную свободу выбора уполномоченным органам государственной власти. Так, суд в процессе разбирательства по конкретному уголовному делу наделяется правом самостоятельно оценивать то или иное посткриминальное позитивное действие лица, совершившего преступление, и принимать решение о его соответствии способу заглаживания вреда[1].

В целях анализа постпреступных социально-одобряемых действий лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, способов возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, а равно оценки соразмерности причиненного и компенсированного вреда, полагаем целесообразным рассмотреть реализацию норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, за экологические преступления.

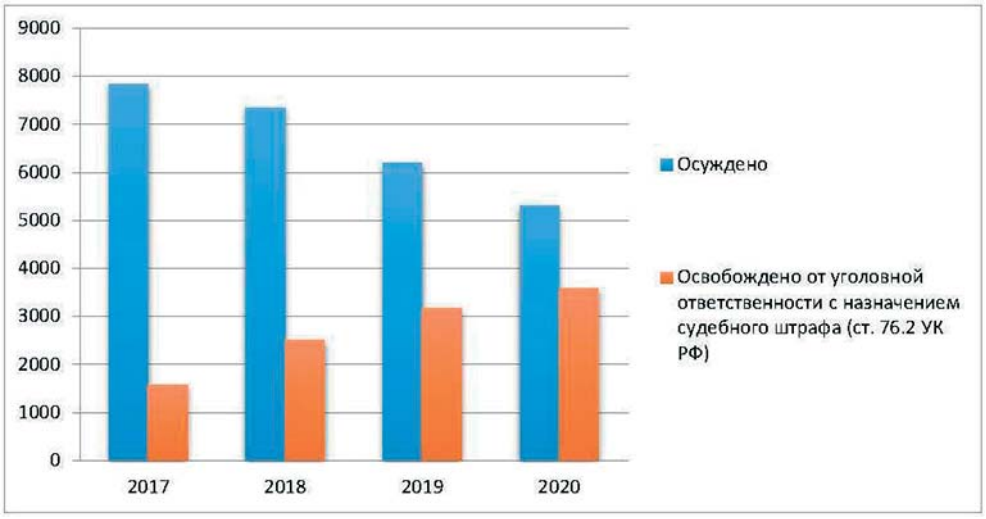
Ежегодное совершение указанных деяний способствует гибели природы, разрушению экосистем, загрязнению окружающей среды, что несет пагубные последствия для страны в целом и человеческого здоровья в частности [7, с. 84]. В этой связи обеспечение экологической безопасности и ликвидация накопленного вреда окружающей среде — это отдельный блок экологических вопросов, находящихся в ведомстве Минприроды России[2].

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8350/ (дата обращения: 25.02.2022).

[2] См.: Итоги 2021 года: экологическая безопасность // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: https://www.mnr.gov.ru/ (дата обращения: 21.02.2022)

Диаграмма 2

Количество осужденных за экологические преступления (гл. 26 УК РФ) и число прекращенных уголовных дел с назначением судебного штрафа в период с 2017 по 2020 гг.[1]



Приведенные статистические данные свидетельствуют о снижении количества осужденных лиц за экологические преступления и значительном росте прекращения уголовного преследования в соответствии со ст. 76[2] УК РФ. Как известно, для назначения судебного штрафа, кроме совершения определенной законом категории преступлений (небольшой или средней тяжести), необходимо компенсировать нарушенные в результате уголовно-правового запрета законные интересы общества и государства. Вследствие этого, возникает логичный вопрос относительно способа возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного конкретным преступлением рассматриваемой главы уголовного закона.

Так, Чунский районный суд Иркутской области постановил прекратить уголовное дело и, соответственно, уголовное преследование в отношении О., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ, с назначением судебного штрафа в размере 400 тыс. руб.[2]

Представляется, что вред, причинный незаконной вырубкой, а равно повреждением до степени прекращения роста лесных насаждений в крупном размере может быть компенсирован (заглажен), например, путем приобретения и посадки новых лесных насаждений. Однако рассматриваемый судебный орган констатировал иной способ возмещения ущерба, а именно: факт оказания благотворительной помощи социально-реабилитационному центру[3].

[1] См.: Форма 10.2 Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2016-2021 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 01.02.2022).

[2] См.: Постановление № 1-185/2021 по уголовному делу № 1-185/2021 от 29 июня 2021 г. // Архив Чунского районного суда Иркутской области. URL: https://sudact.ru/regular/doc/TU1SyXlmZ2mP/ (дата обращения: 21.02.2022).

[3] См.: Постановление № 1-185/2021 по уголовному делу № 1-185/2021 от 29 июня 2021 г. // Архив Чунского районного суда Иркутской области. URL: https://sudact.ru/regular/doc/TU1SyXlmZ2mP/ (дата обращения: 21.02.2022).

Кыринский районный суд Забайкальского края постановил прекратить уголовное преследование в отношении Б. и Л., подозреваемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК РФ и назначить меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 50 тыс. руб. каждому. В качестве способа заглаживания вреда, причиненного преступлением, суд также счел благотворительную помощь детскому учреждению[1].

Безусловно, факт оказания добровольной безвозмездной помощи социально-ориентированному учреждению характеризует подозреваемых с положительной стороны. Однако подобная судебная практика является уязвимой с точки зрения положений уголовного законодательства. Весьма спорным видится сопоставление факта оказания благотворительности учреждению и причиненного особо крупного ущерба посредством незаконной охоты общественным отношениям в области охраны и рационального использования животного мира.

Ханкайский районный суд Приморского края постановил прекратить уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК РФ с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере ста пятидесяти тысяч рублей. В вынесенном постановлении суд констатировал оказание «... *периодической* (курсив наш. — *С.К.*) благотворительной помощи детским домам», а равно имеющиеся у подсудимого награды «155 лет городу Владивостоку» и «70 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» как факт снижения общественной опасности личности и совершенного им деяния[2].

Подобная судебная практика наводит на мысль о допустимости совершения экологических преступлений лицом, имеющим юбилейные памятные награды, так как факт их наличия может расцениваться в качестве «иммунитета» от уголовного преследования. Разумеется, сложно признать описанное в постановлении суда обстоятельство способом заглаживания вреда, причиненного преступлением. Представляется, что нейтрализация вредных последствий, наступивших в результате нарушения уголовно-правового запрета, должна выражаться в постпреступных, активных, позитивных, а равно социально-одобряемых, действиях лица.

Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону постановил уголовное дело по обвинению К. и М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ прекратить в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. По мнению суда, «...причиненный преступлением вред подсудимыми заглажен путем оказания благотворительной помощи детям-сиротам»[3].

Приведенные, а равно иные меры примеры из судебной практики рассмотрения уголовных дел, возбужденных по факту совершения экологических преступлений, свидетельствуют об имеющихся спорных вопросах в части реализации положений уголовного закона. Вызывают сомнения следующие факты:

---

[1] См.: Постановление № 1-17/2020 по уголовному делу № 1-17/2020 от 28 февраля 2020 г. // Архив Кыринского районного суда Забайкальского края. URL: https://sudact.ru/regular/doc/PJF23YAPnCQq/ (дата обращения: 21.02.2022).

[2] См.: Постановление № 1-15/2019 по уголовному делу № 1-15/2019 от 14 февраля 2019 г. // Архив Ханкайского районного суда Приморского края. URL: https://sudact.ru/regular/doc/tt5NDmYe2XWj/ (дата обращения: 21.02.2022).

[3] См.: Постановление № 1-388/2020 по уголовному делу № 1-388/2020 от 9 июля 2020 г. // Архив Октябрьского районного суда г. Ростов-на-Дону. URL: //sudact.ru/regular/doc/H2qnIbsUn6bK/ (дата обращения: 21.02.2022).

вариативность способов возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, причиненного экологическим преступлением;

субъективная судебная оценка конкретного посткриминального позитивного действия лица, совершившего экологическое преступление, в качестве способа компенсации нарушенных законных интересов общества и государства;

соразмерность причиненного ущерба и его возмещения (заглаживания);

сопоставление общественных отношений, которым причинен ущерб в результате совершения экологического преступления, со стороной, в отношении которой возмещается ущерб или иным образом заглаживается вред.

Думается, что решение заявленных проблем видится в изменении статуса иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В настоящее время рассматриваемый вид освобождения от уголовной ответственности подвергся определенной «трансформации». Вопреки ожиданиям, судебный штраф стал своего рода «легальным откупом» от уголовной ответственности привилегированных граждан, совершивших преступление небольшой или средней тяжести впервые. Для прекращения уголовного преследования, кроме сказанного, необходимо возместить причиненный ущерб. В большинстве случаев, как показывает практика, в денежном эквиваленте. При этом согласие (несогласие) потерпевшего не имеет определяющего значения[1].

Сложившаяся ситуация имеет несколько путей решения, реализация которых зависит от социально-правовых ориентиров, потребностей общества и государства.

1. Изменение положений ст. 76^2 УК РФ. Кроме установления факта совершения преступления небольшой или средней тяжести впервые, полагаем необходимым определить исчерпывающий перечень деяний, за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Понятие «возмещение ущерба или иного заглаживания вреда» является весьма абстрактным. Действительно, полагаем, что перечень способов заглаживания вреда, причиненного преступлением, выражающихся в конкретных постпреступных позитивных действиях не может быть исчерпывающим (закрытым). В данном правовом поле государство преследует цель максимального стимулирования лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, на раскаяние, осознание совершенного противоправного действия, социально-одобряемое поведение. Ограничение же круга возможных посткриминальных действий определенными поступками вряд ли можно признать верным направлением развития уголовного законодательства. Таким образом, суд вправе (но не обязан) оценивать конфигурацию позитивных действий лица как социально-полезной и признавать ее в качестве факта, констатирующего заглаживание вреда. Но необходимо подчеркнуть, что способы возмещения ущерба и заглаживания вреда должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц.

2. Второй исход событий видится в признании судебного штрафа мерой уголовно-правового характера, назначаемой лицу, совершившему преступление небольшой или средней тяжести в рамках освобождения от наказания с последующим закреплением в гл. 12 УК РФ. Обязанность лица подвергнуться лише-

[1] См.: Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 762 УК РФ) // Официальный сайт Верховный Суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/28088/ (дата обращения: 31.01.2022).

ниям и ограничениям материального характера в большей степени соответствует данному институту, нежели главе 11 УК РФ. Представляется, что освобождение лица от уголовной ответственности подразумевает полный отказ государства от его порицания, а равно прекращение общественных отношений, сложившихся в результате нарушения уголовно-правового запрета.

Данное решение соответствует истиной сущности, социально-правовой природе рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия. Кроме этого, исключает ряд теоретико-практических проблем, таких как: конкуренцию норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности; возможность «откупа» от уголовной ответственности и т.д.

Библиографический список

1. *Луценко Н.С.* Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юри. наук. Хабаровск, 2019. 237 с.

2. *Скрипченко Н.Ю.* Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7(247). С. 106–114.

3. *Голенко Д.В.* Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 1. С. 78–82.

4. «Не откупятся» // Российская газета. 2020. 20 дек.

5. *Корнеев С.А.* Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 186 с.

6. Несудимы по суду // Российская газета. 2020. 24 февр.

7. *Штефан А.В.* Об особенностях развития экологической преступности // Виктимология. 2020. № 1 (23). С. 84–92.

References

1. *Lutsenko N.S.* Judicial Fine: Problems of Theory and Law Enforcement: dis. ... cand. of law. Khabarovsk, 2019. 237 p.

2. *Skripchenko N.Y.* Judicial Fine: Problems of Implementation of Legislative Novels // Journal of Russian Law. 2017. No. 7(247). P. 106–114.

3. *Golenko D.V.* Judicial Fine as Another Measure of a Criminal-Legal Nature // Legal Bulletin of Samara University. 2018. No. 1. P. 78–82.

4. «They Won't Pay Off» // Rossiyskaya Gazeta. 2020. 20 Dec.

5. *Korneev S.A.* Criminal Liability and Other Measures of a Criminal-Legal Nature in the Structure of Criminal-Legal Impact: dis. ... cand. of law. Ryazan, 2021. 186 p.

6. We Are Not Judged by the Court // Rossiyskaya Gazeta. 2020. February 24.

7. On the Peculiarities of the Development of Environmental Crime // Victimology. 2020. No. 1 (23). P. 84–92.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-4-237-242
УДК 349.2

**Ю.С. Сергеенко, А.И. Пермяков,
Е.В. Комбарова, В.С. Украинцева**

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И ОБЪЕКТАХ ОСОБОГО ЗНАЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Введение: *особая забота государства — это стабильное функционирование крупных индустриальных объектов (будь то государственные или частные компании), и соблюдение на них правил охраны труда, что обеспечивает безопасность их и работников.* ***Цель:*** *привлечь внимание руководителей предприятий, собственников и государственных учреждений, осуществляющих контроль за охраной труда; разработать предложения по разработке этапов совершенствования охраны труда на уровне предприятия; эти предложения должны быть реализованы внутри предприятия; разработать авторское определение «вознаграждение за соблюдение охраны труда» (на основе установленного понятия, возможно принятие локальных актов для стимулирования труда работников и защиты в области охраны труда).* ***Методологическая основа:*** *в статье были использованы методы сравнительного анализа и гипотез.* ***Результаты:*** *предложены этапы по совершенствованию охраны труда предприятия, определенные деятельностью руководящего состава и его собственниками и авторское определение «вознаграждение за соблюдение охраны труда» было выведено.* ***Выводы:*** *добросовестное исполнение работниками норм техники труда на опасных объектах — залог безопасности. Изучение этих правил у работников начинается с момента подписания трудового договора, и в последующем они подтверждают свои знания. Но, к сожалению, это не всегда является панацеей от опасных ситуаций на объектах. Поэтому данное исследование считаем актуальным.*

Ключевые слова: *охрана труда, безопасность на производстве, труд, работник, чрезвычайная ситуация, руководитель организации, технологический процесс.*

© Сергеенко Юлия Сергеевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: iulya.sergeenko@yandex.ru
© Пермяков Александр Игоревич, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия)
© Комбарова Елена Валерьевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия)
© Украинцева Виктория Сергеевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного права имени профессора Исаака Ефимовича Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия)

© Sergeenko Yulia Sergeevna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Labor Law (Saratov State Law Academy)
© Permyakov Aleksandr Igorevich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Administrative and Municipal Law (Saratov State Law Academy)
© Kombarova Elena Valeryevna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Constitutional Law Department called after Farber Isaac Efimovich (Saratov State Law Academy)
© Ukraintseva Victoria Sergeevna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Constitutional Law Department called after Farber Isaac Efimovich (Saratov State Law Academy)

**Yu.S. Sergeenko, A.I. Permyakov,
E.V. Kombarova, V.S. Ukraintseva**

ENSURING SAFETY AT ENTERPRISES AND FACILITIES OF SPECIAL IMPORTANCE IN EXTREME SITUATIONS

Background: *a special concern of the state is the stable functioning of large industrial facilities (whether public or private companies), and the observance of occupational safety rules at them, which ensures the safety of them and their employees.* ***Objective:*** *to attract the attention of the heads of enterprises, owners and government agencies that control labor protection; to develop proposals for the development of stages of improvement of labor protection at the enterprise level; these proposals should be implemented within the enterprise; to develop the author's definition of "remuneration for compliance with labor protection" (based on the established concept, local acts to stimulate employees and protection of labor protection may be adopted.* ***Methodology:*** *the methods of hypothesis and comparative analysis were used in the article.* ***Results:*** *the stages of improving the labor protection of the enterprise, determined by the activities of the management staff and its owners have been proposed and the author's definition of "remuneration for compliance with occupational safety and health" has been derived.* ***Conclusions:*** *the employees' conscientious observance of labor safety rules at hazardous facilities is a guarantee of safety. Employees learn these rules as soon as they sign their employment contract, and they subsequently confirm their knowledge. But, unfortunately, it is not always a panacea against dangerous situations at facilities. Therefore, we consider this study relevant.*

Key-words: *labor protection, industrial safety, labor, employee, emergency situation, head of the organization, technological process.*

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 4 (147) • 2022

Охрана труда, необходимая составляющая каждой профессии и исполнение этих правил неотъемлемое условие в любое время, и особенно эта тема актуальна сейчас, в связи с сегодняшней ситуацией в России. Поэтому и необходимо работать по направлению и предотвращению наступления несчастных случаев и катастроф на производстве. «По оценкам МОТ около 2,3 млн мужчин и женщин ежегодно погибают в результате несчастных случаев на рабочем месте или связанных с работой заболеваний — в среднем 6 000 человек ежедневно. Во всем мире ежегодно регистрируется примерно 340 млн несчастных случаев на производстве и 160 млн жертв профессиональных заболеваний»[1]. Безопасность — термин, который дает уверенность работникам. Важным в настоящее время является изучение различных направлений в данной сфере на производстве. Учеными подробно рассмотрены различные сферы безопасности, например, в строительстве [1; 2], уделено особое внимание безопасности дорожного движения [3; 4], охране труда [5; 6; 7; 8], системе охраны труда [9], технологической безопасности [10], культуре безопасности [11; 12; 13], радиационной безопасности [14], климатической [15; 16], производительности труда [17; 18], пожарной безопасности [19]. На данные темы проводится множество конференций на международном уровне,

[1] См.: Тяжкое бремя плохих условий труда. URL: https://www.ilo.org/moscow/areas-of-work/occupational-safety-and-health/WCMS_249276/lang--ru/index.htm (дата обращения: 22.02.2022).

потому что безопасность сейчас — это защищенность государства от последствий техногенных катастроф, климатических бедствий, эпидемий и пр.

В соответствии со ст. 362 Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ) ответственность за нарушение норм трудового законодательства и их соблюдение лежит на руководителе организации и иных должностных лицах[1]. Следует заметить, что порядок соблюдения безопасности на предприятии лежит не только на руководстве, но и на работнике. В российском законодательстве предусмотрены следующие виды ответственности для работников нарушивших нормы в сфере охраны труда — дисциплинарная, материальная, уголовная. Но, к сожалению, данные меры не приводят к полной ликвидации нарушений в сфере безопасности труда на предприятии и охраны труда. Поэтому авторы в своем исследовании предлагают разработанные этапы по совершенствованию охраны труда на примере предприятия, использование которых позволит решить проблему обеспечения безопасности на предприятиях особого значения.

На многочисленных предприятиях зачастую складывается ситуация, когда или соответствующие органы, осуществляющие надзор за соблюдением безопасности на предприятиях, выявляют нарушения, которые могут повлечь за собой крайне неприятные последствия. Но гораздо хуже, когда сложившаяся экстремальная ситуация ведет к причинению вреда жизни и здоровью людей, окружающему миру, а причиной служит человеческий фактор, халатность, самонадеянность. Поэтому авторы статьи озадачены этой проблемой. Для максимального повышения уровня безопасности на предприятиях стратегической важности и прочих, для минимизации последствий и предотвращения техногенных аварий и катастроф предлагаем вырабатывать внутреннюю культуру, которая будет заключатся в том, что все работники предприятия заинтересованы в неукоснительном выполнении техники безопасности на производстве.

Разработанная гипотеза, заключается в том, что отсутствие строгого соблюдения требований охраны труда работниками или при недостаточном финансировании влекут необходимость введения и разработки на государственном уровне положений стимулирующего, поощрительного характера для сотрудников исполняющих свои обязанности в соответствии с техникой безопасности.

Предприятия особого значения — действующие объекты государства или частных собственников имеющие стратегическое значение. Соблюдение охраны труда требует значительных затрат со стороны собственников и руководителя организации. В связи с различными причинами, в основном финансового характера, складывается ситуация, когда учредители требуют от исполнительных директоров большее количество дивидендов. А это влечет экономию директорами буквально на всем, в том числе и на охране труда. Данные действия ведут к более высоким затратам и снижению прибыли предприятия. На предприятиях стратегического плана особенное значение уделяется безопасности производства и в это вкладываются внушительные средства. Но, несмотря на это, и на данных предприятия фиксируются случаи несоблюдения техники безопасности.

[1] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Роя. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 3; 2022. № 9, ч. I, ст. 1259.

Иногда сами работники не соблюдают требования охраны труда. На наш взгляд, необходимо повысить безопасность на всех производствах и стратегического характера в том числе, руководствуясь разработанными этапами:

Включить понятие «вознаграждение за соблюдение охраны труда» в разработку локальных актов и порядка предоставления таких вознаграждений. Под которым понимается «денежное стимулирование выполнения труда работников в строгом соответствии с правилами (требованиями) охраны труда и технике безопасности, по результатам ежемесячного и (или) ежегодного конкурса»;

Разработать и применять правила по проведению ежемесячного конкурса по охране труда и технике безопасности;

Разработать и применить правила по проведению ежегодного конкурса по охране труда и технике безопасности;

Выявить пробелы и недостатки при проведении конкурсов и устранить их совместно с техническим, экономическим и юридическим отделами.

Проведение ежемесячного конкурса по охране труда и технике безопасности следует проводить в порядке:

Соблюдение работником требований охраны труда и безопасности в течении месяца влечет вознаграждение в размере половины оклада к заработной плате работника;

Соблюдение работником требований охраны труда и безопасности в течении трех месяцев подряд влечет вознаграждение в размере оклада к заработной плате работника;

Соблюдение работником требований охраны труда и безопасности в течении шести месяцев подряд влечет вознаграждение в размере полутора окладов к заработной плате работника;

Соблюдение работником требований охраны труда и безопасности в течении девяти месяцев подряд влечет вознаграждение в размере двух окладов к заработной плате работника;

Соблюдение работником требований охраны труда и безопасности в течении года влечет вознаграждение в размере двух с половиной окладов к заработной плате работника.

Руководствуясь предложенными этапами, внутри предприятия под руководством руководителя объекта возможно предотвращение аварий, катастроф, несчастных случаев на производстве. Для это необходимо стимулировать работников выполнять требования охраны труда и безопасности. Проводя ежегодный конкурс возможно устранить нарушения на определенном производственном объекте. Финансовые затраты оправдаются однозначно, потому что бережно относясь к высококвалифицированным работникам, сохраняя их жизни, выполняя работу без чрезвычайных ситуаций, несчастных случаев на производстве — минимизируются убытки.

В результате, хотелось бы сказать, что предложенные авторами положения по стимулированию руководства и работников выполнять и соблюдать технику безопасности, помогут многим предприятиям изменить культуру работы, повысить безопасность производства, избежать негативных последствий. Безопасность — это начало трудовой деятельности, залог качества выполняемой работы на государственных или частных производственных предприятиях. В процессе

работы возможны непредвиденные ситуации, но при правильном, планомерном и постоянном контроле за техникой безопасности, можно избежать роковых последствий.

References

1. *Bernessa R.A. and Latief Y.* Safety Cost Component Development of Risk-Based Standardized Work Breakdown Structure to Determine Safety Cost on Road Construction Project (Case study: At-grade road works). 2021. IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.

2. *Yijiao Chen.* Statistical Analysis and Risk Control of Civil Engineering Safety Management Accidents. 2021. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.

3. *Hussein Mahdi Abed and Hussein Ali Ewadh.* Coupling Visual Simulation Model (VISSIM) with Surrogate Safety Assessment Model (SSAM) to Evaluate Safety at Signalized Intersections. 2021 J. Phys.: Conf. Ser.

4. *Sahar S. Neham.* Eliciting a Mathematical Model from the Traffic Safety Index to Estimate the Number of Road Traffic Accidents 2021 J. Phys.: Conf. Ser.

5. *Ayu F., Karya D.F. and Rhomadhoni M.N.* Influence of Occupational Health and Safety Culture Implementation to Productivity of Work to Heavy Equipment Worker at PT. X Surabaya. 2021. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.

6. *Hamdi Ben-Nasr.* Labor Protection and Government Control: Evidence from Privatized Firms // Economic Modelling. Volume 52, Part B, January. 2016. P. 485–498

7. *Martina Gogolovб.* The Impact of the Financial Crisis on the Labour Protection of Chosen Employer Brands in the Construction Industry in Slovakia // Procedia Economics and Finance. Volume 23. 2015. P. 1434–1439

8. *Durбn J.M., Miranda J.D. and Patico P.M.* Implementation of Safety Management Systems and Health at Work (case study in a telecommunications company). 2018. J. Phys.: Conf. Ser.

9. *Ichwan N.E., Akhmad Sutoni, Siti Tsana Khoerunnisa and Mujiarto.* Analysis of Occupational Safety and Health Systems in Bridge Construction Development Logistics Systems: Case Study at Cibeureum Bridge, Sukabumi. 2021. J. Phys.: Conf. Ser.

10. *Glebova E.V., Volokhina A.T., Vikhrov A.E. and Chistyakova N.D.* Level Increase of Process Safety Culture at the Fuel and Energy Complex Enterprises. 2021. IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.

11. *Sudiarno A. and Sudarni A.C.* Assessment of Safety Culture Maturity Level in Production Area of a Steel Manufacturer. 2020. IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.

12. *Aleksandrova A.Yu. and Timofeeva S.S.* Analysing and Assessing the State of Safety Culture at the Mining Industry Facilities in the Irkutsk Region. 2020. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.

13. *Rossy Armyn Machfudiyanto and Yusuf Latief.* A Conceptual Framework to Development of Construction Safety Culture in Indonesia. 2017. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.

14. *Mick Walker.* SRP Scientific Meeting: Human Factors, Motivation Training and Certification, Oxford, 9 - 10 April. 1997. 1997 J. Radiol. Prot.

15. *Fuqiang Qi, Wenxin Lai and Ziruo Jia.* Research on the Relationship of Safety Climate and Safety Performance in Airlines 2018 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.

16. *Junaidah Zakaria, Che Rosmani Che Hassan, Mahar Diana Hamid, Ezrin Hani Sukadarin and Zakaria Razak.* Safety Culture Level Among Workers in the Selected Manufacturing Plant. 2020. IOP Conf. Ser.: Mater. Sci. Eng.

17. *Yanan Su, Liangliang Cheng, Wenjia Cai, Jason Kai Wei Lee, Shuang Zhong, Siyu Chen, Teng Li, Xinfei Huang, Cunrui Huang.* Evaluating the Effectiveness of Labor Protection Policy on Occupational Injuries Caused by Extreme Heat in a Large Subtropical City of China. Environmental Research Volume 186, July 2020.

18. *Domenico Lisi.* The Impact of Employment Protection Legislation on Labour Productivity in a General Equilibrium Matching ModelImpacto de la Legislación de Protección Del Empleo Sobre la Productividad Laboral en un Modelo Combinado de Equilibrio General // Cuadernos de Economía. Volume 36. Issue 102. September–December 2013. P. 128–141

19. *Sharafutdinov A.A. andKrasnov A.V.* Fire Safety External Audit Procedure. 2021. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.

ПЕРСОНАЛИИ

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО!

THE SCIENTIST'S JUBILEE!

Варыгин Александр Николаевич родился 22 сентября 1962 г. в Саратове.

С 1981 по 1983 гг. проходил срочную службу в рядах Советской Армии. В 1983 г. поступил в Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского.

В 1987 г. с отличием окончил следственно-криминалистический факультет Саратовского юридического института им. Д.И. Курского. С 1987 по 1992 г. работал следователем, а затем старшим следователем Приволжского УВД на транспорте.

В 1992 г. поступил в очную адъюнктуру Юридического института МВД РФ (г. Москва), тамже в 1995 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; в 1999 г. поступил в докторантуру Саратовского юридического института МВД РФ, в 2003 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук.

В 2006 г. А.Н. Варыгину было присвоено ученое звание профессора по кафедре уголовного права и криминологии.

С 2008–2010 г. он становится начальником следственно-криминалистического факультета Саратовского юридического института МВД России в звании полковник милиции.

С сентября 2011 г., после увольнения из органов внутренних дел, он вступил в должность профессора кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии,

В 2016 г. он занимает должность заведующего кафедрой прокурорского надзора и криминологии СГЮА.

Александр Николаевич является членом Российской криминологической ассоциации имени Азалии Ивановны Долговой.

23 октября 2012 г. состоялось совместное заседание Правления Российской криминологической ассоциации, где принято решение об избрании доктора юридических наук, профессора Варыгина Александра Николаевича, вице-президентом Российской криминологической ассоциации с курированием вопросов по Приволжскому федеральному округу (решение принято единогласно).

Варыгин А.Н. является автором более 150 научных публикаций. Основные направления его научных исследований: преступность сотрудников органов внутренних дел и ее предупреждение; предупреждение преступности на железнодорожном транспорте. Под его руководством подготовлено 26 кандидатов юридических наук, также он осуществляет научное руководство 2 докторантами и 4 аспирантами по подготовке ими диссертационных исследований.

Член редакционного совета журнала «Современное право», «Вестник Казанского юридического института МВД России», «Вестник Саратовской государственной юридической академии».

Мы поздравляем Александра Николаевича с Юбилеем и желаем творческих успехов, хороших учеников, новых идей в науке!

Коллектив кафедры прокурорского надзора и криминологии

РАЗГИЛЬДИЕВУ БЯШИРУ ТАГИРОВИЧУ — 80!

RAZGILDIEV BYASHIR TAGIROVICH — 80!

12 августа 1942 года в с. Маляевка Ленинского района Сталинградской области родился Бяшир Тагирович Разгильдиев. Он появился на свет в окопе под яростным фашистским обстрелом в ту самую Сталинградскую битву. И только 12 сентября 1942 года родителям удалось зарегистрировать ребенка. Обстановка, в которой юбиляр появился на свет, предопределила всю его жизнь. Девиз ученого — это жить вопреки всему, несмотря ни на что, и так, как считаешь необходимым.

В 1966–1970 гг. Бяшир Тагирович поступил в Саратовский юридический институт им. Д.И. Курского и успешно его окончил. В период обучения в институте он, как и все студенты того времени, принимал активное участие в строительстве нового корпуса (сейчас корпус № 1), расположенного на ул. им. Н.Г. Чернышевского. После окончания института в 1970 г. Бяшир Тагирович направляется в Волгоградскую область на службу в уголовный розыск. Там он проработал пять лет, несколько из них в должности следователя.

В 1975 г. перешел на преподавательскую работу в Высшую следственную школу МВД СССР на кафедру уголовного права.

В 1979 г. в ВНИИ МВД СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности — «Уголовное право и криминология; исполнительно-трудовое право», по теме «Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению».

В 1995 г. в Академии МВД РФ защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности — «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», по теме «Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализации».

Необходимо отметить, что подготовка диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Бяширом Тагировичем осуществлялась самостоятельно, без официального научного консультанта.

С 1991–1995 гг. Бяшир Тагирович работает в должности заместителя начальника института по учебной работе Саратовского юридического института МВД РФ в звании полковника милиции.

В период с 1995–1998 гг. Бяшир Тагирович занимает должность начальника кафедры уголовного права и криминологии Саратовского юридического института МВД России.

Преподавательская деятельность в Саратовской государственной юридической академии началась с 1998 года. С 1998 по 2007 гг. проработал в должности директора Поволжского регионального юридического института Саратовской государственной академии права.

В период работы в академии Бяширу Тагировичу Разгильдиеву присвоено звание Заслуженный деятель науки РФ.

Его огромный вклад в развитие юридической науки очевиден. Начиная с 1999 г. Бяшир Тагирович осуществляет подготовку докторов и кандидатов юридических наук.

Среди его учеников как преподаватели, так и действующие сотрудники правоохранительных органов.

За период научно-исследовательской деятельности Бяширом Тагировичем Разгильдиевым подготовлено свыше 150 научных трудов. Наиболее значимыми являются следующие монографии: «Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению» (Саратов, 1981); «Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация» (Саратов, 1993); «Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права» (Саратов, 1995). Б.Т. Разгильдиев обстоятельно обосновал понимание задач уголовного права Российской Федерации, их соотношение с функциями уголовного права, показал роль и место этих задач в уголовном законодательстве России. Им выдвинуты новые идеи о ряде содержательных аспектов уголовного правоотношения.

Он является членом ученого и диссертационного советов СГЮА, членом редакционной коллегии журнала Вестник Саратовской государственной юридической академии.

Мы от всего сердца поздравляем Бяшира Тагировича с Юбилеем, гордимся, что работаем с Вами! Желаем крепкого здоровья и творческих свершений!

Коллектив кафедры прокурорского надзора
и криминологии

ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv